ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — коллективный рассказ о первых чекистах республики, о тех грозных и славных днях, когда в Якутии укреплялась Советская власть, шла гражданская война.

Написали ее чекисты, непосредственные участники событий, и журналисты.

- Они были первыми
  -
  - ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ
  - Ю. Герман
  - В. Бонч-Бруевич
  - Л. Жженых
  - Г. Тахватулин
  - А. Пономарев
  - В. Петров, П. Филиппов
  - М. Риу
  - И. Виноградов
  - А. Михайлов
  - И. Иннокентьев
  - Л. Жженых
  - К. Федотова
  - В. Бухалов
  - А. Мельников
  - Л. Василевский
  - В. Бухалов
  - А. Паулин
  - Е. Виллахов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

(ОЧЕРКИ О ЧЕКИСТАХ ЯКУТИИ)

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

С первых дней существования Республики Советов В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что главная задача победившей диктатуры пролетариата — это задача созидательная. Однако начать строить новое общество пришлось не с этого. Немедленно после Великой Октябрьской социалистической революции враги трудящихся — свергнутые эксплуататорские классы, с одной стороны, империалистические государства, в первую очередь США и Англия, их разведки, с другой — создали единый фронт борьбы против Советской власти, организуя заговоры, террористические и диверсионные акты, провоцируя неустойчивых в политическом отношении и малосознательных граждан на совершение враждебных по своему содержанию действий.

В этой связи В. И. Ленин в записке Ф. Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками указывал, что

> «буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.
>
> Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целен погромов…
>
> Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»[1].

20 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров принял постановление об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В. И. Ленин считал, что во главе такой комиссии надо поставить преданного революционера, человека, сочетающего в себе лучшие качества революционера: решительность, последовательность, непримиримость к врагам революции, кристальную честность. Такими качествами обладал Дзержинский. Именно поэтому Коммунистическая партия и поручила ему возглавить ВЧК — карающий меч революции.

Партия направила на работу в ВЧК лучших своих представителей, верных ленинцев, коммунистов с большим партийным стажем и опытом подпольной борьбы с царизмом — В. Р. Менжинского, М. С. Кедрова, И. С. Уншлихта,

М. С. Урицкого, С. Г. Уралова и других.

В соответствии с ленинскими указаниями Дзержинским были заложены и развиты такие славные чекистские традиции и принципы деятельности органов государственной безопасности как беззаветная преданность партии и народу, постоянная опора на трудящиеся массы и повседневная связь с ними, непримиримость к классовым врагам и высокий пролетарский гуманизм.

Под его непосредственным руководством ВЧК и ее органы на местах только за годы гражданской войны разоблачили и обезвредили сотни шпионов и диверсантов, спекулянтов и бандитов, ликвидировали более 500 крупных заговоров, среди которых были такие опасные, как заговор Локкарта, «Национальный центр» и другие.

Создав свою разведку, разведку принципиально новую по целям и задачам, ВЧК проникала в логово врагов, срывала их планы и наносила по ним упреждающие удары.

Высоко оценивая деятельность ВЧК по борьбе с контрреволюцией и силами международного империализма, В. И. Ленин подчеркивал что

> «…это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть»[2].

Органы ВЧК стали грозной силой благодаря их тесной связи с народом и непосредственному руководству ими со стороны Коммунистической партии. Центральный Комитет и лично Ленин определяли основные принципы и направления в деятельности чекистских органов. Несмотря на огромную занятость, Владимир Ильич повседневно уделял внимание работе ВЧК. Он принимал участие в чекистских конференциях и неоднократно выступал перед сотрудниками. Нередко требовал доложить ему то или иное дело, постоянно и глубоко интересовался ходом наиболее крупных чекистских операций. Так, ему был доложен и согласован план оперативных мероприятий но пресечению враждебной деятельности за границей монархистов и савинковцев, а также но выводу из-за кордона злейших врагов Советского государства Савинкова и матерого английского шпиона Сиднея Рейли.

Враги предпринимали отчаянные попытки подорвать доверие народа к чекистам, вопили об ужасах ЧК, изощрялись по поводу отдельных ошибок в работе чрезвычайных комиссий. Центральный Комитет Коммунистической партии твердо и последовательно выступал в защиту чекистов от нападок не

только врагов, но и тех, кто в силу политической незрелости подпадал под влияние враждебной пропаганды и повторял ее домыслы. В связи с этим В. И. Ленин указывал:

> «…Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК, — это неумение поставить вопрос в большом масштабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.
>
> …Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие…
>
> Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»[3].

Феликс Эдмундович по натуре добрый, отзывчивый человек, был беспощаден к врагам революции. Он учил чекистов не обращать внимания на ругань буржуазных писак и уверенно стоять на своем боевом посту.

В беседе с корреспондентом «Правды» он говорил:

> «Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И не удивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть — вполне заслуженна. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе»[4].

Оказывая органам ВЧК большое доверие и наделив их широкими полномочиями, Коммунистическая партия предъявляла к ним в то же время высокую требовательность и взыскательность, своевременно указывала на недостатки в их работе. Особое значение придавалось вопросам соблюдения

социалистической законности. Партия требовала не формального соблюдения правовых норм, а их точного применения с классовых позиций, с тем, чтобы революционные законы в руках чекистов были направлены острием против истинных врагов Советской власти, их пособников и вместе с тем служили надежной защитой прав и интересов трудящихся.

Это указание партии наполняло деятельность чекистов духом высокого гуманизма и бережного отношения к простым труженикам.

Дзержинский, с присущей ему энергией и последовательностью, требовал от своих сотрудников неукоснительного выполнения этой генеральной линии партии в работе органов госбезопасности. В приказе от 28 февраля 1920 года он подчеркивал, что председатели и члены коллегии ЧК обязаны знать все правительственные декреты и руководствоваться ими в своей работе.

> «Это необходимо для того, — говорилось в приказе, — чтобы избежать ошибок и самим не превратиться в преступников против Советской власти, интересы коей мы призваны блюсти»[5].

По примеру Центрального Комитета и во исполнение его указаний с той же последовательностью и принципиальностью боролись за чистоту и укрепление чекистских органов партийные организации на местах. Однако в силу целого ряда причин местные органы ВЧК формировались не одновременно.

Советская власть в Якутии была восстановлена 15 декабря 1919 года, когда рабочие и революционно настроенные солдаты под руководством большевиков навсегда взяли власть в свей руки. Разгромленные колчаковцы бежали из Якутска.

Выступая на заключительном заседании IV Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в феврале 1920 года в Москве, В. И. Ленин обратил внимание чекистов на то, что, несмотря на разгром главных сил контрреволюции, еще вероятны попытки новых контрреволюционных движений и восстаний, организации террористических актов. Поэтому органы ВЧК, говорил Владимир Ильич, должны сохранить полную боевую готовность[6].

Все сказанное им имело прямое отношение к Якутии. Здесь оставались недобитые белогвардейцы, кулаки и тойоны, которые не теряли надежд на возвращение старых порядков.

Оправившись от первого поражения, враги развернули активную подрывную деятельность. Они устраивали вооруженные заговоры, саботировали мероприятия органов власти, вели

антисоветскую агитацию.

В такой обстановке становилась все очевиднее необходимость создания особого органа по борьбе с контрреволюцией, наделенного чрезвычайными правами.

Осенью 1920 года Якутия была выделена в самостоятельную административную единицу.

В связи с этим председатель райоргбюро РКП(б) М. К. Аммосов 8 сентября вынес на рассмотрение вопрос о преобразовании райоргбюро РКП(б) в губернское и о создании Губернской чрезвычайной комиссии, которая была образована постановлением № 31 от 11 сентября 1920 года.

Губчека создавалась в строгом соответствии с указаниями Дзержинского, который говорил:

> «Наши ЧК на местах — это отражение наших местных партийных сил. Улучшить ЧК — это значит усилить губком, перед которым губЧК, как ВЧК перед ЦК, отчитывается…»

Вдумываясь в эти слова, нельзя не восхищаться глубиной и прозорливостью Феликса Эдмундовича, который, по словам одного из выдающихся его соратников В. Р. Менжинского, был «великим партийцем».

С первых шагов своей деятельности Якутская губчека работала как политический орган партии под непосредственным руководством и при прямой помощи губернского бюро РКП(б).

Членами губбюро в разное время избирались сотрудники С. Ф. Литвинов, Е. А. Зайцев, П. П. Кочнев, А. В. Агеев, С. М. Аржаков.

Несмотря на острый недостаток кадров Якутская партийная организация направила на работу в ЧК лучших своих людей, таких как Петр Павлович Кочнев, Иосиф Ефимович Иванов, Степан Филиппович Литвинов, Габидулла Оскарович Баширов, Габид Ахметович Тахватулин, Григорий Иосифович Шергин, Феодосия Брусенина, Ядвига Проневич. В числе первых чекистов были Алексей Иванович Карелин, Владимир Антонович Константинов, Алексей Андреевич Пономарев.

На заседаниях губбюро регулярно заслушивались доклады руководителей ЧК о их работе, исходя из политической обстановки, ставились конкретные задачи, решались кадровые вопросы. Только в 1921 году губбюро РКП(б) рассмотрело более пятидесяти таких вопросов.

Много внимания уделял созданию и укреплению чекистских органов М. К. Аммосов. Еще весной 1920 года, находясь в Иркутске, он встречался с председателем Иркутской губчека

С. Г. Чудновским и договаривался с ним о направлении в Якутск товарищей, имевших опыт борьбы с контрреволюцией.

Позднее постоянно интересовался состоянием дел в губчека, не раз беседовал с сотрудниками.

Один из первых чекистов Андрей Трофимович Роменец, приехавший на работу в Якутию в августе 1922 года после окончания Курской губернской совпартшколы, вспоминал, что со всеми коммунистами, направленными на оперативную работу, беседовал Аммосов, который подробно рассказывал о ликвидации тайной заговорщической организации в городе в феврале 1921 года, о сложной обстановке в области и поставил задачу усиления оперативной работы по выявлению контрреволюционных элементов.

Первым председателем Коллегии Якутгубчека был Иосиф Борисович Альперович, впоследствии крупный советский хозяйственный работник. В 1921—1923 годах ее возглавляли Андрей Васильевич Агеев, член ленинской партии с 1905 года, и Степан Максимович Аржаков, известный якутский революционер.

Это были трудные годы борьбы с контрреволюцией.

Буржуазия и тойоны, изменив национальным интересам своего народа, объединились с белогвардейцами и их иностранными хозяевами, объявили открытую войну Советской власти. Во главе мятежа стали буржуазные националисты, идеологи якутских тойонов, кулаков и торговцев. Захватив значительную часть области, отпетые антисоветчики в марте 1922 года на своем сборище в Чурапче создали контрреволюционное правительство под названием «Временное Якутское областное народное управление» (ВЯОНУ) и обратились за помощью к иностранным империалистам и дальневосточной контрреволюции.

Они призывали к «скорейшему сокрушению Российской республики Советов…»

Жестокий террор царил в захваченных ими районах.

В одном из бандитских приказов в Баягантайской волости, датированном 2 января 1922 года, говорилось:

> «…3. Расстреливать на месте всех чекистов, милиционеров, коммунистов и их агентов без всякого суда и следствия.
>
> 4. Все советские учреждения ликвидируются. Никакого содействия коммунистам. За содействие будут расстреливаться на месте…»[7].

И преступники творили кровавое дело.

Арестованный бандит И. Иванов на допросе 30 апреля 1923

года показал:

> «…В Чакырском наслеге мы арестовали 10 человек, из них 6 расстреляли. Затем 3 человека под угрозой расстрела вступили в наш отряд. При отступлении из Чурапчи мною было задержано 6 человек, кои по приказу начальника были расстреляны, в т. ч. старуха 60 лет и слепой старик…»[8].

В такой обстановке чекисты Якутии показали себя преданными делу партии и революции бойцами.

На открытом партийном собрании комячейки губчека было единогласно принято решение: не жалея жизни, выполнить свой долг по борьбе с бандитизмом.

По приказу председателя А. В. Агеева 16 января 1922 года из сотрудников был сформирован боевой отряд и пулеметная команда. Все женщины изъявили желание стать санитарками.

В этот трудный период областная партийная организация постоянно направляла деятельность органов ВЧК, оказывала нм всестороннюю помощь.

31 ноября 1921 года Президиум Губбюро заслушал информацию «О положении на бандитском фронте» и, учитывая увеличивающийся объем работы в ЧК и ежедневные потери в личном составе, постановил направить в органы пополнение — трех руководящих и четырех рядовых коммунистов. Губбюро потребовало также усиления работы в городе и очищения его от преступных элементов.

Дзержинский и центральный аппарат ВЧК—ОГПУ постоянно оказывали помощь якутянам. В ноябре 1921 года по приказу Феликса Эдмундовича в Якутию была направлена специально сформированная 33-я рота, впоследствии переименованная в 80-й дивизион войск ОГПУ, который внес немалый вклад в дело разгрома контрреволюционных сил.

В 1928 году руководство ОГПУ СССР командировало в республику известных чекистов — Григория Сергеевича Сыроежкина и Сергея Васильевича Пузицкого. Они были активными участниками разработки и осуществления теперь уже классической операции «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту эсера-террориста Савинкова. Они оказали огромную практическую помощь якутским чекистам в окончательной ликвидации контрреволюционного отребья.

Эти факты говорят о большой интернациональной помощи, оказанной трудящимся республики со стороны руководства ВЧК—ОГПУ СССР. Она укрепляла солидарность рабочего класса Советской России с трудящимися Якутии способствовала

выполнению нелегких задач охраны государственной безопасности.

Заслуги чекистов Якутии в борьбе за укрепление Советской власти высоко оценены лично Дзержинским в специальной телеграмме, направленной 17 декабря 1922 года и в приказе ОГПУ СССР, изданном 20 сентября 1928 года, а также областным комитетом партии и правительством республики.

В годы борьбы с врагами революции немало чекистов Якутии отдали жизнь, защищая завоевания Октября.

> «Многое забудут наши потомки, но как ни один историк французской революции не может обойти молчанием якобинцев, как ни один историк не может не отдать им должное, так и историк русской революции не может пройти мимо чекистов, не отдав им должного уважения и не признав за ними величайшей заслуги в революции и в развитии коммунизма»[9].

Сотрудники Комитета госбезопасности республики свято берегут память о первых чекистах.

Силами комсомольцев создан кабинет чекистской славы. В нем собраны материалы о деятельности органов госбезопасности Якутии. На мемориальную доску занесены имена 64 сотрудников, погибших в борьбе за защиту завоеваний революции и дела социализма в Якутии. Здесь же дорогие для нас награды — Красные знамена, врученные чекистам республики в разное время ЯЦИКом и Якутским обкомом КПСС.

В мае-июне 1982 года в связи с празднованием 60-летия образования СССР и Якутской АССР, группа сотрудников в составе Е. Ф. Нартахова, Б. А. Катаева, В. Г. Яковлева, В. В. Баранея, С. В. Лыткина, А. С. Поморцева и Н. Н. Федорова совершила водно-пеший поход по маршруту двух отрядов 33-й роты ВЧК, боровшихся с бандами на Вилюе в 1922 году.

Перед чекистами-спортсменами были поставлены задачи: расширять и укреплять связи с трудящимися, проводить встречи и беседы, посвященные предстоящим торжествам, роли и участию органов госбезопасности в становлении и защите Советской власти на местах, а также политической бдительности; собирать материалы о героических делах чекистов для использования их в воспитательной работе с молодыми сотрудниками; пропагандировать прикладные виды спорта.

В общей сложности спортсмены преодолели более тысячи километров пути, побывали в шести районных центрах и пяти населенных пунктах. При содействии партийных и комсомольских органов были организованы митинги на братских

могилах, у памятников погибшим чекистам. Проведено более двадцати встреч и бесед с трудящимися, в которых активное участие принимали ветераны гражданской и отечественной войн, комсомольцы и школьники.

Участники похода встретились с бывшим проводником одного из отрядов 33-й роты Яковом Петровичем Ивановым и записали его рассказ о борьбе с бандами.

Благородной задаче воспитания молодого поколения предназначается и предлагаемый читателю сборник «Они были первыми». Он открывается материалами, посвященными выдающемуся деятелю нашей партии и Советского государства Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, чья яркая жизнь служит примером для чекистов всех поколений. В него включены воспоминания сотрудников, а также документальные рассказы о наиболее характерных операциях, проведенных в годы борьбы с контрреволюцией. Разумеется, это лишь небольшая часть дел, совершенных первыми чекистами.

Мы надеемся, что сборник поможет читателям расширить свое представление о деятельности губчека Якутии, будет способствовать укреплению связи сотрудников КГБ с трудящимися в интересах безопасности нашей Родины.

В. ГУСЕВ,
председатель КГБ Якутской АССР

Ю. Герман
ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Я никогда не видел Феликса Эдмундовича Дзержинского, но много лет назад, по рекомендации Максима Горького, разговаривал с людьми, которые работали с Дзержинским на разных этапах его удивительной деятельности. Это были и чекисты, и инженеры, и работники железнодорожного транспорта, и хозяйственники.

Люди разных биографий и разного уровня образования, они все сходились в одном — и это можно было сформулировать, пожалуй, так: «Да, мне редкостно повезло, я знал Дзержинского, видел его, слышал его. Но как об этом рассказать?»

А как мне пересказать все то, что я слышал более тридцати лет назад? Как собрать воедино воспоминания разных людей об этом действительно необыкновенном человеке? Это очень трудно, это почти невозможно.

И вот передо мною книга Софии Сигизмундовны Дзержинской «В годы великих боев». Верная подруга Феликса Эдмундовича, она сообщила о нем много такого, чего мы не знали и что еще более восхищает нас в этом грандиозном характере. Читая ее воспоминания, я захотел вновь вернуться к образу Феликса Дзержинского, который занимает в моей литературной биографии важное место.

Он был очень красив. У него были мягкие, темно-золотистые волосы и удивительные глаза — серо-зеленые, всегда внимательно вглядывающиеся в собеседника, доброжелательные и веселые. Никто никогда не замечал в его взгляде выражения безразличия. Иногда в глазах Дзержинского вспыхивали гневные огни. Большей частью происходило это тогда, когда сталкивался он с равнодушием, которое очень точно окрестил «душевным бюрократизмом».

Про него говорили: «Лед и пламень». Когда он спорил и даже сердился в среде своих, в той среде, где был до конца откровенен, — это был пламень. Но когда он имел дело с врагами Советского государства — это был лед. Здесь он был спокоен, иногда чуть-чуть ироничен, изысканно вежлив. Даже на допросах в ЧК его никогда не покидало абсолютно ледяное спокойствие.

После разговора с одним из крупных заговорщиков, в конце двадцатых годов, Феликс Эдмундович сказал своему помощнику Беленькому:

— В нем смешно то, что он не понимает, как он смешон —

исторически. С пафосом нужно обращаться осторожно, а этот — не понимает…

Дзержинский был красив и в детстве, и в юности, и до конца своей жизни. Одиннадцать лет ссылки, тюрем и каторги пощадили Дзержинского, он остался красивым.

Скульптор Шеридан, приезжавшая из Англии в Россию, написала в своих воспоминаниях, что никогда ей не доводилось лепить более прекрасную голову, чем голова Дзержинского.

> «А руки его, — это руки великого пианиста или гениального мыслителя. Во всяком случае, увидев его, я больше никогда не поверю ни одному слову из того, что пишут у нас о г-не Дзержинском».

Но прежде всего он был поразительно красив нравственной стороной своей личности.

27 мая 1918 года Дзержинский писал жене:

> «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом, некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие».

Эти слова могут быть отнесены ко всей сознательной жизни Дзержинского.

Нельзя с точностью определить, когда именно Дзержинский начал жизнь солдата революции. Еще мальчиком он невыносимо страдал от всяких проявлений тирании, шовинизма, душевного хамства, унижения человеческой личности, социального и национального неравенства, — всего того, что было сутью царской России.

И страдал не созерцательно, а действовал — активно, пламенно, не считаясь ни с какими, могущими воспоследствовать, печальными для него результатами.

Еще в гимназические годы Дзержинский стал революционером-профессионалом. И он совершенно сознательно выбирал для себя самое трудное, самое опасное.

…Провал варшавской межрайонной партийной конференции в Дембах Вельских. Полиция окружает участников конференции. И все слышат спокойный голос Дзержинского: «Товарищи! Быстро давайте сюда все нелегальное, что есть у вас. Мне в случае ареста терять нечего».

Во время расстрела демонстрации в Варшаве, когда граф

Пшездецкий сорванным голосом командовал: «Огонь, еще огонь! По мятежникам огонь!» — нелегал Дзержинский спасал на месте расстрела раненых, скрывая их от солдат и полицейских в подъездах и дворах домов, помог поместить в больницы наиболее тяжко пострадавших.

Освобожденный под залог из тюрьмы, Феликс Эдмундович уже на другой день пришел в комнату свиданий этой же самой тюрьмы, долго разговаривал через решетку со своими товарищами по заключению, с их женами, матерями, детьми.

Всегда, всю жизнь он находился в «огне борьбы». Сосланный осенью 1909 года на вечное поселение в Сибирь и лишенный всех прав состояния, Дзержинский через неделю убегает из села Тасеевки Канского уезда Енисейской губернии. Ему 27 лет, он уже пять раз побывал в тюрьме и на каторге, здоровье его до крайности подорвано. Подчинившись требованиям товарищей, он перебирается на Капри, где и происходит его знакомство с Максимом Горьким.

Горький пишет:

> «Впервые я его видел в 1909—1910 годах, и уже тогда, сразу же, он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости».

Дзержинский и на Капри не знает отдыха. Здесь начинается его становление как будущего руководителя ВЧК. 4 февраля 1910 года, исследуя материал о провокации в подпольных организациях, Феликс Эдмундович пишет:

> «Ясно вижу, что в теперешних условиях подполья, до тех пор, пока не удастся все же обнаружить, изолировать провокаторов, надо обязательно организовать что-то вроде с л е д с т в е н н о г о о т д е л а…»

Дзержинский отдыхать не умел. Не умел он и лечиться. Эмиграция была для него мучительной, в буквальном смысле этого слова. Не выносивший патетики, он писал:

> «Я не могу наладить связь… вижу, что другого выхода нет, — придется самому ехать туда, иначе постоянная, непрерывная мука. Мы совершенно оторваны. Я так работать не могу — лучше даже провал…»

И он возвращается, несмотря на опасность провала, в самый огонь борьбы. Руководит комиссией, которая ведет следствие по

делу лиц, подозреваемых в провокациях. И охранка знает об этой его деятельности. Дзержинский в подполье, Дзержинский, бежавший с царской каторги, страшен царской охранке.

Опытнейший конспиратор, он заботится о безопасности своих товарищей-подпольщиков. Придирчиво следит, чтобы в случае расконспирирования какого-либо партийного работника тот как можно скорее изменил свою внешность, завел новые документы.

Вспоминая впоследствии эту сторону деятельности Феликса Эдмундовича, один из его друзей с улыбкой сказал:

— Ему хватало времени еще и на то, чтобы быть нашей охраной труда в те нелегкие годы…

Разумеется, Феликс Эдмундович занимался в те годы не только «охраной труда». Он сочетал в себе подлинное бесстрашие с умением вести самое кропотливое, самое неблагодарное дело. Вот он взялся ревизовать партийную кассу. Не зная бухгалтерских тонкостей, он много бессонных ночей провел за подсчетами, установил точную картину финансового положения партийной организации и со свойственной ему пунктуальностью взыскал долги. Работал он в крошечной кухне, даже подушки у него не было. Раз в сутки варил себе кашу на примусе, ежеминутно ожидая налета полиции.

Ему поручили привести в порядок конспиративный партийный архив. И он выполнил это не очень легкое поручение с таким же блеском, с каким провел до этого бухгалтерскую ревизию.

У него был свой уникальный метод составления шифрованных писем. По ночам он шифровал своим бисерным почерком сотни писем. Ни одно из этих писем охранке не удалось прочесть.

Конспиратор он был безупречный, скрупулезный. Никто, даже самый близкий, самый достойный доверия друг, не мог узнать больше того, что непосредственно его касалось.

Дзержинский был абсолютно непримирим к тем, кто нарушал правила конспирации. Необыкновенно добрый, он не прощал даже малейшей ошибки, которая могла нарушить конспирацию и, следовательно, навредить партии.

Больше всего на свете этот совсем еще молодой человек любил детей. Где бы он ни жил, где бы ни скрывался, он всегда собирал вокруг себя ребят.

Софья Сигизмундовна вспоминает, как Дзержинский писал однажды за столом, держа на коленях малыша, что-то сосредоточенно рисующего, а другой малыш, вскарабкавшись сзади на стул и обняв Дзержинского за шею, внимательно следил за тем, как он пишет. Вся комната, набитая детьми, гудела, здесь,

оказывается, была железнодорожная станция: Дзержинский с утра собрал детей, понастроил поездов из спичечных коробок, а потом уже занялся своим делом.

Дзержинский умел любить чужих детей. Этот человек, начисто лишенный сентиментальности, писал еще в 1902 году своей сестре Альдоне:

> «Не знаю, почему я люблю детей так, как никого другого. Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю. И я думаю, что собственных я не мог бы любить больше, чем несобственных. В особенно тяжелые минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо…»

Из другого письма:

> «Я встречал в жизни детей, маленьких, слабеньких детей, с глазами, речью людей старых — о, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, отсутствие матери, воспитание на улице, в пивной превращает этих детей в мучеников, ибо несут они в своем молодом маленьком тельце яд жизни — испорченность. Это ужасно!»

Можно представить, каким невыносимым горем было для Дзержинского то, что, находясь либо в эмиграции, либо на каторге, долгие годы он был разлучен со своим сыном Яцеком. И ни одной жалобы за все это время. Ни слова о своих чувствах к сыну. А ведь было и такое, когда тюремщики, чтобы сломить Дзержинского, отобрали у него фотографию сына.

…Жена родила в тюрьме недоношенного ребенка. Мальчик был больной и слабый. Врача почти невозможно допроситься. Уголовницы глумятся над «леворюционеркой». Дзержинский мечется. Нет денег, не на что послать жене передачу. Он не может нигде показаться, охранка на ногах, слежка идет круглые сутки. Это своего рода засада — Дзержинский должен непременно попасться. Такой человек, как Дзержинский, рассуждали в охранке, непременно появится, не сможет не появиться.

Да, Дзержинский любил детей. Он любил своего сына, он любил свою жену, но он не мог поддаться соблазну — даже этому, самому сильному, самому мучительному из соблазнов. И Дзержинский не появился.

Где он — знали только Софья Сигизмундовна и те люди в партии, кому надлежало знать. Дзержинский продолжал работать. Можно представить себе, каково было его душевное состояние.

Царский суд отыгрался на Софье Сигизмундовне. На судебном заседании она была с ребенком, ей некому было отдать сына. Больной Яцек плакал, кричал. Председательствующий непрестанно звонил в колокольчик. Никакие доводы адвоката не помогли. Приговор далее по тем временам был нечеловечески жестоким: кормящую мать отправили этапом в Сибирь. На пожизненное поселение…

Дзержинский был не только борцом с самодержавием, не только одним из вождей партии, но самым опасным, самым умным и храбрым врагом царской полиции. И потому охранка была так изощренно жестока с ним, потому делала решительно все, чтобы уничтожить Дзержинского. Его неизменно присуждали к каторге, ему создавали небывало суровый тюремный режим. Его пытались уничтожить и нравственно, раздавить, заставить капитулировать.

Тюрьмы, побеги, каторга, Орловский каторжный централ, разъедающие язвы на ногах от кандалов. И письмо еще незнакомому сыну:

> «Папа не может сам приехать к дорогому Яцеку и поцеловать любимого сыночка и рассказать сказки, которые Яцек так любит…»

Дзержинский в тюрьме… Этот документ — воспоминание одного из товарищей Дзержинского:

> «Мы увидели страшно грязную камеру. Грязь залепила окно, свисала со стен, а с пола ее можно было лопатами сгребать. Начались рассуждения о том, что нужно вызвать начальника, что так оставлять нельзя и т. д., как это обычно бывает в тюремных разговорах.
>
> Только Дзержинский не рассуждал о том, что делать: для него вопрос был ясен и предрешен. Прежде всего он снял сапоги, засучил брюки до колен, пошел за водой, принес щетку, через несколько часов в камере все — пол, стены, окно — было чисто вымыто. Дзержинский работал с таким самозабвением, как будто уборка эта была важнейшим партийным делом. Помню, что всех нас удивила не только его энергия, но и простота, с которой он работал за себя и за других».

В следственной тюрьме Павиак, вспоминает этот товарищ, Дзержинский организовал школу, разделенную на несколько групп. Преподавали там все, начиная с азбуки и кончая марксистской теорией, в зависимости от подготовки каждого

заключенного. Этой школой он был занят по пять-шесть часов в день, следил, чтобы ученики и лекторы собирались в определенное время и в определенном месте, чтобы учеба проводилась регулярно. Самого себя он называл школьным инспектором.

Это была очень сложная работа. Школа держалась только благодаря авторитету Дзержинского, его организаторским способностям и энергии.

Интересная подробность: никто из товарищей по заключению никогда не видел Феликса Эдмундовича в дурном настроении или подавленным. Он выдумывал всякие затеи, которые могли развеселить заключенных. Ни на минуту не оставляло его чувство ответственности за своих товарищей. У него был особый нюх на «подсадных уток» — завербованных охранкой подонков, которые осуществляли свою подлейшую работу в камерах. Феликс Эдмундович, попавший первый раз в тюрьму из-за провокатора, никогда впоследствии не ошибался насчет «подсадных».

Однако же не следует думать, что в заключении Дзержинскому было хоть в какой-то мере легче, чем его товарищам. Наоборот, ему было тяжелее. Известно, что он никогда не разговаривал с теми, кого именовал царскими палачами. На допросах он просто не отвечал на их вопросы. В заключении для необходимых переговоров с тюремщиками, как правило, находились люди, которые умели разговаривать с ними в элементарно-корректной форме. Они всегда служили как бы переводчиками, когда Дзержинский выставлял какие-либо категорические требования.

В Седлецкой тюрьме Феликс Эдмундович сидел вместе с умирающим от чахотки Антоном Россолом. Получивший в заключении сто розог, чудовищно униженный этим варварским наказанием, погибающий Россол, который уже не поднимался с постели, был одержим неосуществимой мечтой: увидеть небо. Огромными усилиями воли Дзержинскому удалось убедить своего друга в том, что никакой чахотки у него нет, что его избили, и он от этого ослабел. Кровотечение из горла, доказывал Дзержинский, тоже результат побоев.

Однажды после бессонной ночи, когда Россол в полубреду непрестанно повторял, что непременно выйдет на прогулку и увидит небо, Дзержинский обещал Антону выполнить его желание. И выполнил! За все время существования тюрем такого случая не бывало: Дзержинский, взвалив Россола к себе на спину и велев ему крепко держаться за шею, встал вместе с ним в строй перед прогулкой. На сиплый вопль смотрителя Захаркина, потрясенного неслыханной дерзостью, заключенные ответили так,

что тюремное начальство в конце концов отступило. В течение целого лета Дзержинский ежедневно выносил Россола на прогулку. Останавливаться во время прогулки было запрещено. Сорок минут Феликс Эдмундович носил Антона на спине.

К осени сердце у Дзержинского было испорчено вконец. Передают, что кто-то в ту пору сказал так:

> «Если бы Дзержинский за всю свою сознательную жизнь не сделал ничего другого, кроме того, что сделал для Россола, то и тогда люди должны бы поставить ему памятник».

В тюрьме Дзержинскому подвернулась книга по истории живописи. Она его увлекла, и он стал выписывать из тюремной библиотеки одну за другой монографии, посвященные живописи и скульптуре. Со страстным, нетерпеливым, счастливым чувством погружался он в мир искусства, с которым до того, скитаясь по тюрьмам, не имел времени познакомиться.

На воле он однажды провел день в знаменитой Дрезденской галерее. С этого вечера он никогда более не говорил о потрясающем все его существо искусстве живописи. Он отрубил от себя то, что влекло его с неодолимой силой. Он не умел делить себя. Не мог себе этого позволить. Когда позднее друзья говорили при нем о великих живописцах, Феликс Эдмундович в такие разговоры не вмешивался, только тень печали ложилась на его лицо.

А одному товарищу, который уже после революции припомнил, как Дзержинский помногу часов читал книги об искусстве, Феликс Эдмундович ответил скороговоркой:

— Да, да… Но только тысячи беспризорных детей умирают от голода и сыпного тифа…

Луначарскому он сказал в те дни:

— Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью… Я пришел к этому выводу… исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем, сколько их искалечено борьбой и нуждой? Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей… Я хотел бы стать сам во главе этой комиссии. Я хочу реально включить в работу и аппарат ВЧК. Я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются, его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречаются и халатность и даже хищничество… Я думаю: отчего

не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность? Тут нужна большая четкость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормошить. Думаю, мы всего этого достигнем.

Знаменитое письмо Дзержинского всем Чрезвычайным Комиссиям кончается удивительными словами:

> «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции».

В 1921 году Дзержинский находил время бывать в детских больницах и приютах. И бывал там, разумеется, не как почетный гость, которому показывают казовую сторону, а как Дзержинский.

Вот запись из его блокнота:

> «…Вобла, рыба — гнилые. Сливочное масло — испорчено. Жалоб в центр не имеют права подавать».

Вот собственноручные строчки грозного председателя ВЧК:

> «120 тысяч кружек, нужно сшить 32 тысячи ватных пальто, нужен материал на 40 тысяч детских платьев и костюмов. Нет кожи для подошв к 10 тысячам пар обуви».

Картины, театры, музыка — это потом, позже. Когда можно будет вздохнуть. А сейчас

> «жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом, некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше».

Никогда о себе.

Все — товарищам! Он не считал себя вправе потратить буквально ни копейки из партийного своего жалованья на то, что не являлось абсолютной жизненной необходимостью.

В эмиграции он не позволил себе ни разу купить билет в театр, а кафе, куда его однажды затащили товарищи и где подали по чашечке кофе и по пирожному, ввергло молодого Дзержинского в состояние величайшего смущения.

Таким он оставался до последних дней жизни.

Помощник Дзержинского Абрам Яковлевич Беленький, заметив, что нечеловеческая работа совершенно измучила председателя ВЧК, каким-то тайным путем достал для Дзержинского половину вареной курицы. Она пролежала на

подоконнике в комнате Беленького, пока не протухла. Феликс Эдмундович продолжительное время был чрезвычайно сух со своим помощником. Блюдечко желтого сахара — мелясы, которое принесли Дзержинскому, он отдал уборщице ВЧК для ее ребенка, а сотрудник ВЧК Герсон, который с трудом достал этот сахар на Сухаревке, выслушал суровый выговор Феликса Эдмундовича.

Широко известна история о том, как московские чекисты обманули председателя ВЧК, накормив его жареной на сале картошкой. В «чекистский заговор» был втянут и Максим Горький, который подтвердил Феликсу Эдмундовичу, что в столовой ВЧК действительно подают не суп из конины, как обычно, а картошку с салом.

В те годы, которые Дзержинский провел за тюремными замками и решетками, у него выработалась еще одна уникальная специальность. Многие из сидевших вместе с ним в тюрьме вспоминают замечательные лекции Феликса Эдмундовича о том, как побеждать тюремщиков. Величайший мастер конспирации на воле, Дзержинский оставался таким же непревзойденным конспиратором и в заключении. Он обучал своих товарищей азбуке перестукивания, учил тайнописи, передавал методы пассивного и активного сопротивления; он даже до тонкостей разработал способы передачи записок из камеры в камеру.

Дзержинский обладал беспримерной силой убеждения. Его волей, его огромной собранностью, его нравственной силой только и можно объяснить небывалую в истории царских тюрем победу заключенных пересыльной тюрьмы при Александровском каторжном централе. Под командованием совсем еще молодого Феликса Эдмундовича заключенные выбросили из Пересылки весь конвой во главе с офицером. Над пересыльной тюрьмой был поднят красный флаг с надписью «Свобода».

Дзержинский объявил, что Пересылка отныне и до победы представляет собой республику на территории Российской империи.

Скандал вышел небывалый. На место происшествия прибыл сам вице-губернатор, который на глазах сотен людей, собравшихся у тюрьмы, признал, правда, шепотом, свое поражение и уступил всем требованиям заключенных.

Дзержинский всегда и во всем был бесстрашен. Известно его удивительное поведение в логове восставших эсеров. Анархиствующий бандит Антонов-Камков, вернувшись в камеру после собеседования с председателем ВЧК, долго повторял одни и те же фразы:

— Вот он сидит, а вот я руку на пресс-папье положил… Пресс-папье тяжеленькое. Мне терять нечего. И хоть бы что. И

руку видит, и пресс-папье видит, и улыбается. Это как же понять? Или он не совсем в курсе относительно моей автобиографии?

Нет, Дзержинский был в курсе «автобиографий» тех лиц, с которыми беседовал. Он просто был нравственно сильнее.

Одиннадцатилетняя школа заключения и каторжного режима не прошла даром для этого человека. Когда бывало очень трудно, он без всякой патетики пошучивал:

— Сталь закаляется в огне!

Софья Сигизмундовна рассказывает, что когда Дзержинский осенью 1909 года был сослан в Сибирь, то по пути в Красноярскую тюрьму встретился с ссыльнопоселенцем М. Траценко, незаконно закованным в ножные кандалы. Из кухни Дзержинский унес под полой тюремного халата топор и пытался разрубить им кандальные кольца. Царские кандалы были крепки, кольцо гнулось, а разрубить металл оказалось невозможным. Но Дзержинский боролся с беззаконием тюремщиков до тех пор, пока они не сняли с Траценко кандалы.

В Тасееве, на месте ссылки, Дзержинский узнал, что одному из ссыльных угрожает каторга или даже смертная казнь за то, что он, спасая свою жизнь, убил напавшего на него бандита. Феликс Эдмундович, решивший еще в Варшаве немедленно бежать из ссылки, запасся паспортом на чужое имя и деньгами на проезд, которые умело спрятал в одежду. Но нужно было помочь товарищу. И Дзержинский, не задумываясь, отдал ему свой паспорт и часть своих денег.

Уже после революции близкий товарищ Дзержинского Братман-Брадовский, работавший секретарем советского посольства в Германии, прислал председателю ВЧК шерстяной свитер. У Феликса Эдмундовича был старенький, заштопанный свитер. В тот же день Дзержинский отдал подарок одному из своих помощников, а сам продолжал ходить в выношенном, негреющем свитере.

До конца своих дней он сам чистил себе обувь и стелил постель, запрещая это делать другим.

— Я — сам! — говорил он.

Узнав, что туркестанские товарищи назвали его именем Семиреченскую железную дорогу, Дзержинский послал телеграмму с возражением и написал в Совнарком записку, требуя отменить это решение.

Один ответственный работник железнодорожного транспорта, желая угодить Дзержинскому, который был тогда наркомом путей сообщения, перевел его сестру Ядвигу Эдмундовну на значительно лучше оплачиваемую работу, для

выполнения которой у нее не было квалификации. Дзержинский возмутился и приказал не принимать его сестру на эту ответственную работу, а подхалима снял с занимаемой должности.

Л. А. Фотиева рассказывала: как-то на заседании Совнаркома при обсуждении вопроса, поставленного Феликсом Эдмундовичем, выяснилось, что нет необходимых материалов. Дзержинский вспылил и упрекнул Фотиеву в том, что материалы из ВЧК отправлены, а секретарь Совнаркома их затеряла. Убедившись затем, что материалы из ВЧК не были доставлены, Дзержинский попросил на заседании внеочередное слово и извинился перед Фотиевой.

На Украине, вспоминает Феликс Кон, был приговорен к расстрелу коммунист Сидоренко. Ему удалось бежать. Но он не стал скрываться, а явился в Москву к Дзержинскому с просьбой о пересмотре дела. Уверенный в своей невиновности, а, главное, в том, что Дзержинский не допустит несправедливости, осужденный не побоялся прийти к председателю ВЧК.

> «В период работы Феликса Эдмундовича в ВЧК был арестован эсер, — рассказывает Е. П. Пешкова. — Этого эсера Дзержинский хорошо знал по вятской ссылке как честного, прямого, искреннего человека, хотя и идущего по ложному пути.
>
> Узнав об его аресте, Феликс Эдмундович через Беленького пригласил эсера к себе в кабинет. Но тот сказал:
>
> — Если на допрос, то пойду, а если для разговора, то не пойду.
>
> Когда эти слова были переданы Дзержинскому, он рассмеялся и велел допросить эсера, добавив, что, судя по ответу, он остался таким же, каким был, и поэтому, если он заявит, что не виновен в том, в чем его обвиняют, то надо ему верить. В результате допроса он был освобожден».

В это же время грозный председатель ВЧК писал своей сестре:

> «…Я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего. И сегодня, помимо идей, помимо стремления к справедливости, ничто не определяет моих действий».

Уже после эсеровского восстания в Москве, когда Дзержинского не убили лишь благодаря его невероятной личной

отваге, был арестован один из членов ЦК правых эсеров. Жена арестованного через Е. П. Пешкову пожаловалась Дзержинскому на то, что в связи с арестом мужа ее лишили работы, а детей не принимают в школу. После разговора с Дзержинским, который сразу все уладил, жена арестованного, встретив Екатерину Павловну Пешкову, разрыдалась, а впоследствии называла Феликса Эдмундовича «нашим замечательным другом».

Кто, когда, где первым сказал про Дзержинского: «карающий меч революции»?

Старый друг и соратник Дзержинского написал после его смерти:

> «И не удивительно, что именно этот бесстрашный и благороднейший рыцарь пролетарской революции, в котором никогда не было ни тени позы, у которого каждое слово, каждое движение, каждый жест выражал лишь правдивость и чистоту души, призван был стать во главе ВЧК, стать спасающим мечом революции и грозой буржуазии».
>
> Спасающий меч — это одно, а карающий — совсем другое.
>
> Имеем ли мы право так обеднять эту удивительную личность?
>
> «Если бы я мог писать о том, чем живу, то писал бы не о тифе, не о капусте, не о вшах, а о нашей мечте, представляющей сегодня для нас отвлеченную идею, но являющуюся на деле нашим насущным хлебом».

Это написано в те дни, когда политические заключенные Орловской каторжной тюрьмы под предводительством Дзержинского объявили голодовку.

И это написано тогда же:

> «Когда я думаю о том, что теперь творится (шел 1916 год. — *Ю. Г.*), о повсеместном якобы крушении всяких надежд, я прихожу к твердому для себя убеждению, что жизнь зацветет тем скорей и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение. И поэтому я стараюсь не думать о сегодняшней бойне, о ее военных результатах, а смотрю дальше и вижу то, о чем сегодня никто не говорит».

Вот речь Дзержинского, произнесенная в полутемной, холодной, мозглой тюремной камере:

> «Мы должны бороться и в тюрьме. Царизм в этой войне потеряет корону, рухнет кровавый царь. Победа будет за нами, с нами пролетариат всего мира, и мы тут, в тюремных казематах, объединимся с его революционной борьбой, не уступим в этой борьбе и начнем голодовку…»

Это была тяжелейшая, «сухая», голодовка: заключенные отказались и от воды.

Чтобы сломить волю политических, их бросили в карцер, отняли даже соломенные тюфяки. Каждый день в карцер приносили хлеб и кипяток, но хлеб выбрасывался в коридор, а вода выливалась. На четвертые сутки несколько заключенных умерло, но остальные продолжали голодовку. Чтобы лишить голодающих источника их нравственной силы, Дзержинского заперли в одиночку. Но именно по дороге в эту одиночку Дзержинскому удалось дать знать о голодовке политзаключенным всей тюрьмы, и в знак солидарности с теми, кто уже выбивался из сил, вспыхнула всеобщая голодовка. Губернскому прокурору пришлось явиться в тюрьму и принять требования голодающих.

В ту пору Дзержинский писал сыну Яцеку, чтобы он, когда вырастет, непременно был

> «ясным лучом — умел бы сам любить и быть любимым».

14 марта 1917 года Дзержинский встретил в Москве в Бутырках. В этот день революционные рабочие разбили ворота тюрьмы и, освободив, в числе других политкаторжан, Феликса Эдмундовича Дзержинского, вынесли его на руках на улицу.

Состояние здоровья Дзержинского было ужасающим. 1 июня 1917 года он принужден был уехать на месяц в Оренбургскую губернию, надеясь, что лечение кумысом принесет хоть какую-либо пользу. Софье Сигизмундовне, которая была в то время в Цюрихе, он написал (чтобы не слишком испугать ее при встрече), что увидит она не его самого, а лишь его тень. Софья Сигизмундовна переживала трудные дни. Связи ни с Петроградом, ни с Москвой почти не было. О том, чтобы выехать в Россию к мужу, не могло быть и речи: болел Яцек.

В июле 1918 года швейцарские газеты сообщили об убийстве левыми эсерами германского посла Мирбаха. Еще газеты писали, что эсеры арестовали Дзержинского, который после убийства Мирбаха отправился в логово врага, чтобы самому арестовать убийц.

Какова же была радость Софьи Сигизмундовны, когда в

Цюрихе, поздним вечером, она услышала под окном такты из «Фауста» Гуно. Это был старый условный сигнал, которым Дзержинский давал знать о себе.

Несколько дней отдыха…

Председатель ВЧК приехал в Швейцарию инкогнито — под именем Феликса Даманского. Здесь он впервые увидел сына. А Яцек отца не знал. Феликс Эдмундович на фотографии, которая всегда стояла на столе у матери, был с бородкой, с усами. Сейчас перед Яцеком стоял гладко выбритый человек….

И еще один человек не узнал Дзержинского. На пристани в Лугано он лицом к лицу столкнулся со шпионом-дипломатом, организатором контрреволюционных заговоров против Советской власти Брюсом Локкартом. Они встречались в Москве — Феликс Эдмундович лично руководил следствием. Локкарта, как дипломата, выслали тогда за пределы Советского государства…

И вдруг встреча в Лугано. Локкарт прошел мимо, равнодушно скользнув взглядом по незнакомому лицу встречного мужчины. Феликс Эдмундович рассказал жене об этой «приятной встрече» много позже. И вспомнил, кстати, начало своих упражнений в конспирации. Еще гимназистом влюбился он в одну гимназистку. Они обменивались записками. Письмоносцем служил, совершенно не подозревая об этом, ксендз, который преподавал закон божий в обеих гимназиях, — Дзержинский засовывал записки в калоши ксендза…

Поражают своей мягкостью первые защитительные меры Военно-революционного комитета. В ноябре 1917 года контрреволюционная организация «Русское собрание», возглавляемая Пуришкевичем, была разгромлена, а сам Пуришкевич приговорен к четырем годам лишения свободы с освобождением условно через год. По приказу ВРК под честное слово из Петропавловской крепости были освобождены министры-социалисты Временного правительства.

Чиновникам-саботажникам платили жалованье за три месяца вперед, хотя они ничего не делали. К марту 1918 года удалось саботаж ликвидировать. Но погромы винных складов, наркомания, пьянство, хулиганство, бандитизм, хищения музейных и дворцовых ценностей, спекуляции — продолжали усиливаться.

20 декабря 1917 года была создана ВЧК, в которой кроме Феликса Эдмундовича работали Орджоникидзе, Ксенофонтов, Петерс, Лацис, Менжинский, Кедров, Уншлихт, Уралов, Мессинг, Манцев и другие.

Первый смертный приговор был вынесен контрреволюционеру, авантюристу и бандиту князю Эболи,

выдававшему себя за работника ВЧК. Обзаведясь подложными бланками и печатями, князь-бандит производил обыски и присваивал себе огромные ценности. Цель была двойная: дискредитировать ВЧК в глазах населения и заодно обогатиться.

Началась битва за революцию. И невозможно перечислить заслуги Феликса Эдмундовича в этой грандиозной битве. Трудно назвать деятельность Дзержинского работой. Все то, что он делал, было его жизнью. Л. А. Фотиева вспоминает, что, вырвавшись из левоэсеровского плена и придя в Кремль, Дзержинский встретил Свердлова. Потрясенный вероломством заговорщиков, Дзержинский вдруг спросил у Якова Михайловича:

— Почему они меня не расстреляли? — И добавил: — Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции.

> «Этими словами, — пишет Софья Сигизмундовна, — я полагаю, Феликс хотел сказать, что гибель его от рук левых эсеров была бы для германского правительства доказательством того, что убийство Мирбаха не было делом Советской власти, а делом ее врагов, и это могло бы предотвратить войну с Германией, которую хотели спровоцировать левые эсеры».

Свердлов обнял Дзержинского за плечи и с нежностью сказал ему:

— Нет, дорогой Феликс, хорошо, очень хорошо, что они тебя не расстреляли. Ты еще немало поработаешь на пользу революции.

На V съезде Советов, докладывая о левоэсеровском мятеже, Дзержинский, ненавидящий всякую позу, и тем более никогда не распространявшийся о себе и о своей деятельности, назвал мятеж «петушиным восстанием».

Глава ВЧК в самые тяжкие дни борьбы с контрреволюцией сказал жене:

— Когда все это кончится, мне бы очень хотелось, чтобы Центральный Комитет поручил мне работу в Народном комиссариате просвещения.

15 января 1920 года, еще до окончания сражений гражданской войны, было напечатано постановление ВЧК за подписью Дзержинского об отмене смертной казни по приговорам ВЧК и ее местных органов.

— Когда один из работников ВЧК ударил арестованного контрреволюционера, Дзержинский приказал судить этого работника и лично выступил против него обвинителем, — вспоминает бывшая сотрудница ВЧК М. М. Брослова.

Выступая в Большом театре на собрании, посвященном

пятилетию ВЧК—ОГПУ, Феликс Эдмундович Дзержинский, обращаясь к чекистам, сказал:

— Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим бедствие, те уходите из этого учреждения. Тут больше чем где бы то ни было надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце.

14 апреля 1921 года Президиум ВЦИК, по предложению Владимира Ильича Ленина, назначил Дзержинского народным комиссаром путей сообщения с оставлением его на посту руководителя ВЧК.

И этот седой, очень усталый человек начал учиться. Он читал и выяснял неясные для себя вопросы, беседуя с крупнейшими специалистами-транспортниками. Ночью его можно было видеть и на железнодорожной станции, и в депо, и в мастерской. Он разговаривал с машинистами, со стрелочниками, стоял в очереди у железнодорожных касс, проверяя порядок продажи билетов, выявлял злоупотребления. Удивительно умея выслушивать людей, не отмахиваясь от неприятного и трудного, он в короткий срок объединил вокруг себя крупнейших специалистов.

О. О. Дрейзер нашел поразительно точные слова для определения стиля работы Дзержинского на совершенно новом и чрезвычайно ответственном посту:

> «Умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу».

Голод в Поволжье был чрезвычайно трудным экзаменом для едва поднимающегося из руин транспорта. В эти дни Феликс Эдмундович написал жене из Омска почти трагические строчки:

> «Я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответственен. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожидания Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасенье.
>
> Сегодня Герсон в большой тайне от меня, по поручению Ленина, спрашивал Беленького о состоянии моего здоровья, смогу ли я еще оставаться здесь, в Сибири, без ущерба для моего здоровья. Несомненно, что моя работа здесь не благоприятствует здоровью. В зеркало вижу злое, нахмуренное, постаревшее лицо с опухшими глазами. Но если бы меня отозвали раньше, чем я сам мог бы сказать себе, что моя миссия в

значительной степени выполнена, — я думаю, что мое здоровье ухудшилось бы. Меня должны отозвать лишь в том случае, если оценивают мое пребывание здесь как отрицательное или бесполезное, если хотят меня осудить как наркомпути, который является ответственным за то, что не знал, в каком состоянии находится его хозяйство.

И если удастся в результате адской работы наладить дело, вывезти все продовольствие, то я буду рад, так как и я и Республика воспользуемся уроком, и мы упростим наши аппараты, устраним централизацию, которая убивает живое дело, устраним излишний и вредный аппарат комиссаров на транспорте и обратим больше внимания на места, на культурную работу, перебросим своих работников из московских кабинетов на живую работу».

Еще одна черта в характере Феликса Эдмундовича — полное отсутствие самодовольства. Не показная скромность, а искреннее чувство неудовлетворенности самим собой. Весьма характерны в этом смысле такие строчки:

«Я вижу, что для того чтобы быть комиссаром путей сообщения, недостаточно хороших намерений. Лишь сейчас, зимой, я ясно понимаю, что летом нужно было готовиться к зиме. А летом я был еще желторотым, а мои помощники не умели предвидеть».

Это пишет о себе народный комиссар путей сообщения и председатель ВЧК, пишет на пороге осуществления грандиозной и небывалой по тем временам реформы — перехода транспорта на хозрасчет.

Владимир Ильич в затруднительных случаях говорил:

— Ну, надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает.

И не было дела, которое Дзержинский бы не выполнил с тем характерным для него блеском, с той энергией, умной стремительностью и талантливостью, которыми любовались все его друзья.

За несколько часов до смерти, на пленуме Центрального Комитета партии Дзержинский сказал:

«…Вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя никогда. И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой…»

Он действительно не щадил себя никогда, и ему, разумеется, верили. Ф. Г. Матросов, создатель знаменитого тормоза, воплотил в жизнь свое изобретение благодаря Дзержинскому, равно как и создатели тепловоза профессора Шелест и Гаккель. В эти же дни Дзержинский занимался организацией школ для детей железнодорожников, устанавливал пустяковые, буквально копеечные, надбавки на железнодорожные билеты с тем, чтобы дети железнодорожников безотлагательно получили сносные условия для учения.

В траурные дни, последовавшие за кончиной Ленина, партия поставила Дзержинского на труднейший пост Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. В то же время Дзержинский продолжал возглавлять коллегию ОГПУ. Это было чрезвычайно тяжелое время. Многие фабрики и заводы стояли, на других оборудование было крайне изношено и требовало либо замены новым, либо капитального ремонта. Многие квалифицированные рабочие погибли на фронтах. На их место пришли из деревень десятки тысяч новичков, не привыкших ни к машинам, ни к дисциплине. Не хватало сырья, не хватало топлива. Только начала осуществляться ленинская денежная реформа.

Вспоминая ту пору, Софья Сигизмундовна пишет:

> «Опять Феликсу нужно было заново учиться. Накануне ухода в ВСНХ, прощаясь с товарищами по трехлетней работе на транспорте, Дзержинский сказал, что для руководства ВСНХ он так же не подготовлен, как это было тогда, когда его назначили народным комиссаром путей сообщения…»

И он снова начал учиться. Через двенадцать дней после назначения, выступая перед работниками государственной промышленности и торговли, Дзержинский сказал:

> «Я сейчас должен учиться делу и должен учиться этому у вас».

Через месяц он написал начальнику «Грознефти»:

> «Пока я должен учиться — поэтому у меня просьба к вам, помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата — это гибель для руководителя».

Прошло совсем немного времени, и Дзержинский — в полном

курсе всей сложнейшей деятельности ВСНХ.

Началась организация новой системы работы. Началось дело.

— Доклады, доклады, отчеты, отчеты, цифры, цифры, бесконечный ряд цифр, — с гневом и возмущением говорил Феликс Эдмундович. — Нет при этой системе времени изучить вопрос. Пишутся горы бумаги, читать их некому и нет физической возможности.

Председатель коллегии ОГПУ с трибуны зала заседания ВСНХ говорил о доверии.

— Нельзя управлять промышленностью, — говорил он, — иначе как доверяя тем, кому ты сам поручаешь данное дело, уча их и учась от них.

Наряду с этим Дзержинский считал необходимым ввести личную ответственность каждого работника за выполняемую работу. Он требовал, чтобы представляемые ему доклады подписывались теми, кто лично их составлял.

Вот строчки из выступления Феликса Эдмундовича:

> «Возьмите доклады, которые мною формально подписываются. Казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о недрах, он пишет абсолютно обо всем, нет такого вопроса, по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда не годной системы, ибо тот, кто фактически работает… скрыт».

Трудно найти выступления Феликса Эдмундовича, в которых бы он не требовал правды, правды и еще раз правды.

За полгода до смерти он сказал:

— Мы ошибок не должны бояться, но под одним условием — если у нас нет комчванства, «шапками закидаем» и прочего, если мы знаем самих себя, знаем свои силы, знаем свои ошибки и не боимся их открывать.

Из другого его выступления:

> «Не надо бояться критики, не надо затушевывать недостатки, наоборот, надо облегчить их выявление и не видеть во всем дискредитирования. Дискредитирован может быть только тот, кто скрывает свои недостатки, кто со злом не желает бороться, то есть тот, кто должен быть дискредитирован».

Трудясь ежедневно не менее чем по восемнадцать часов,

Феликс Эдмундович удивительно умел смотреть в будущее. По его инициативе в аппарате ВСНХ всегда работали не меньше пятидесяти вузовцев. По инициативе Дзержинского студентам-практикантам рекомендовалось посещать заседания президиума ВСНХ и его главных управлений.

И сейчас нельзя не поразиться мудрости этого решения — таким путем будущие советские технические специалисты учились искусству управлять у самого Дзержинского и его сподвижников.

Разве можно эту жизнь разделить на периоды — подполье, тюрьмы, революция, ВЧК, НКПС, ВСНХ? Разве не было в Дзержинском — профессиональном революционере и замечательном конспираторе — тех черт характера, которые дали впоследствии возможность Владимиру Ильичу Ленину увидеть именно в нем, в Дзержинском, председателя ВЧК? Разве не Дзержинский и в подполье, и в кандалах каторжника разоблачал провокаторов? И разве, когда бушевали «вихри враждебные» и Дзержинский отдавал решительно все свои силы тяжело больного человека борьбе с контрреволюцией, — разве в ту пору партия не видела в нем созидателя, организатора, строителя?

Он умер председателем ВСНХ и председателем ОГПУ. Он охранял государство, и он создавал государство.

Он умер, отдав решительно все силы революции. Едва поднявшись после жесточайшего сердечного приступа, который застиг его на работе, он пошел к себе домой один, отказавшись от провожатых, чтобы не обеспокоить Софью Сигизмундовну. Пожав руку жене, Феликс Эдмундович прошел в спальню. Софья Сигизмундовна обогнала его, чтобы приготовить ему постель, но он остановил ее теми двумя словами, которые произносил всю жизнь, всегда:

— Я сам.

Он всегда все делал сам.

Это были его последние слова.

Чекисты. Л., Лениздат, 1967, стр. 5—29.

В. Бонч-Бруевич
КАК ОРГАНИЗОВАЛАСЬ ВЧК

Октябрьская революция, свергнувшая дряблое Временное правительство, победила. В красной столице был установлен строгий революционный порядок. Кадеты, остатки «октябристов», монархисты, партии, считавшие себя социалистическими: трудовики, правые эсеры, меньшевики и множество других мелких разновидностей, были воистину подавлены. Прошло некоторое время. Канули в вечность назначенные сроки «падения большевиков». Новая власть и не собиралась уходить, а постепенно крепко забирала бразды правления.

Мы основательно устраивались в Смольном.

— Что это вы так хлопочете? — неоднократно язвительно спрашивали меня посещавшие нас различные оппозиционеры. — Разве вы думаете, ваша власть пришла надолго?

— На двести лет! — отвечал я убежденно. И они — эти вчерашние «революционеры», «либералы», «радикалы», «социалисты», «народники» — со злостью отскакивали от меня, бросая взоры ненависти и негодования.

— Что, не нравится? — смеясь, спрашивали рабочие, постоянно присутствовавшие здесь.

— Им не нравится… — отвечали другие, пересмеиваясь и шутя над теми, кто еще недавно любил распинаться за интересы народа.

Но вот пришли первые сведения о саботаже чиновников, служащих. К нам поступили документы, из которых было ясно видно, что действует какая-то организация, которая, желая помешать творчеству новой власти, не щадит на это ни времени, ни средств из казенного и общественного сундука. В наших руках были распоряжения о выдаче вперед жалованья за два, за три месяца служащим банков, министерств, городской управы и других учреждений. Было ясно, что хотят всеми мерами помешать организации новой власти, что всюду проводится саботаж. Масса сведений, стекавшихся в управление делами Совнаркома и в 75-ю комнату Смольного, где действовала первая Чрезвычайная комиссия по охране порядка и по борьбе с погромами в столице, говорила за то, что дело принимает серьезный оборот, что все совершается по плану, что все это направляет какая-то ловкая рука. Тщательные расследования отдельных фактов показали одно и то же: всем этим заправляет партия конституционалистов-демократов, пытаясь тихой сапой вести подкоп под власть

рабочих.

В это же время все более и более стали выявляться агрессивные действия так называемых «союзников»: был совершенно ясен этот внутренний и внешний фронт врагов рабочего класса. Сама действительность, сами факты жизни заставляли действовать. Борясь с пьяными погромами, сопровождаемыми контрреволюционной антисемитской агитацией, мы наталкивались совершенно неожиданно для себя самих на все большие доказательства объединения антибольшевистских течений для намечаемых непосредственных и прямых действий.

Собрав достаточно фактов, я сделал первый доклад по этому поводу Председателю Совета Народных Комиссаров. В докладе сами факты указывали, что во главе этого движения стоят кадеты. Владимир Ильич с крайним вниманием выслушал все и с большой придирчивостью стал критиковать данные доклада. Когда же выкристаллизовалась совершенно ясная и точная часть его, не возбуждавшая ни малейших сомнений, Владимир Ильич потребовал документы, обосновывавшие и подтверждающие эту часть доклада. Тщательно проверив и прочтя все, последовав происхождение документов, он не мог не признать, что саботаж действительно существует, что он руководится по преимуществу из одного центра и что этим центром является партия кадетов.

Владимир Ильич задумался. Он подошел к окну, выходившему на двор Смольного, и легонько забарабанил по стеклу.

— Ну что же, — заговорил он, круто поворачиваясь ко мне, — раз так, раз они не только не хотят понять, но мешают нашей работе, придется предложить им выехать на годик в Финляндию… Там одумаются…

И на этом мы расстались.

Они «одумаются», рассчитывал тогда Владимир Ильич. Но эта надежда оказалась напрасной. Не прошло и двух недель, когда Совнарком за всю совокупность явно преступной, антинародной и противообщественной деятельности кадетов должен был принять декрет, ставящий эту партию, окровавившую русский народ и русскую землю множеством контрреволюционных выступлений и заговоров, вне закона. И, несмотря на это, партия кадетов сделалась несомненным центром всего тот черносотенного, белогвардейского, авантюристического, помещичьего и буржуазного, что хотело повернуть колесо истории направо и даже не к «конституционному демократизму», а к прямому монархизму. Наступили крутые времена. Расследования 75-й комнаты Смольного, которыми я руководил, то и дело

обнаруживали заговоры, склады оружия, тайную переписку, тайные собрания, явочные квартиры и т. п.

Самовольное сосредоточение боевых отрядов «смертников» в Петрограде, арест организации офицера Синебрюхова на курсах Лесгафта, различные иные выступления явно говорили о том, что контрреволюционеры не успокаиваются, а, наоборот, организуются и начинают активно действовать. В это время Ф. Э. Дзержинский взял в свои руки бывшее петроградское градоначальство, организовал там комиссию по расследованию контрреволюционных выступлений; и к нему, как из рога изобилия, тоже посыпались всевозможные материалы, проливавшие новый свет на сосредоточивавшуюся в Петрограде деятельность контрреволюционных организаций. Рабочие массы, узнававшие о различных выступлениях контрреволюционеров, сильнейшим образом волновались. Разгул реакции, контрреволюционная агитация в войсках — все это создавало горячую почву и выдвигало на авансцену борьбы новые способы действия.

И вот однажды — это было в самом начале декабря 1917 года, — когда пришлось мне же докладывать Председателю Совнаркома о целом ряде серьезнейших контрреволюционных выступлений, Владимир Ильич нахмурился, поднялся, нервно прошелся по кабинету и воскликнул:

— Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля[10], который обуздал бы расходившуюся контрреволюцию?!

И Фукье-Тенвиль русской пролетарской революции явился. Это был наш старый, закаленный боец и близкий товарищ Феликс Эдмундович ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Весь пламенея от гнева, с пылающими, чуть прищуренными глазами, прямыми и ясными словами доложил в Совнаркоме об истинном положении вещей, ярко и четко обрисовывая наступление контрреволюции.

— Тут не должно быть долгих разговоров. Наша революция в явной опасности. Мы слишком благодушно смотрим на то, что творится вокруг нас. Силы противников организуются. Контрреволюционеры действуют в стране, в разных местах вербуя свои отряды. Теперь враг здесь, в Петрограде, в самом сердце нашем. Мы имеем об этом неопровержимые данные, и мы должны послать на этот фронт — самый опасный и самый жестокий — решительных, твердых, преданных, на все готовых для защиты завоеваний революции товарищей. Мы должны действовать не завтра, а сегодня, сейчас…

Кто помнит то время, кто имел счастье стоять тогда на передовых позициях борьбы за свободу народов, населявших наше

обширнейшее государство, тот отлично знает, что провозглашение «революционной расправы» — красного террора Октябрьской революции — не явилось чем-то преждевременным, а, наоборот, явно запоздавшим. Множество контрреволюционных банд уже успело организоваться и рассеяться по всей стране. На Дону в тот момент — в этой русской Вандее — уже собирались полчища донского казачества и других недовольных. Все эти обстоятельства, хорошо известные центральному правительству, не потребовали особо длительных рассуждений при утверждении положения о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совнаркоме. Эта комиссия была организована в начале декабря 1917 года.

Если до свержения самодержавия требовались бесконечные жертвы со стороны революционеров, ведших активную борьбу с царской властью, то мы тогда все очень хороню знали, что когда же

БЕЗ ЖЕРТВ БЫЛА ИСКУПЛЕНА СВОБОДА.

И такой «жертвой», горевшей долгое-долгое время на огне жестокости царских палачей, был, несомненно, мужественный, стойкий, героический Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ. Вся его сознательная жизнь до Февральской революции была беспрерывным мытарством по этапам, тюрьмам, острогам, ссылкам; он горел огнем настоящего революционера-профессионала и, как только было возможно, тотчас же вырывался на свободу, на беспрерывную нелегальную работу. Царские тюремщики ненавидели его за независимое и гордое поведение, когда он, даже будучи прикованным к тачке на каторге, не позволял никому унизить свое человеческое достоинство. Ведя образ жизни аскета, будучи крайне молчалив, даже угрюм, он был всегда прекрасным товарищем. Он знал, что придет время решительной классовой схватки, когда и его огромные духовные силы, сохранившиеся в хотя уже и изможденном теле, нужны будут тому классу, жизнью которого он жил, счастьем которого он трепетал и радовался. Твердые, как гранит, революционные ряды пролетариата — вот та среда, вот та стихия, для которой он был рожден. Вся горечь, вся ненависть рабочего класса к классам эксплуатирующих была впитана им. Совершенно не зная страха и боязни смерти, Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ никогда не охранял себя, ездил в открытых машинах, не имел никакой стражи у своей квартиры, совершенно свободно разъезжал по окрестностям Москвы и по всему Союзу и вел чрезвычайно простую, почти аскетическую жизнь.

Когда мне приходилось говорить ему, что следовало бы быть поосторожнее, то он как-то наивно задавал вопрос:

— Зачем? Убьют? Беда какая!.. Революция всегда сопровождается смертями… Это дело самое обыкновенное. Да и зачем так ценить себя?.. Это смешно… Мы делаем дело нашей партии и больше ничего…

И он делал все дела, возлагаемые на него партией, как честнейший, преданнейший революционер-боевик, коммунист.

Характерен отзыв Владимира Ильича о Дзержинском, который мне пришлось слышать:

— Дзержинский не только нравится рабочим, его глубоко любят и ценят рабочие…

А кто знал Владимира Ильича, тот понимал, сколь высока была в его устах похвала товарищу, которого «глубоко любят» рабочие.

Владимир Ильич относился к Ф. Э. Дзержинскому с величайшей симпатией и предупредительностью.

Редко кому известно, что Ф. Э. Дзержинский трижды вносил предложение в Совнарком об отмене смертной казни, или, как принято теперь выражаться, применения «высшей меры наказания». Всегда Совнарком радостно шел навстречу возможности заменить этот крайний метод борьбы более мягкими формами. Контрреволюционные, уголовные и белогвардейские организации понимали эти «отмены» или «смягчения» методов борьбы как проявление слабости Советского правительства, как кем-то «вынужденные», вместо того, чтобы понять раз и навсегда, что обречены на поражение все попытки к выступлениям против самой народной, не на словах, а на деле самой популярной, широчайшим образом признанной массами власти.

Чекисты. Л., Лениздат, 1982, стр. 23—27.

Л. Жженых
ПО УКАЗАНИЮ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Сложная политическая обстановка в стране в первые годы Советской власти настоятельно требовала расширения сети чрезвычайных комиссий, координации их действий и выработки эффективных мер борьбы с контрреволюцией.

Ф. Э. Дзержинский внимательно следил за процессом создания губернских ЧК в Сибири, уделял большое внимание укреплению их стойкими и проверенными коммунистами.

Напутствуя перед отъездом в Омск полномочного представителя ВЧК по Сибири С. Г. Уралова, Феликс Эдмундович говорил ему:

— Необходимо, товарищ Уралов, из лучших, подчеркиваю, из лучших коммунистов организовать на местах губчека. Обезвредить вражеских агентов, парализовать саботажников и хлебных спекулянтов. Ликвидировать оставшиеся банды колчаковцев. Понимаете, — говорил он, — Владимир Ильич считает, что лучшая помощь Петрограду и Москве — наступление против Колчака. Налаживание советской работы в районах, только что очищенных от белогвардейцев…[11].

Постоянно изменяющаяся обстановка обуславливала разнообразный характер деятельности органов ЧК. Наряду с главной задачей — борьбой с контрреволюцией и саботажем — чекистам приходилось заниматься борьбой с голодом, ликвидацией детской беспризорности, решать другие вопросы, связанные с укреплением Советской власти.

Четкие разъяснения Дзержинского по вопросам организации чрезвычайных комиссий на местах, укрепления их кадрами, налаживания оперативной работы имели для якутских чекистов неоценимое значение. Они помогали определить главные направления в работе, своевременно сосредоточить основные силы на решающих участках борьбы с классовым врагом.

Летом 1921 года Советскую республику постигло тягчайшее бедствие: в связи с засухой и неурожаем в стране разразился голод, охвативший Поволжье и ряд других районов.

В те дни Дзержинский предлагал своему заместителю Иосифу Станиславовичу Уншлихту принять срочные меры по борьбе с голодом:

> «— На первых порах надо издать всем ЧК, губернским, транспортным и особым отделам циркуляр с описанием бедствия и его последствий для страны, указать на необходимость в кратчайший срок уничтожить всю белогвардейщину и заговорщиков, спекулирующих на голоде для своих целей… Пусть всюду ЧК вносят в губкомы и губисполкомы предложения: объявить всех политических спекулянтов на бедствии врагами народа с поручением ЧК беспощадно с ними расправляться. Разумеется, циркуляр этот должен быть одобрен ЦК и написан хорошим политиком. Думаю, что во все голодающие республики надо послать выдержанных, серьезных уполномоченных ВЧК, наладить правильную, точную, ежедневную информацию…»[12].

19 июля 1921 года Дзержинский подписал приказ об участии чекистов в борьбе с голодом, и Якутская губчека приняла его к неуклонному исполнению. С большой активностью прошло партийное собрание сотрудников, на котором обсуждались меры, связанные с выполнением поступившего приказа. По докладу А. В. Агеева было принято решение создать комиссию под руководством секретаря партячейки Василия Антоновича Хворостина по проведению сборов и пожертвований среди сотрудников и членов их семей для голодающих Поволжья.

В оперативной работе основной упор делался на усиление борьбы с расхитителями, спекулянтами, саботажниками, со всеми, кто ставил своей целью задушить революцию голодом или нажиться на страданиях народа.

В губчека имелись данные на ряд кулаков, торговцев и бывших царских чиновников, которые скрывали от Советской власти большие запасы продовольствия. Часть продуктов портилась и приходила в негодность. Опираясь на широкую поддержку бедноты, чекисты повели решительную борьбу с ними, в результате чего в течение 1921 года были изъяты у врагов и переданы на нужды революции сотни пудов драгоценного продовольствия. Только у кулака Ершова, например, конфисковали более 100 пудов хлеба, 100 пудов свиных окороков, пуд колбасы и другие продукты. В постановлении Коллегии по делу Ершова отмечалось, что совершенное им преступление есть не что иное, как сознательное глумление над изголодавшимися рабочими, борющимися с разрухой.

Одним из наиболее крупных дел было разоблачение шайки воров, занимавшихся хищением продуктов. В преступную группу

входило несколько человек из команды парохода «Пролетарий». Они оборудовали тайники на судне и это давало им возможность прятать там ворованное. В результате кропотливой работы удалось выявить состав шайки и захватить преступников с поличным. При обыске на пароходе было обнаружено около 30 пудов сливочного масла и другие продукты, которые передали в губпродком.

Не меньшим успехом явилось пресечение воровской деятельности группы должностных лиц. В губчека неоднократно поступали сигналы о их причастности к хищениям различных товаров. 13 августа 1921 года материалы рассматривались на заседании Коллегии и было принято решение начать расследование для пресечения преступной деятельности и привлечения виновных к ответственности.

Как выяснилось при проверке, работая в торговых организациях города и используя служебное положение, они похищали из магазинов спирт и другие товары, которые затем реализовывали по спекулятивным ценам. Свои махинации им долгое время удавалось скрывать при помощи фиктивных документов. Все участники преступления предстали перед ревтрибуналом.

Проведенная чекистами работа по борьбе со спекулянтами и расхитителями способствовала укреплению экономических позиций Советской власти, преодолению трудностей, связанных с голодом.

Незабываемой страницей в истории советских органов государственной безопасности останется ликвидация детской беспризорности в стране. Это была задача беспримерной трудности и громадного значения. Война оставила в наследство десятки тысяч бездомных, голодных, лишившихся родителей детей. В январе 1921 года в Москве была создана специальная комиссия по улучшению жизни детей. Ее председателем назначили Феликса Эдмундовича. Лучшую кандидатуру на этот ответственнейший участок трудно было подыскать.

Дзержинский разослал всем местным ЧК директиву, в которой говорилось:

> «…Положение детей, особенно беспризорных, тяжелое, несмотря на то, что Советская власть не щадила для этого ни средств, ни сил… и Чрезвычайные комиссии, как органы диктатуры пролетариата, не могут остаться в стороне от этой заботы, и они должны помочь всем, чем могут, Советской власти в ее работе по охране и снабжению детей… Забота о детях есть лучшее

средство истребления контрреволюции. Поставив на должную высоту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников и защитников, а вместе с тем широкую опору в борьбе с контрреволюцией…»[13].

Партийные органы Якутии немедленно откликнулись на призыв Феликса Эдмундовича.

22 августа Губбюро рассмотрело вопрос о положении детей и поручило председателю губчека Андрею Васильевичу Агееву возглавить комиссию по улучшению их быта.

На следующий день газета «Ленский коммунар» писала:

«…Факт, что несмотря на бесчисленные декреты по вопросу охраны детства, общественного воспитания, детского питания, обеспечения и т. д., благодаря массе других боевых задач и мелкой текущей работе, улучшение быта детей все же стояло на заднем плане. И теперь необходимо эту работу поставить под рубрику ударной, бросить на нее как можно больше сил, уделить ей как можно больше внимания. «Дети — цветы человечества», «Дети — граждане будущего!».

Все те бесконечные жертвы на кровавом и бескровном фронте, которые понес за годы революции рабочий класс России, принесены во имя грядущего поколения. И если «грядущее поколение» живет в ненормальных условиях, в недопустимой санитарной обстановке, необходимо задуматься над тем, действительно ли выполнена наша задача перед ним…»[14].

Город тогда переживал огромные трудности, которые еще больше усугубились возникшим бандитизмом. Однако делалось все возможное, чтобы хоть в какой-то мере облегчить положение детей. В срочном порядке было проведено обследование приютов и детских домов, дополнительно открыто несколько детских площадок. Регулярно организовывались сборы пожертвований среди сотрудников губчека, красноармейцев и населения, устраивались платные концерты, деньги от которых шли на нужды детей. Большую работу проводили женщины города, которые на общественных началах выполняли в детских учреждениях обязанности прачек, нянь и уборщиц.

Несмотря на занятость в ЧК, А. В. Агеев находил время ежедневно заниматься вопросами комиссии. Он требовал от своих

подчиненных быстрых и энергичных мер, направленных на улучшение жизни детей, решительно пресекал всякую волокиту и равнодушие в этом деле.

В мандате, подписанном Агеевым и выданном Елизавете Дмитриевне Козловой, являвшейся секретарем комиссии, указывалось:

> «…Всем органам Советской власти просьба оказывать содействие в порученной ей работе. Органы и организации, в ведении коих находятся дети, на все законные требования и указания дают таковые без задержек и беспрекословно. За волокитство и неисполнение законных требований Уполномоченного по охране детей виновные будут отдаваться под суд Ревтрибунала…»[15].

Чекисты Якутии проявили в то время высокое понимание своего долга, искреннюю заботу о детях. 24 ноября 1921 года открытое общее собрание комячейки губчека единогласно приняло решение передать в фонд голодающих детей по месячному окладу денег и отчислить из пайка каждого сотрудника по 1/2 фунта сахару, по 10 фунтов муки, месячный паек масла, по одному аршину мануфактуры.

Почин чекистов был подхвачен другими коллективами города.

В годы гражданской войны Феликс Эдмундович внимательно следил за событиями в Якутии.

В 1921 году началось антисоветское движение, которое было поднято купцами, тойонами и кулаками при активной поддержке белогвардейцев. Оно было тесно связано с остатками белогвардейской контрреволюции и иностранной интервенцией на Дальнем Востоке, готовившими захват Охотского побережья и Якутии.

Постепенно разрастаясь, контрреволюционные отряды проникали в глубь Якутии, охватывая новые наслеги и улусы.

Об этом периоде в III томе Истории ЯАССР говорится:

> «…Во главе захваченных улусов и наслегов белобандиты ставили буржуазных интеллигентов, бывших князьцов и родовых старшин. По их указке арестовывали коммунистов, комсомольцев, ревкомовцев и других активных работников Советской власти, часть которых тут же расстреливали. Белобандиты грабили кооперативы, захватывали склады продовольствия и промышленных товаров, ликвидировали Советы и

исполкомы, закрывали школы. Путем обмана и шантажа они вербовали солдат в свои отряды. В большинстве случаев вербовка носила характер насильственной мобилизации…»[16].

Реальная угроза нависла над городом Якутском.

В таких условиях по указанию Дзержинского на помощь трудящимся Якутии была направлена 33-я рота ВЧК.

Рота формировалась из добровольцев Иркутского гарнизона и в конце января 1922 года, вслед за отрядам Каландаришвили, выступила в Якуток. В марте она прибыла в Олекминск, откуда часть ее бойцов в составе двух отрядов срочно направлялась на Вилюй. Там к этому времени воцарился разнузданный белогвардейский террор. Это был нелегкий путь. Бывший проводник чекистов Яков Петрович Иванов рассказывал:

— Особенно трудным оказался участок от Олекминска до Сунтара. По ночам еще трещали морозы, а ночевать нередко приходилось под открытым небом. В таких случаях простая суконная шинель служила бойцам и постелью, и крышей. Несмотря на это, в отряде царило бодрое настроение. Шли без больших привалов, все хорошо понимали, что нас ждут в Вилюйске. В населенных пунктах жители радостно встречали бойцов, помогали продовольствием, сообщали о месте нахождения бандитов…

В конце марта чекисты пробились в Вилюйск и сразу же выступили на помощь отряду добровольцев-коммунистов, который вел неравный бой с бандитами в м. Мастах.

> «…Отряд Беляева, состоявший из 60 штыков, 2 апреля 1922 года предпринял наступление на штаб белобандитов в с. Балагаччи (Мастах), которое также окончилось неудачей. Белобандиты в поселке в нескольких зданиях устроили укрепления и открывали прицельный огонь по наступавшим по открытой местности красным бойцам. В этом бою красные потеряли восемь человек.
>
> В бою под Мастахом все бойцы бились с единой мыслью победить или умереть», —

писала бывший секретарь Вилюйского укома В. Синеглазова[17].

Вскоре Вилюйск оказался окруженным бандитами, и тогда чекистский отряд составил ядро защитников города, а его командир П. М. Беляев фактически возглавил руководство всей обороной. Несмотря на превосходство в силах, белые так и не

смогли взять город.

Второй отряд под командованием З. Г. Пястолова, вместе с улусными добровольческими дружинами, успешно вел борьбу по всему Вилюйскому округу.

Позднее 33-я рота участвовала в боевых действиях против бандитов в окрестностях Якутска и в заречных районах, а в июле, оперируя на пароходе по рекам Алдану и Мае, совершила дерзкий налет на Нелькан, уничтожила главную базу снабжения мятежников и с помощью якутов-лоцманов увела пароходы «Киренск» и «Соболь». Этим самым основные силы белобандитов были отброшены за реку Алдан.

Храбро сражались бойцы чекистской роты и против Пепеляева.

Во всех этих походах ее командиром был замечательный коммунист Иван Петрович Мизин, участник двух революций, кавалер четырех орденов Красного Знамени[18].

Бойцы и командиры отряда совершили немало славных подвигов. Начальник Якутотдела ГПУ при ЯЦИКе С. Аржаков писал в приказе № 221:

> «…Отмечая коммунистическую сознательность в проведении военно-политической линии по ликвидации повстанчества, стойкую выдержку и твердое хладнокровие, проявленные 33-ей ротой ГПУ на различных фронтах Якутской республики за освобождение якутской нации, объявляю от лица службы всем командирам, комиссарам, красноармейцам благодарность.
>
> Предлагается комроты представить список командиров и красноармейцев, отличившихся в боевых операциях, на предмет представления к боевым наградам…»

Выполняя указания Дзержинского, сотрудники ЧК в трудные годы гражданской войны, вместе со всеми трудящимися республики еще теснее сплотились вокруг областной партийной организации, не жалея сил боролись с врагами на самых трудных участках. Они обеспечивали безопасность тыла, организовывали разведывательную работу, командовали боевыми отрядами. Многие чекисты стали тогда жертвой диких зверств белобандитов или пали смертью храбрых в открытом бою.

Дзержинский высоко оценил заслуги якутских чекистов в борьбе с контрреволюцией. В телеграмме в адрес Якутского ОГПУ 17 декабря 1922 года он писал:

«В пятую годовщину основания ВЧК — карательного органа диктатуры пролетариата, шлем Вам, дорогие товарищи, братский товарищеский привет. Вспоминая об отчаянной, решительной, самоотверженной борьбе со всеми нашими смертельными врагами, не забывайте, враг еще жив, еще не уничтожен, что перед нами колоссальная работа. Выдержкой, зоркостью, решительностью, храбростью мы выполним тяжелую ответственную задачу, возложенную на нас революцией. Вперед, до полной победы…»[19].

И в последующие годы Феликс Эдмундович оказывал помощь далекой Якутии. В начале 1924 года ему, тогда председателю ВСНХ, стало известно, что население севера Якутии, в жизни которого охота была важнейшим средством добычи продовольствия, испытывает острый недостаток в оружии. Феликс Эдмундович проявил большое внимание к нуждам охотников. При его участии 17 апреля того же года было принято постановление о направлении охотникам северных районов большой партии ружей и боеприпасов.

Трудящиеся Якутии всегда будут с благодарностью помнить заботу и внимание славного ленинца Феликса Эдмундовича Дзержинского.

1983 г.

Г. Тахватулин
ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

В июне 1920 года первым пароходом я с большой группой партийных и советских работников, которую возглавлял уполномоченный Сибревкома Максим Аммосов, возвратился в Якутск.

Прошло целых два года, как я был увезен отсюда колчаковцами и после такой долгой разлуки особенно радостной была встреча с родным городом. Нас ждали с нетерпением, казалось, все население вышло на берег Лены. Ликованию не было конца.

Якутск в то время переживал бурные дни. Всюду проходили митинги и собрания, на предприятиях и в учреждениях создавались партийные и комсомольские ячейки, прочно и навсегда утверждалась новая жизнь. Однако не все шло гладко, много было трудностей. Магазины пустовали, не хватало продовольствия, почти полностью отсутствовали промышленные товары.

Недобитые белогвардейцы, тойоны и буржуазные националисты, видя все это, и не думали сдаваться без боя: они не сидели сложа руки. Почти ежедневно они заявляли о себе враждебными вылазками в разных местах, по ночам звучали выстрелы…

Спустя несколько дней после приезда я получил направление в аппарат губчека. Сначала работал оперативным уполномоченным, а позднее — начальником отдела.

В памяти моей остались многие эпизоды и события, ярко характеризующие особенности борьбы с врагами революции и экономическим саботажем.

В январе 1921 года в органы ЧК поступили сигналы о том, что архиерей Сафроний Арефьев состоит в контрреволюционном заговоре и что у него скрыто много золотых царских монет, ценных вещей, продовольственных товаров. Имея мандат, группа чекистов, в которую входили Г. Баширов, Н. Боярков, В. Константинов и я, направились выполнять задание. В то время все мы одевались скромно, но вид у нас был внушительный. Гимнастерка и галифе из хлопчатобумажной ткани, на одном боку маузер, на другом гранаты.

Хозяин — розовощекий мужчина среднего роста, с большой черной бородой — встретил нас вежливо, но во всем его поведении чувствовались затаенная злоба и ненависть. Когда мы

предъявили ордер на арест и обыск, архиерей побледнел. Обыск мы провели тщательно, но в доме ничего не нашли. Возникло подозрение, что ценные вещи спрятаны в церкви. Наше предположение подтвердил архиерейский послушник Бородин, болезненный подросток. В городе его считали слабоумным и почему-то звали Тюлькой. Заметив, что он внимательно следит за нашими действиями, улучив минуту, спросили его:

— Тюлька, а где твой хозяин прячет свое добро?

Послушник заулыбался, радостно закивал головой и, размахивая руками, стал указывать на церковь. Оказалось, что в стене колокольни имеется тайник, в котором были замурованы золотые монеты, слитки, золотые и серебряные вещи, пушнина. «Улов» обыска оказался солидным: 8 фунтов золота, 12 фунтов серебра и большое количество ценной пушнины. Продолжив обыск, мы обнаружили в разных местах много продовольственных товаров: муки, сахара, крупы, кондитерских изделий и других продуктов. Все это пришлось увозить на нескольких подводах.

Позднее активисты, ведя антирелигиозную пропаганду, этот факт использовали широка. И он всегда бил в точку. Ведь трудящиеся испытывали колоссальные трудности с продуктами, каждый грамм хлеба был на строгом учете. Рабочие, красноармейцы, служащие получали в день по сто граммов хлеба, а попы, купцы, тойоны наживались на беде других.

С помощью бедноты обыски проводились у мархинских кулаков, где также было изъято много продовольствия. А у кулака Назаренко в Магане, который имел около 80 гектаров земли, десятки голов крупного рогатого скота и лошадей, кроме хлеба было найдено десять швейцарских золотых часов и банка золотых монет…

Оперативная группа Якутгубчека осенью двадцатого года изъяла у золотопромышленников Мачи и Нохтуйска более 7 пудов золота и изделий из него, а также много других ценностей. Впоследствии выяснилось, что некоторые из этих богачей были причастны к бодайбинокому контрреволюционному заговору, за что понесли суровую кару.

Так постепенно мы набирались опыта. Работать приходилось очень много, напряженно, иногда неделями не появлялись дома, спали прямо в кабинетах. Достаточно сказать, что в течение 1921—1922 годов в Якутске и Олекминске были раскрыты и ликвидированы три крупных контрреволюционных заговора.

Чекисты не только выполняли свою оперативную работу, но и часто всем составом выезжали на помощь регулярным красноармейским отрядам, участвовали в наступательных операциях против белобандитов. Так, при штурме Эверстовской

заимки отличились многие сотрудники губчека.

Большую помощь нам оказывало население, особенно близлежащих деревень. Как только становилось известно, что мы — чекисты, местные жители из бедняков нередко указывали, где кулаки прячут хлеб, помогали нам проводить обыски.

Постоянное внимание уделяла нашей работе областная партийная организация, несмотря на трудности с кадрами, она укрепляла органы губчека, направляла на службу стойких и проверенных большевиков, для которых интересы партии и народа были превыше всего.

…С той поры прошло много лет, разное случалось в моей жизни, но я навсегда запомнил годы борьбы за упрочение Советской власти в Якутии и тех замечательных людей, с которыми мне пришлось здесь работать.

1967 г.

А. Пономарев
ПОРУЧЕНО ПАРТИЕЙ

Когда я встречаюсь с молодежью и рассказываю о первых шагах Советской власти в Якутии, нередко задают вопрос: какой период или эпизод из тех лет мне больше всего запомнился?

Моя юность прошла в годы, когда каждый молодой человек должен был не просто найти свое место в революции, но и с оружием в руках защищать ее от многочисленных врагов. Время было тревожное, дни до краев заполнялись самыми разными делами, и сейчас, спустя почти шестьдесят лет, не так-то просто выделить главное. И все-таки я, как правило, отвечаю: моя работа в губчека. Она началась не совсем обычно, заставила с первых же дней окунуться в гущу событий, самому принимать решения, от которых могла зависеть не только собственная жизнь, но и судьба товарищей.

Я родился и вырос в III Мельжахсинском наслеге Мегино-Кангаласского района. Родители были неграмотными и, как большинство односельчан, жили в крайней бедности. С утра до позднего вечера они батрачили у местных богачей, чтобы как-то прокормить семью.

Революция не прошла мимо нашего улуса. Большие события развернулись летом 1920 года, когда местные органы власти начали проводить мероприятия по земельному переделу. Это были незабываемые дни. Лучшие земли богачей-тойонов передавались беднякам.

Я не стоял в стороне от этого дела: принимал участие в организации первой сельскохозяйственной артели «Сардана», а осенью уехал в город на работу в губземотдел. В январе 1921 года меня зачислили на одномесячные курсы по подготовке партийных и советских работников.

Где-то в это время в Якутск приехал мой старший брат Дмитрий. Он остановился у меня, но виделись мы с ним редко: днем уходили по своим дедам, а с курсов я приходил поздно вечером, когда он уже спал. Несмотря на трудное время, голод и опасности, жизнь шла своим чередом. Мы были молоды и нередко после занятий засиживались допоздна: мечтали, спорили, а то и веселились.

Однажды, придя домой, я заметил, что брат чем-то встревожен. Я подумал: кто-то из земляков привез неприятные вести из улуса, и спросил его об этом, но он отрицательно покачал головой. А за чаем вдруг начал рассказывать:

— Сегодня мне один человек говорил, что скоро произойдут большие события. В городе уже все подготовлено к тому, чтобы совершить переворот. Тебе, Алексей, надо поберечься, ты бы хоть вечером поздно не ходил…

Я знал — Дмитрий по пустякам тревожиться не станет. Из дальнейшего разговора выяснилось, что обо всем этом ему стало известно от истопника губвоенкомата Павлова. Губвоенкомат находился недалеко от нашего дома, и Дмитрий по вечерам частенько заходил к Павлову скоротать время.

— Ты знаешь, — продолжал брат, — по-моему, он не тот человек, за которого себя выдает. Он даже дрова-то толком колоть не умеет… Пьян был, может быть, поэтому так откровенничал? Грозился, что пришло время расправиться с комиссарами. Он и тобой интересовался…

В ту ночь мы заснули поздно. Я загорелся желанием проверить истопника. После долгих споров брат уступил и согласился познакомить меня с ним.

Вечером следующего дня мы отправились в губвоенкомат. Дмитрий прихватил табак-самосад, который тогда был большой редкостью и ценился на вес золота. Приходу нашему Павлов не удивился, встретил приветливо. Пока они с братом закуривали, я сидел в сторонке, посматривал на истопника.

«Да, ты действительно не та птица, за которую себя выдаешь, — думал я, глядя на его длинные белые пальцы. — В истопники ты попал, видно, не по своей воле…»

— Николай, — после очередной затяжки, начал брат. — Ты вчера предлагал одно дело и хотел познакомиться с Алексеем, — он кивнул в мою сторону и продолжал: — Поговори с ним сам, парень он хороший, не болтливый…

Когда мы остались одни, истопник начал подробно расспрашивать об учебе, о знакомых в городе, а сам внимательно и испытующе смотрел на меня. Я, наверное, внушал ему доверие: с каждой новой самокруткой он, словно после рюмки водки, становился все разговорчивее. Он много говорил о трудностях жизни, о «зверствах» чекистов, о том, что из Охотска движется отряд белых.

Я слушал его, делал вид, что верю и соглашаюсь с ним.

Через два дня, как мы и договаривались, я снова пришел к нему. Пока я раздевался и грелся у печки, меня не покидало чувство, что в комнате есть кто-то кроме нас. И действительно, вскоре из-за занавески, разделявшей комнатушку на две половинки, вышел интеллигентный молодой якут и обратился ко мне:

— Ну, давайте знакомиться. Моя фамилия Слепцов.

Руку он мне не подал, держался напыщенно. Казался он нервным, чем-то обеспокоенным, на его тонком лице заметно подергивались редкие усики.

— О вас я знаю много, — он разговаривал стоя, держа руки в карманчиках жилетки. — Хорошо ли вы все обдумали?

Встречаясь с Павловым и слушая его, я понимал, что главный разговор со мной впереди. Однако я не предполагал, что это произойдет сегодня… Спокойно ответил:

— Иначе я бы не пришел.

— Оружие у вас есть? — Слепцов сел на стул напротив, не спуская взгляда с моего лица.

Я ждал подобного вопроса и заранее придумал ответ. Сказал, что у хозяина, где живу, есть ружье, и, в случае необходимости, могу в любую минуту его взять.

— Это не выход! Запомни, мы не воришки и кражей не занимаемся. Мы должны освободить Якутию от коммунистов и добьемся своего, чего бы нам это ни стоило! — Слепцов сжал пальцы в кулак и, размахивая им, начал расхаживать по комнате. — Оружие надо добывать силой у коммунистов… — Помолчал, как бы раздумывая, и медленно произнес:

— Но вам и этого пока делать не следует. Нам нужны, списки, адреса коммунистов, которые учатся с вами. Схватка будет не на жизнь, а на смерть, и мы должны знать всех своих врагов! Списки передайте ему, — он посмотрел на истопника…

Так вот зачем я им понадобился! Все становилось на свои места. Я понял, что медлить больше нельзя и рассказал обо всем своему знакомому Даниилу Браташу, который работал в Ревтрибунале. Он направил меня в губчека, она тогда располагалась в двухэтажном доме по улице Красной Молодежи (ныне Аммосова).

Там меня принял председатель губчека Степан Литвинов. Он внимательно выслушал, расспросил о приметах Слепцова. Мы условились, что никакие списки я, разумеется, составлять не буду, а под различными предлогами постараюсь выяснить участников заговора и время, на которое намечено выступление контрреволюционеров. Тогда же он познакомил меня еще с двумя сотрудниками — Григорием Шергиным и Александром Перминовым, с которыми я должен был поддерживать связь.

Дня через три ко мне домой пришел истопник. Был он навеселе, от него несло водкой.

— Ну, парень, начинается! Как стемнеет, приходи в военкомат, да не забудь захватить списки…

Я помчался в губчека. Оказалось, что там уже шла подготовка к ликвидации заговора и на помощь чекистам вооружались

партийные и советские работники. Меня зачислили в один из отрядов и выдали винтовку.

Вся дальнейшая работа велась под руководством партийных органов. Была создана специальная тройка во главе с секретарем Губбюро Иваном Редниковым. Он энергично руководил операцией по захвату преступников. Аресты были хорошо подготовлены и проведены неожиданно для заговорщиков: никто из них не оказал сопротивления. Только одному из главарей — Желобцову (как выяснилось позднее, его кто-то предупредил) удалось бежать. Но через несколько дней задержали и его.

Так была ликвидирована тайная организация в Якутске и тем самым предотвращено готовившееся кровопролитие. Не трудно представить, сколько бед могли причинить контрреволюционеры, не сумей чекисты своевременно ликвидировать их.

15 февраля 1921 года в газете «Ленский коммунар» было опубликовано воззвание к рабочим, крестьянам, красноармейцам и ко всему трудящемуся населению Якутской губернии. В нем говорилось:

> *«В ночь с 5 на 6 февраля, кучкой заговорщиков с Ефимовым, Бурнашевым, Желобцовым, Юшковым и др. во главе, должен был быть совершен «переворот». Якутские белогвардейцы еще раз пытались поднять свою преступную руку на Власть Бедноты, еще раз хотели дерзнуть путем вооруженного восстания вернуть «золотые денечки»… Захотелось крови… крови рабочего…*
>
> *Но они не рассчитали! Неминуемое кровавое столкновение Губернской Чрезвычайной комиссией было предотвращено… Главари арестованы и за содеянное понесут заслуженную кару!*
>
> *Чего же хотели эти жалкие людишки, эти ничтожные безумцы, претендующие на высокое звание «представителей народа» — сиречь — якутского тойоната и деревенских кулаков?! Да ничего больше, как свергнуть ненавистную им Советскую власть, упиться кровью якутской бедноты и обратить свои умильные взоры на Восток, на «страну восходящей контрреволюции», ожидая от нее моральной и материальной поддержки… Последняя, конечно, не замедлила бы воспользоваться «любезным приглашением» якутских авантюристов, и в результате Якутская губерния была бы объявлена Автономной республикой под протекторатом японского микадо…*
>
> *О, рабочие Кореи, Китая, Приморской и Забайкальской*

областей хорошо помнят «пребывание» японских войск в Сибири, не должны этого забывать и якутские рабочие и якутская беднота…

Товарищи! Каким же образом думали наши «идейные» враги (как они себя называют) осуществить этот переворот? Выясняется, что, по-ихнему, восстание можно сделать «очень просто»… Весь город был разбит на районы и в каждом районе было по одному или по два десятка. По условному сигналу заговорщики должны были занять казармы 1-го батальона, обезоружить и переарестовать «спящих» красноармейцев… и это им, возможно, удалось бы сделать с помощью предателей, которые обещали выдать винтовки и пулеметы. После «успешного захвата» казарм должны были разбиться на мелкие боевые единицы и идти по квартирам арестовывать коммунистов, «а кои бы не сочли нужным сдаться — здесь же расстрелять» (дословное выражение Ефимова). Другая часть с боем должна была занять казармы кавалерийского взвода. В отрядах всего насчитывалось более ста человек и еще ожидались подкрепления из деревень.

После «ликвидации» Советской власти думали объявить себя автономной республикой и послать своих представителей «на поклон» в Японию.

Такова картина в общих чертах контрреволюционного заговора. Доводя об этом до всеобщего сведения, Губернская революционная тройка призывает рабочих, крестьян, хамначитов и красноармейцев теснее сплотиться вокруг органов революционной власти, вокруг Коммунистической партии и дружными усилиями с корнем вырвать гидру якутской контрреволюции!..

ДА ЗДРАВСТВУЕТ Советская власть!

Председатель Якутской губернской революционной тройки

И в. Р е д н и к о в».

Сообщение всколыхнуло город, волна гнева и возмущения охватила жителей. Всюду проходили митинги и собрания, на которых клеймили позором заговорщиков и требовали им суровой кары. Опубликованные в газетах материалы наглядно показывали, что буржуазные националисты на самом деле идут в одном строю с оголтелыми белогвардейскими офицерами,

матерыми колчаковцами и тойонами.

…Уже через два-три дня город вернулся к мирной жизни. Я в числе других коммунистов был оставлен в ЧК и служил там с перерывами до 1925 года. Работать приходилось очень много: нам противостоял враг хитрый и коварный, а опыта у нас не было.

Но мы твердо знали: работу в ЧК нам поручила партия, и защищать революцию мы должны были несмотря ни на какие трудности.

Первые чекисты выполнили это поручение с честью.

1983 г.

В. Петров, П. Филиппов
ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Степан Максимович Аржаков хорошо известен в республике как видный партийный и советский деятель. Значительна его роль и в деле создания в Якутии органов ЧК.

В период борьбы с контрреволюцией ярко проявились его качества как чекиста: мужество, твердая воля, чуткость к людям и непримиримость к врагам. В своей трудной и опасной работе он всегда опирался на помощь трудящихся.

После победоносного вооруженного восстания 15 декабря 1919 года С. М. Аржаков был освобожден из колчаковской тюрьмы и вскоре направлен уполномоченным военно-революционного штаба Красной Армии в Вилюйск. Там под его руководством проводилось расследование по делу заговорщиков, пытавшихся захватить власть. Позднее он возглавил следственную комиссию в Якутске.

Осенью 1921 года началась гражданская война. Группа бывших царских и колчаковских офицеров во главе с Коробейниковым тайно бежала из Якутска и, направляясь на восток, в поселке Нелькан захватила пароходы с грузами, шедшие из порта Аян. Создав белобандитские шайки, они стали угрожать Якутску.

В это тревожное время областная партийная организация направила Аржакова на самый ответственный участок: навстречу бандитам.

В удостоверении, выданном ему в ноябре 1921 года, сказано:

> *«Предъявитель сего член революционного комитета Якутской губернии тов. Аржаков Степан Максимович назначается представителем губревкома в 1-й особый отряд, направляющийся на борьбу с появившимися в Мае, Амге и Нелькане белыми бандитами.*
>
> *Тов. Аржакову предоставляется право самостоятельно разрешать все вопросы, связанные с советским строительством, а также все земельные, продовольственные, административные вопросы, распускать и назначать волсельревкомы, судить преступников по должности до применения высшей меры наказания включительно, освобождать от продналогов сельские общества, оказавшие хорошую помощь отряду или попавшие в беду из-за капризов природы.*

Тов. Аржакову С. М. предоставляется также право конфискованное особым отрядом на основании приказа № 1350 командарма 5-й армии имущество раздавать волсельревкомам и комитетам общественной взаимопомощи.

Тов. Аржаков свою работу должен вести в соответствии с задачами, возложенными на 1-й особый отряд и в военно-оперативном отношении подчиняться командиру отряда.

Командующий всеми вооруженными силами Якутии С а в л у к.

Председатель Губревкома С л е п ц о в-О й у н с к и й.

Секретарь Губбюро РКП(б) Г. Л е б е д е в».

И эту задачу С. М. Аржаков выполнил успешно.

В отчете о поездке по улусам он сообщал, что побывал в Татте и Чурапче, принял участие в работе съездов Баягантайской и Таттинской волостей, провел несколько митингов, на которых выступал с докладами о внутреннем и внешнем положении Советской России. В соответствии с предоставленным ему правом освободил от продналога Таттинскую, Баягантайскую, Ботурусскую и I Амгинскую волости, создал дружины в Таттинской волости из 22 человек и в Баягантае из 21 человека и передал их в распоряжение военного командования.

По возвращении в Якутск Степан Максимович был назначен уполномоченным особого отдела ГПУ первого особого отряда и снова направлен в восточные улусы. Обстановка там ухудшалась с каждым днем, т. к. белобандиты вплотную приблизились к Амге и стали устраивать засады вокруг села.

В таких условиях в срочном порядке налаживалась оперативная работа, чтобы снабжать командование информацией о противнике, готовить бойцов к отражению наступления. К обороне села привлекались якутские и русские крестьяне.

Трудности были неимоверные. Не хватало теплой одежды, боеприпасов, топлива и фуража… Дрова и сено приходилось добывать с боями. Вскоре белобандитское кольцо вокруг Амги наглухо замкнулось. С 10 января 1922 года отряд находится в осаде. В этой сложной обстановке С. М. Аржаков назначается политруком 1-й роты, а выехавший вместе с ним А. А. Назаров — политруком 2-й роты.

С этого времени в гарнизоне и среди населения Амги широко

развернулась политическая работа, начала выходить отпечатанная на машинке газета, имевшая большое значение в поддержании боевого духа красноармейцев и местного населения.

Аржаков и Назаров из номера в номер писали статьи по различным вопросам. Степан Максимович, например, написал в газете статьи «Чего хотят бандиты», «Советская власть не забудет», «Пример достойный подражания», «Оборона Чапчылгана».

Аржаков в трудные дни осады Амги призывал бойцов и население быть нетерпимыми к разным нарушениям порядка, проявлять высокую революционную бдительность. В приказе № 10 от 18 марта 1922 года он писал:

> «В тот момент, когда бандитские авантюристы делают преступное дело против Советской власти и стоят вокруг нас, находятся в с. Амга граждане, злоупотребляющие своим положением при исполнении общественных обязанностей, совершающие кражи, растраты, уклоняющиеся от нарядов, саботирующие и этим оказывающие помощь бандитам. Объявляется всем гражданам и должностным лицам, что уличение в подобных преступлениях будут караться наравне с бандитами, вплоть до применения высшей меры наказания.
>
> *Уполномоченный ОО ЯГПУ С. Аржаков».*

В результате боевой и политико-воспитательной работы, настойчиво проводимой командованием гарнизона и партийной организацией, хорошо налаженной оперативной работы Амга стала для врага неприступной крепостью. Степан Максимович личным примером, отвагой вдохновлял бойцов. Он руководил боевыми действиями ударного отряда, названного «Красные орлы», участвовал в смелых вылазках в расположение бандитов, проводил агитацию среди, населения.

Во время осады он отправил трех храбрецов через кольцо окружения для налаживания связи со штабом Комвойск ЯАССР. Но только одному — И. П. Михайлову-Харачаасу — удалось добраться с важными сведениями до Якутска. За этот подвиг он одним из первых якутов-бойцов был награжден орденом Красного Знамени.

После четырехмесячной осады, 6 мая, Амга была освобождена. 24 мая на объединенном собрании городских организаций РКП(б) и РКСМ Якутска Аржаков выступил с

докладом об этих нелегких днях.

В протоколе собрания есть такие строки:

> «…Распространение ложных слухов о гибели всего отряда «дедушки» Каландаришвили и падении Якутска возымело отрицательное действие на некоторых неустойчивых бойцов и вызвало известное паническое брожение. С целью поднятия боевого духа отряда мы образовали военный совет, куда вошел и я. Это наше мероприятие сыграло положительную роль, образумило заколебавшихся и мы стали по-прежнему жить и воевать сплоченно, как единая семья. Мы провели собрания красноармейцев по подразделениям, на которых обсудили насущные вопросы нашей боевой жизни. Также собирали население Амги и разъясняли создавшееся положение… Открыли школу для неграмотных, провели трехнедельные партийные курсы. В результате всего этого, несмотря на большие трудности, после создания военного совета, Амгинский отряд стал готовым вести боевые действия до весны…».

Отмечая большие заслуги в обороне Амги, командование вооруженными силами ЯАССР наградило С. М. Аржакова именными серебряными часами. Об этом говорит следующий документ:

> *«21 июня 1922 года.*
>
> *Приказ № 106 по войскам ЯАССР*
>
> *О награждении особо отличившихся командиров и красноармейцев при героической обороне с. Амги…*
>
> *…2. Серебряными часами с соответствующими надписями: командира Амгинского отряда т. Котруса, начальника штаба т. Редникова Михаила, политрука т. Назарова, председателя ГПУ т. Аржакова за то, что находясь во главе Амгинского отряда со времени его окружения и до последних дней осады в течение четырех месяцев, в условиях чрезвычайной трудности, при критическом недостатке патронов и продовольствия, систематически провоцируемые противником, не только удержали отряд от разложения и потери Амги, но, проявляя полное спокойствие, выдержку и распорядительность, своей активностью держали в районе Амги значительные силы противника, не давая ему возможности перебрасывать их в район Якутска и нанося ему значительные потери. Сохранение Амгинского*

гарнизона с его вооружением и Амги послужило сильным толчком к разложению противника, нанесло ему моральное поражение.

Комвойск Б а й к а л о в

Нач. штаба (подпись)

Нач. опер. стр. части К о з л о в».

После возвращения из Амги Степана Максимовича назначили начальником Якутского областного отдела ГПУ. На этой должности он находился до 1924 года и принимал непосредственное участие в разгроме банд Пепеляева. Находясь в штабе экспедиционного отряда К. К. Байкалова, руководил всей оперативной и разведывательной работой, оказывая неоценимую помощь в разгроме заклятого врага.

В 1924 году он был назначен исполняющим обязанности председателя Совнаркома ЯАССР.

Такова славная страница жизни доблестного чекиста, видного партийного и государственного деятеля С. М. Аржакова. Он — один из немногих якутов, которые видели Ленина, слушали его яркие выступления. Ему посчастливилось встречаться с рыцарем революции — железным Феликсом Дзержинским.

1967 г.

М. Риу
КРАСНЫЙ ОТРЯД НА СЕВЕРЕ

В 1921—1922 годах вся Якутия была охвачена волной повстанчества. В трудной борьбе приходилось отстаивать молодую Советскую власть. Десятки разных эпизодов из боевых дел тех лет отчетливо сохраняются в памяти. Я поделюсь воспоминаниями о далеком Севере. В этом глухом краю и в летний зной, и в жгучие морозы красные отряды совершали изнурительные переходы, вели, жестокие бои с белобандитами.

Случилось так, что к апрелю 1922 года Верхоянский и Колымский округа, то есть почти вся северная часть Якутии, оказались в руках белогвардейцев, которые устремились сюда из Охотска за пушниной. Последний отряд красных партизан из жителей Колымского округа был предательски уничтожен. Пятьдесят самых стойких бойцов погибло от рук белоофицерских палачей. Никогда не выветрится из памяти людей ужас этой кровавой расправы…

Мартовское утро. Жители Среднеколымска, согнанные со всего городка, везут дрова и на берегу реки складывают в штабеля. Кто из них знал, для чего все это делается? Кто мог подумать, что сегодня расправятся с лучшими сынами родного края?

…Выводят первую группу местных советских работников. Впереди председатель окружкома И. Николаев, за ним идут учитель П. Слепцов, фельдшер Н. Пинегин.

— Эти винтовки еще повернутся против вас! Да здравствует Советская власть! — кричит Николаев.

Его расстреливали с особой жестокостью. Первыми шестью пулями из наганов прострелили правую ногу и правую руку, последующими выстрелами — левую ногу и левую руку. Двенадцать пулевых ран. Последний выстрел в голову прекратил мучения героя.

Следующая группа — В. Котельников, Н. Петранкин, Ф. Бармин. Казнью руководит бандит-уголовник Киреев…

К утру ярко полыхал костер на берегу Колымы. Теперь-то всем стало ясно, для чего возили дрова. Тела советских активистов сожгли на костре.

До нас доходят вести — одна тревожнее другой. В Абые расстреляны уполномоченный губчека С. Мешковский и член партбюро П. Нехорошев, убиты М. Солдатов, И. Хаенко, В. Тарасов. В Аллаихе героически погибли уполномоченный

Губревкома по Северным округам В. Котенко, с начальником окружной милиции Ф. Новохатским расправились на глазах его семьи.

5 марта 1922 года белые ворвались в Верхоянск Тринадцать коммунистов и сочувствующих им были начеку. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся почти сутки. Наконец осажденным удалось незаметно выбраться из города, пешком пройти пятьдесят километров и там раздобыть оленей. Этот отряд после многих трагических эпизодов пробился в Вилюйск и очень помог в обороне города.

В Верхоянске белые расстреляли пятнадцать человек. Поводом служила малейшая симпатия к Советской власти…

Надо было немедленно начинать борьбу с активизировавшимися бандами, большая часть которых засела в Верхоянье. К походу на Север стали готовиться красные отряды, укомплектованные молодежью, уже получившей закалку в боевых схватках…

Помню, как в ОГПУ едва не разругались с М. Л. Новгородовым. Дело в том, что только один оперативный работник мог поехать с первым красным отрядом на подавление мятежа в Верхоянске. Мы доказывали заместителю начальника ОГПУ Ф. Богословскому, что следует отправить двух работников, т. е. Новгородова и меня, но — все напрасно!

— Поедет только один, — сказал он.

И вот тут-то и разгорелся сыр-бор. Наш спор, можно сказать, наилучшим образом прекратил Богословский. Он объявил, что с отрядом поедет Новгородов, а мне предстояло ехать тоже на Север, но только другим путем.

Летом в Верхоянск выступил отряд под командованием Панкратова. Он насчитывал около ста бойцов и состоял из русских и якутов. Переход был очень трудным. Бездорожье, комары, плохое питание изматывали бойцов, но дух красноармейцев был высоким. Еще до того, как отряд прошел половину пути, начались стычки с заставами противника. Недалеко от почтовой станции Нера наша разведка внезапным налетом смяла на тракте бандитскую заставу и захватила в плен несколько человек вместе с командиром, местным казаком Козловым. Это было большой удачей, так как от пленных удалось получить важные сведения. Выяснили, что бандиты, около четырехсот человек, рассредоточены по многим наслегам. Наиболее боеспособная группа находится в городе Верхоянске. Командуют ею местные жители: Новгородов Павел и Новгородов Семен, но за их спиной стоят «советники» — русские офицеры Масюков и Раков, и, главным образом, штаб-ротмистр Канин.

Вооружены винтовками и устаревшими берданами, боеприпасов у них для длительных боев явно недостаточно. Но самое важное — значительная часть рядовых участников, обманом вовлеченная в авантюру, не хотела воевать.

Наш отряд вооружен лучше: трехлинейные винтовки, хороший запас патронов, два станковых пулемета — «Максим» и «Кольт», несколько ручных «Шошей».

Узнав о нашем приближении, противник стал готовиться к бою.

— До последней капли крови будем сражаться с комиссарами, — кричал штаб-ротмистр Канин, специально приехавший в Верхоянск «для поднятия духа».

Но стремительное наступление наших бойцов деморализовало мятежников. Забыв о своих угрозах, они в панике бежали. Картина незабываемая. Красные занимают город, в панике скачут на лошадях бандиты, болтаются на седлах шкуры песцов, награбленных в факториях.

Население с радостью встречало освободителей. Наскоро была организована погоня за бандитами. Все внимание обращено на группу Канина. Малейшее промедление могло сорвать операцию…

Ранняя осень. Только что выпал снег, трудности подстерегают на каждом шагу. Озера начали замерзать, но тонкий лед не выдерживал бойцов и им нередко приходилось купаться в ледяной воде. В стычках с противником, нападавшим на нас из засад, несли потери. Но все-таки настигли банду и прижали к озеру. Главарь ее — Канин просидел в холодной воде несколько часов. И только воспользовавшись тем, что красные бойцы плохо знали местность, ему удалось спастись. Утром он с остатками своего отряда по жердям перешел озеро и стал уходить в глубь округа. Продолжать преследование не было смысла и погоню решили прекратить. Наш отряд остался на зимовку в Верхоянске.

…Прошло время. Стало известно о движении генерала Пепеляева на Якутск. Бандиты активизировались, они со всех сторон обложили город. Главные опорные пункты их находились в Негедяе, в десяти верстах от Верхоянска, второй в Батале, в четырех верстах. Они решили взять нас измором, так как ни дров, ни продовольствия в городе не было. И пришлось на дрова разбирать дома, скот почти весь забили на мясо.

Восемь месяцев, день за днем, дрались наши бойцы с превосходящим в несколько раз противником. Сколько было боев и стычек за это время?! К концу осады начался голод. Ели убитых лошадей, но это не поколебало мужества красных бойцов, показывавших образцы дисциплинированности, высокого

понимания своего долга перед народом.

Не раз совершали вылазки в глубокий тыл противника, с боями добывая табак, чай и продовольствие. Особенно активно участвовал в рискованных операциях уполномоченный ОГПУ Михаил Лаврентьевич Новгородов, которого знали и боялись враги. Это был смелый и мужественный чекист. Однажды под огнем противника он доставил в город трупы убитых в бою в м. Силян красноармейцев Мальчехова и Холмогорова. В другой раз Новгородов спрятал в мешок из-под табака две гранаты и положил эту хитрую штуку на видном месте. Разведка противника, обнаружив невесть откуда взявшийся мешок, стала рассматривать содержимое, но так как кольца у гранат были удалены, рычаги отскочили, гранаты взорвались и несколько беляков были убиты. Бандиты всполошились и, желая отомстить, додумались до хитроумной затеи. За одну ночь на всех тропинках вокруг города они расставили около сотни самострелов, с помощью которых охотники обычно промышляют лосей и оленей. Но Новгородов и тут помог нам: за несколько часов все самострелы были обезврежены, а стрелы собраны — могли пригодиться.

Вылазки в глубокий тыл противника стали для нас повседневным делом. И все-таки до бесконечности так продолжаться не могло. Надо было кого-то отправить в Якутск, чтобы сообщить о положении в районе.

Предстояло проделать путь в тысячу верст, пробираясь по местам, где на каждом шагу могла поджидать вражеская засада. Выполнить эту задачу опять-таки вызвался Новгородов. С большой неохотой отпускали мы его. В конце февраля он предпринял попытку прорваться в Якутск, но в Бустахском наслеге был схвачен и в м. Ат-Баса в тридцати километрах от Верхоянска в марте 1923 года расстрелян. Погиб замечательный человек…

По мере приближения весны положение под Верхоянском стало меняться. Неудачи Пепеляева, несмотря на все старания скрыть их, становились известными населению. У бандитов началось дезертирство, перебежки в город. И белый отряд постепенно «растаял». Но главари, главным образом офицерье, скрылись в сторону Абыя, Момы и Аллаихи. Наступившая распутица, а затем и летнее бездорожье не дали возможности нам преследовать их. За все время осады красный отряд потерял тринадцать лучших своих бойцов, которые захоронены в братской могиле.

Летом 1923 года восстановилась связь с Якутском. Но борьба за Советскую власть на Севере на этом для меня не кончилась. К

маю 1925 года Верхоянск снова оказался в кольце бандитов.

6 мая из Якутска выступает особый отряд ОГПУ под командованием Павлова, я был заместителем у него. Не успели мы покрыть треть пути, как началась оттепель. Дальше продвигались по черной земле. Жалко людей, оленей. Но бойцы горят одним желанием: только вперед! Более четырехсот верст прошел отряд пешим порядком, без хорошей пищи. Причем почти всю дорогу пришлось идти по воде, смешанной с талым снегом. А обувь у бойцов вся разбитая. Словом, трудности, даже для местных людей, привыкших к ним, были огромными.

В одном месте путь преградила речка Тирях. Двигаться нельзя, но и тут нашли выход из положения. Два отделения, которыми командовали Бычков и Казаков, запрудили ее лесом и возвели мост. Груз и нарты перетащили, оленей доставили вплавь.

Преодолев весенний разлив горных рек, мы оказались в другом крайне трудном положении: в отряде не осталось ни куска хлеба, соли и других продуктов. Почти полмесяца отряд шел впроголодь, питаясь только куропатками. Помню, как по моему приказу лучшие стрелки отряда во главе с Казаковым каждый день получали патроны, и скалы Верхоянского хребта в долине речки Сартан оглашались выстрелами, к очередному привалу мы добывали сто — сто двадцать куропаток.

Но вот прошли тундру и не стало куропаток. Питаемся совами, пришлось убить несколько собак…

Позднее нас выручили охотники. Они вышли навстречу нам и привезли на нартах продукты.

Вступаем в Верхоянск, радость жителей осажденного города неописуема. У нас один вопрос: — Где же бандиты? Оказалось, что они окопались в пятидесяти километрах от города…

С ночи до полудня идет бой. Не выдержав натиска, противник бежал в сторону Оймякона…

1930 г.

И. Виноградов
В БОРЬБЕ С БАНДАМИ

Новая жизнь упорно пробивалась сквозь отсталость и бескультурье, сквозь буреломную тайгу, через засады бандитов…

Разбросаны улусы по тайге… Банды всех оттенков, вооруженные японскими пулеметами, американскими винчестерами, рыская по лесам, грабили фактории Якутторга.

Но не только грабеж сплачивал преступников: вместе с дармовым золотишком терлись по карманам свеженькие листовки. Они призывали свергнуть Советскую власть. На самозваных съездах представители «освободительного войска» распинались в любви к «Тунгусскому государству», а тунгусы угоняли оленей подальше от своих «представителей».

Летом 1927 года в Среднеколымске расклеивались прокламации против коммунистов… Вооруженная группа появилась на реке Амге… Шайка Рахматуллина, которого в уголовном мире за громадный рост и атлетическое телосложение прозвали Большойко, грабил крестьян на Лене…

11 ноября белобандитский отряд Кириллина занял центр Западно-Кангаласского улуса — село Покровское…

* * *

В конце декабря начальник Управления пограничной и внутренней охраны страны вызвал меня, старшего инспектора войск этой охраны.

— Вам, члену партии, надо выехать в начале января в Якутию, — сказал Зиновий Борисович Кацнельсон, пододвигая ко мне объемистую стопку донесений, переписки, справочников. — Во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете готовится поездка в Якутию. Вы и еще несколько сотрудников нашего управления будете ее охранять, выполнять спецзадание. В вашем распоряжении будет народ молодой, горячий, еще не обстрелянный. — Зиновий Борисович медленно обвел карандашом то место на карте, где была обозначена Якутия.

— Оденешься потеплей…

«Вот как бросает судьба, — подумал я. — Пять лет на Северном Кавказе в специальных войсках ОГПУ, борьба с бандами, засады, облавы, а теперь…»

— Там может быть и пожарче, чем на Кавказе, — угадав мои

мысли, произнес начальник управления. Он выдвинул ящик стола и достал солдатские варежки с отдельно связанным указательным пальцем.

«С умом вязали, — сообразил я, — чтоб стрелять удобней».

— Держи, — сказал Кацнельсон, — пригодятся.

— Зиновий Борисович, у меня скоро зачеты, экзамены в университете.

— Знаю, дорогой, знаю. Такая наша судьба. — Он подошел к окну и задумчиво посмотрел на первые снежинки, закрученные ветром.

— Мне пришлось быть в ссылке в тех местах, — тихо сказал он. — Когда в Якутию привезли ссыльных большевиков Ярославского, Петровского, Орджоникидзе, — началась у нас настоящая жизнь. — Он стал загибать пальцы: — Два марксистских кружка, споры с меньшевиками, побеги… — И уже другим, деловым тоном добавил:

— В работе вашей комиссии будут большие трудности. Колоссальные пространства, бездорожье. Рабочих мало, а деревня отстала на целые века. Но надо, понимаешь? Надо ехать. Говорю тебе об этом я, а посылает тебя партия. Да, а в университет я позвоню, попрошу не исключать из списков…

На складе я получил целый мешок теплых вещей. Помню, мне было неловко тащить мимо управления узел с полушубком, валенками, сапогами. Я знал, что даже самое высокое начальство умещало весь свой гардероб на плечах.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 2 января 1928 года вынес решение — для выработки необходимых политических, хозяйственных и культурных мер послать в Якутию Правительственную комиссию в составе: председателя — заместителя председателя ВЦИК Я. В. Полуяна, членов комиссии — представителя ЦК ВКП(б) А. Н. Асаткина-Владимирского и начальника Особого отдела Государственного политического управления С. В. Пузицкого.

В списке комиссии стояла и моя фамилия. Биография людей, под руководством которых предстояло работать молодым партийцам и комсомольцам, была частицей славной истории нашей партии. Я. В. Полуян уже в то время был испытанным государственным деятелем. Он неохотно говорил о себе, но мы-то все знали, что он еще в 1920 году был одним из организаторов подпольной работы на юге России. А после освобождения Красной Армией Кубани и Черноморья Полуян был в составе Кубано-Черноморского комитета РКП(б). Если за ним охотились на юге страны, не скупясь на вознаграждения за его голову, то Асаткин-Владимирский агитатор-пропагандист Костромского

комитета РСДРП, организатор боевых рабочих дружин в 1905 году — был объектом вожделенных поисков жандармов на Севере.

О Пузицком товарищи говорили коротко: «Это работник стиля Дзержинского».

* * *

Самая легкая часть нашего пути — по железной дороге от Москвы до Иркутска. К нашему приезду было изготовлено 18 возков. В них нам предстояло добраться до Якутска. В день приезда, когда мы, отвернувшись от ветра, разминали затекшие ноги, к Я. В. Полуяну подошел человек, одетый в матросскую шинель. Поодаль стоял строй из четырнадцати молодых парней.

— Товарищ председатель Правительственной комиссии, — докладывал моряк, — в ваше распоряжение поступает полувзвод чекистов-комсомольцев, проверенных лично мной в яростных схватках с классовым врагом… с бандами, значит. Фамилия моя Петров. Вот мандат. — Петров широко улыбнулся: — Так что вместе зимовать будем.

— Неужели в шинели не холодно? — спросил Полуян, не сдержав улыбки. — Или она у вас на меху?

— Так точно, — Петров расстегнул верхнюю пуговицу. — Подшита шкурой. Изъяли ворованную шубу у одного гада. Ну и начальство приказало приспособить ее для обогрева.

На локтях шинель была вытерта, на груди зашита в двух местах.

— Так и носили бы шубу, — сказал Полуян.

— Дал слово дойти в этой шинели до полной победы социализма. — Петров оглянулся на своих людей. — Смеется кое-кто из сухопутных над таким моим чудачеством, но я смеху не препятствую, тем-более что это — в свободное от строя время.

Следующий день был началом первых суток пути, а впереди их было девятнадцать. Наш маршрут до Качуга — по тракту, а от Качуга — по льду Лены, между торосами. Эшелон двигался без дневок, с остановками на ямских станах для смены лошадей и обогрева. В первую очередь накрывали попонами лошадей и только потом присаживались к печке. У многих лица были в пятнах — «укусы» мороза: почти все время было 50—55 градусов ниже нуля. В одну из таких остановок, когда мы только присели у красной от жара печки, раздались выстрелы. Мы бросились на улицу — на снегу лежал боец из полувзвода Петрова; пуля попала ему в лицо. А неподалеку, проваливаясь в снег и время от времени стреляя, Петров преследовал пять или шесть человек,

исчезавших за торосами. Мы бросились за ними, но не нагнали — в километре от нас были спрятаны оленьи упряжки…

— Славный был парень, — грустно сказал Петров, когда мы отошли от могилы. — Невеста его ждала…

Этот случай был не последним на нашем пути от Иркутска до Якутска. Но не только засад надо было опасаться. Мы неоднократно попадали в предательские полыньи: из берегов Лены местами бьют горячие источники, да еще крутая быстрина реки часто подмывает лед на перекатах. Уже трех человек с обмороженными ногами поручили мы заботам местных жителей… На Петрове лица нет — опять из его полувзвода.

Петров, заросший рыжей щетиной, которая, кажется, соединяется с такими же рыжими бровями, похож на якутского деревянного идола: скуластый, с виду не чувствительный к усталости и морозу, — он все время впереди. Его ребята, как и он, чувствуют себя здесь хозяевами, хотя большинство из них ненамного раньше нас в Якутии. Из разных мест страны приехали они по путевкам комсомола. Комсомольцы нашего рабочего аппарата жгуче завидуют им — ведь те уже были в боях!

Сегодня Петров, лежа на льду, держал провалившегося в воду Витю Потапенко — паренька из Харькова — до тех пор, пока не подоспели другие. Петров попросил накрыть шубами парня и, просунув руки под шубу, растирал его.

— Тело парню порежешь рукавами, — сказал я Петрову.

Он и не заметил, что мороз схватил его мокрую шинель так, что рукава стали похожи на бутылки. Чертыхаясь, он быстро надел шубу, а в это время другие ребята, сменяясь, растирали своего товарища…

Вот показался огонек юрты. Наши мохнатые лошаденки пошли резвее. Дверь не заперта. Таков обычай. Входим. Большое помещение. Квадратный земляной пол. Стены из бревен, поставленных тыном. Посередине — камелек, отдаленно напоминающий русскую печь, только с трубой, устремленной прямо из горна в закопченный потолок. Огонь печки и согревает юрту, и освещает ее.

Когда глаза привыкают к полутьме, различаем нары у стен. По примеру наших возчиков, не разговаривая и не снимая одежды, садимся на лавки. Провалившегося под лед парня продолжают растирать уже у печки.

Через несколько минут из-под меха на нарах показалась всклоченная голова якута. Он медленно оглядел нас. Встал. Привычным движением сунул в рот трубку и уставился на огонь.

— Капсе! — сказал он. Значит, «рассказывай». Наверное, он бы не обиделся, если бы ему никто не ответил. Это слово

расценивается и как доброжелательное приветствие.

Потом из-под шкур выпрыгнул мальчонка лет шести-семи, сел рядом со взрослым. Потянулся ручонкой к трубке, сунул ее себе в рот, начал усиленно посасывать.

Как по команде, встали и другие обитатели юрты. На столе появился чай.

— Здравствуйте, товарищи, моя фамилия Полуян. Мы представляем Государственную комиссию…

— Мех нужен? — спросил якут. — Нету меха.

— Вы меня не поняли. — Полуян сел рядом с ним. Якут-переводчик начал быстро переводить.

— Мы пришли сюда, чтобы бороться против бандитов, против тех, кто грабит. Мы просим об одном — пригрейте у себя человека, мы спешим и не можем ждать…

— Хо-ро-шо, — раздельно сказал хозяин. Он бесстрастно смотрел, как мы выкладываем на стол провиант.

Ребенок, который только что сосал трубку, потянулся рукой к сероватой головке сахара. Отец прикрикнул на него, и мальчик отошел от стола.

— Хватит, — сказал хозяин.

— Берите, берите, — засмущался Полуян, — у вас же большая семья. — Он оглядел всех нас и достал из кармана карту. — Вот в этом месте, через сутки, нас ждут оленьи упряжки.

Это означало, что дальше будем двигаться по компасу, через бурелом, через валуны. И проходить надо по пятьдесят-шестьдесят километров в сутки. Именно здесь, когда все внимание устремлено на дорогу, когда чаще приходится бежать за нартами, чем ехать в них, — здесь-то и появляется шанс у бандитов стрелять по уставшим людям — из-за валунов, почти в упор. Так случилось на второй день пути…

Нельзя не рассказать о замечательном проводнике нашего каравана полуякуте-полуцыгане из селения Крест-Хальджай. Все звали его Макаром. На знаю, было ли это его настоящее имя. На коротких привалах он рассказывал о себе: царские власти выслали их табор в Якутию за какую-то провинность: половина поумирала, другую половину поубивали местные богачи, а Макар остался в живых — у тойона произошла осечка с ружьем, и ребенка спрятали батраки.

— А теперь крепко породнился я с якутами. — Макар подбрасывает сухостой в железную печурку. — Но все равно цыганская кровь бередит душу. — Он встает и, потянувшись, мечтательно говорит: — Возьму своих деток, посажу в большие сани. — Он поворачивается ко мне: — Знаешь, крытые, как чум, поставлю в них печку, оленей запрягу, и — айда!

Я всегда удивлялся искусству Макара читать следы. По следам нарт и ног он определял, кто прошел. Больше, того — якут или тунгус.

— Надо сильнее охранять сегодня оленей, — говорил Макар. — Следы нехорошие.

Каждый вечер проводник отпускал животных пастись. Они долго крошили копытами снег, чтобы добыть мох. В поисках еды далеко отходили от наших палаток, где под руководством Макара уже через пятнадцать минут варилось конское мясо. Если б пропали олени, никто бы из нас не остался в живых. Каждое утро проводник выходил к ним с мешочком соли на шее. Посыплет соль на ладонь, скажет что-то, и олени, как по команде, сбегаются к нему.

…Когда наши сани растянулись по руслу реки, с двух сторон раздались выстрелы, эхо от них было подхвачено дробным стуком пулемета. Упали олени, шедшие впереди, загородив путь. Петров, укрываясь за торосами, побежал к пулемету.

Растянувшись цепью, мы двинулись навстречу засаде. Выстрелы прекратились — бандиты уходили к лесу.

— Эй, подождите! — Петров, намного опередив цепь, мчался к широким нартам, на которых был установлен пулемет. — Подождите, говорят! — кричал, задыхаясь, Петров. — Свой я, свой!

Я похолодел. Неужели — враг? Вскинул винтовку.

— Не стреляй! — ко мне бросился Абаев из полувзвода Петрова. — У него граната здесь! — Он показал себе на грудь. Абаев весь дрожал. — Успел бы!

Видно, Петрову крикнули, чтобы он бросил пистолет. Он откинул его в сторону. «Бумага у меня для вас!» — эти его последние слава слышали наши люди с краю цепи. Возле самых нарт Петров вскинул, руку с гранатой и, расстреливаемый беспорядочными выстрелами в упор, швырнул ее в сани с пулеметом, разнеся их в клочья…

Когда мы прощались с Петровым, Абаев уже успел зашить его неизменную шинель, продырявленную пулями…

Лежит в якутской земле молодой коммунист Петров. Хорошо знают якуты эти три валуна. Идут ли мужчины на охоту, отправляют ли сына в институт, быть может, в тот самый институт, о котором жадно мечтал Петров, остановятся возле этих камней. «Большой человек был, — скажет самый старый из якутов. — Очень большой». — «Сильный?» — спросит внук. — «Сильный». — «Валуны мог двигать?» — «Мог… А что для него валуны?» — разозлится дед. «Он смог жизнь изменить…» И в памяти народной вырастает щуплая фигура Петрова до размеров

исполина, и нет в этом неправды.

Скоро наш караван миновал то место, где погиб народный герой Каландаришвили.

Мы, сотрудники ОГПУ, ответственные за охрану комиссии, старались предусмотреть все. Опасаясь засады, мы за двести километров до Якутска шли впереди и вели разведку по сторонам дороги.

10 февраля 1928 года въехали наконец в Якутск. К этому времени сдались белобандиты Михайлова в Амгинском улусе, захвачен врасплох отряд Попова и Захарова в Нелькане. Но это еще было не все.

Проверив все факты, Правительственная комиссия разработала план полного искоренения бандитизма. Направленный в Верхоянск, Жиганск, Булун и устье Лены отряд, возглавляемый Г. С. Сыроежкиным, прошел, натыкаясь на засады, тяжелый путь, дойдя до Русского Устья. Очистив от преступников заданные районы, чекисты лишь летом вернулись во Владивосток на судне «Ставрополь». Выполняя задание Правительственной комиссии, Сыроежкин доставил командованию главарей бандитского движения.

Одновременно с Сыроежкиным покидал Якутск и я.

Мне было приказано возглавить оперативную группу, прибывшую из Охотска. В нее входил и председатель Оймяконского улусного революционного комитета, один из первых комсомольцев Якутии, коммунист Богатырев.

Немного отдохнув, стали готовиться к новому тысячекилометровому пути — в Оймякон: там было не спокойно. 26 февраля мы были уже в Усть-Амгинске. Сменив лошадей на оленьи нарты, поднялись по руслу горной речки Хандыги к перевалу Главного хребта, затем вышли к притоку Индигирки. Чем ближе к перевалу, тем дольше остановка. Все труднее дышать. Только Макар, который и здесь был с нами, не замечает усталости. Жестом человека, которому знакомы все горы, реки и долины, он показывал нам редкие места. Мы увидели слюдяную гору, подобную застывшей слезе, а под Оймяконом на наших глазах курилась вода из серного источника, туманом растекаясь на сорокоградусном морозе. Туман сгущался и, оседая на деревьях, ваял причудливые, фантастические фигуры…

Помню, Макар вывел нас по следу к двум чумам бродячих охотников-тунгусов, предложив всем обогреться, пока он с помощниками развертывает и ставит палатки. Никогда не забуду трех тунгусок, встретивших нас. Поверх меховой одежды они носили в суровую стужу ситцевые платья… С испугом смотрели они на вооруженных людей. Они боялись нас, «людей с ружьем», а

мы думали о том времени, когда эти женщины будут грамотны, когда не надо будет бояться бандитов и грабителей…

— Знаешь, Макар, Оймяконское плоскогорье — вторая точка полярного холода в Азии, после Верхоянска, — сказал я, вспомнив справочник.

— Знаю, знаю, как же, — ответил Макар, думая о своем. При подходе к перевалу он стал как-то особенно беспокоен.

А беспокоился Макар из-за густеющих облаков, которые словно придавливали перевал — самое трудное место на пути. Тут нет мха для оленей — значит, перевал нужно проскочить в одни сутки. А дуют такие ветры, что каждый метр преодолевается с трудом. Макар все время твердил: «Пройти тистое, пройти тистое». «Чистое место» — это каменный гребень на макушке перевала, залитый льдом. Там нет даже снега. Его начисто сдувает ветром. На этот перевал мы шли как в атаку. Иногда оленей приходилось тащить за рога, а иногда сами цеплялись за оленей, чтобы не упасть…

И мы перешли перевал. Потери — два оленя со сломанными ногами.

Добрались до Оймякона. Скоро здесь скопилось довольно много пушнины, отобранной нами у белобандитов. Она мне не давала покоя — гарнизон маленький: враги могут совершить налет, поджечь склады. От этой мысли пропадал сон.

В Оймяконскую больницу, а вернее сказать — в избу, названную больницей, привезли раненого. Из его отрывочных слов стало ясно, что пойманный недавно главарь банды Неустроев дал на хранение пушнину старейшине тунгусского рода. Единственного свидетеля, перетаскивавшего меха в тайное хранилище, бандиты решили убрать, «оплатив» его труд смертельными ножевыми ранами. Мы с Богатыревым пригласили старейшину в Оймякон.

В мартовский солнечный день мы, представители Советской власти, собрались у здания ревкома. И вот на горизонте показались наши гости. Мощные самцы, вскинув ветвистые рога, несли, словно невесомые, нарты, на которых стоял старейшина. Крепкий, широкоплечий, он породил легенды о своем возрасте. Замечу, что учет возраста здесь велся примитивно: оперировали в основном круглыми цифрами — с нулем или пятеркой на конце. Нашему старцу насчитывалось девяносто пять лет, но у него были все основания оспаривать свой возраст: он год назад женился и на днях стал отцом.

Мы отметили это событие скромными подарками, которые старейшина принял с большим достоинством.

Богатырев сказал ему, что пушнина, которую он прячет —

награбленная, а владелец ее — Неустроев арестован за убийства и бандитизм. Сказал ему и о том, что жизнь воина его рода спасти не удалось.

Переводчик обратился ко мне: старейшина хочет увидеть Неустроева, он дал ему слово, что сохранит пушнину…

Привели арестованного. Он волком смотрел и на нас и на старейшину.

— Что, старик, смерти моей просить приехал? — сказал он по-тунгусски. — Я у твоих людей по две, а то и по три смерти вытаскивал. Точнее не я, а мошка.

Старик не изменился в лице, но на его совершенно лысой голове заблестели капельки пота. Неустроев заметил это.

— А, вспомнил? — Он захохотал, потирая руки. Стал говорить по-русски, сбиваясь и спеша выговориться: — Привязали мы двух ваших к деревьям, возле болотца, мошка там свирепая, а мы этих голубчиков из одежды вытряхнули. — Он засмеялся тихо, как смеются, вспоминая заветные радости.

— Уведите, — сказал я.

После такого откровения бандита старик даже не посмотрел ему в след.

— Пришлите своих людей, — перевел его слова переводчик. — Оленей я дам.

На следующий день командир нашей караульной роты Петров — однофамилец погибшего Петрова, напоминавший того своей решимостью и беспредельным авторитетом у бойцов, привез на нескольких нартах ценнейшую пушнину…

С нашей помощью вскоре здесь был создан крестьянский комитет, организовано кредитное товарищество, а потом прошел объединительный кооперативный улусный съезд.

Мой рассказ будет неполным, если я не расскажу о скромном и трудолюбивом человеке — Богатыреве. Неизвестно, когда он спал: часто прямо с партийного собрания отправлялся в какой-нибудь наслег. Особенно много хлопот вызывало влияние шаманов. Грохотом бубнов они заглушали наставления фельдшера, который, хотя и работал не покладая рук, не мог успеть везде. В результате, сопровождаемая завываньями и приплясываниями, якутка-роженица, сдерживая крик, тащилась рожать в какой-нибудь закуток, подальше от жилого места. Сразу после родов возвращаться с ребенком ей также запрещалось. Богатырев уговаривал и увещевал без устали, и не было ему равных в этом изматывающем деле.

Мне надо было торопиться в Якутск, чтобы использовать санный путь и не застрять на лето в Оймяконе. Возвращаться надо было только с одним проводником. Крепко обнял я

Богатырева. Чувствовал, что больше мне его не увидеть. Он совсем сдал, съедаемый туберкулезом, — лицо его пожелтело, и скулы стали выпирать еще сильнее, а было ему всего двадцать восемь лет.

— Ну, прощай, друг!

— Прощай. — Он протянул мне старинный кремневый пистолет. — Это тебе на память.

— Полечиться бы тебе…

— Нет, Ваня, лучше я здесь…

Ранним мартовским утром мы отправились из Оймякона на парных нартах. Я ехал и думал о тяжелых утратах: под Оймяконом погибли от рук бандитов руководитель Колымской комсомольской организации И. Баронов, командир отряда Р. Игнатенко.

* * *

В конце февраля — марте 1928 года были полностью ликвидированы банды Артемьева, Кириллина и других. Дольше всех орудовали рецидивисты. Рахматуллин-Большойко, загнанный советскими бойцами в свое последнее убежище — пещеру, отказался сдаться. Когда его логово стали расстреливать из пулеметов, он сделал попытку прорваться и был убит.

Параллельно с организацией борьбы против бандитизма комиссия целенаправленно помогала партийным, советским и хозяйственным органам Якутской республики наладить нормальную жизнь. Выводы и рекомендации комиссии легли в основу работы Якутского областного комитета ВКП(б) и ЯЦИКа.

Вернуться в Москву вместе с комиссией мне не пришлось.

По приказанию особоуполномоченного ОГПУ я должен был вывезти из Якутии арестованных — наиболее опасных бандитов. Мне был придан находившийся в Якутске дивизион 9-го Сибирского полка.

Двадцать пять дней мы поднимались в буксируемой барже по Лене. Арестованные, а их было свыше ста человек, делали все, чтобы сбежать. И, честно говоря, охранять их было не легче, чем воевать с ними.

Мы конвоировали в основном бывших белых офицеров; многие из них были связаны с иностранными разведками. Им было чего опасаться.

Больше двух недель мы шли по тайге…

В Иркутске я сдал свои полномочия и тут же получил предписание срочно выехать в Москву. Новое неотложное задание

ждало меня там.

1970 г.

А. Михайлов
ПОГИБ НА ПОСТУ

Ему было тогда тридцать шесть.. Из них десять лет Георгий Прокопьевич Самодумов был членом ВКП(б).

В 1926 году, заполняя заявление-анкету в Барнаульскую контору госстраха, Георгий на вопрос — «К каким должностям вы считаете себя пригодным?» — отвечал: «К хозяйственным». Но время внесло свои коррективы. Он стал чекистом.

Нелегкий путь прошел сын бедного крестьянина из деревни Конява Могилевской губернии. Был батраком, затем ремонтником на железной дороге, два года «кормил вшей» в окопах первой мировой…

После демобилизации Самодумов прибыл на Алтай.

Когда Колчак захватил Сибирь, большевики ушли в подполье, а в июле 1919 года поднялось восстание в большинстве сел и деревень Алтайской губернии. Одним партизанским отрядом, бившим колчаковцев, командовал Георгий. Был ранен. С приходом Красной Армии в Сибирь вступил добровольцем в Первый Алтайский полк и занимал должность политрука…

В октябре 1929 года был откомандирован Алданским окружным комитетом ВКП(б) в отдел ГПУ: снова на передний край борьбы с врагами Советской власти.

Вот характеристика на чекиста, подписанная начальником Алданского окружного отдела ГПУ Карусем:

> «Самодумов отличался своей настойчивостью, выдержанностью и стойкостью партийца-чекиста. Твердо знал свои обязанности и точно выполнял все задания. Во время командировок был бдительным и аккуратным, стараясь быть примером для других».

…Смеркалось. Мерно цокали по камням копыта. Самодумов и его помощник Петров возвращались в Незаметный, везя с собой золото с приисков. Вдруг у поворота из чащи раздался выстрел. Выхватив наган, чекист спрыгнул с лошади и бросился по канаве в сторону выстрела. На бегу успел заметить, что Петров, соскочив с лошади, побежал в глубь тайги.

— Ах ты, гад!.. — Вернись!..

Второй выстрел гулко прозвучал в сопках. Сильно ударило в грудь, в глазах разом потемнело, и Самодумов рухнул на землю. Удар о камень щекой вернул сознание.

Из чащи, считая, что теперь можно не опасаться, выбежали два бандита с охотничьими двустволками. Самодумов, собрав всю свою волю, сделал несколько выстрелов. Бандиты в растерянности отступили…

Лишь на следующий день, 7 июля 1930 года, приискатели, ехавшие домой, подняли его, истекающего кровью.

— Где ценности, где мой напарник? — был первый вопрос чекиста, когда его привезли в больницу в Золотинке. — Найдите его, он трус…

Шумят по весне в Алдане знаменитые тополя, шумят они и на улице Самодумова, что на прииске Ленинском.

Народ помнит тех, кто отважно стоял на своем боевом посту.

1967 г.

И. Иннокентьев
СОРОК ЛЕТ В СТРОЮ

Шел один из дней уходящего 1916 года. В доме политссыльного Виноградова в Мархе собрались местные большевики. В назначенный срок пришел и Емельян Ярославский, он должен был выступить с докладом. Только он разложил перед собою листки, как послышался условный стук в стену.

Через мгновение в дом влетел урядник. Но перед ним, вместо ожидаемого «большевистского сборища», предстала обычная картина — мирно пьющие чай соседи. И разговор между ними шел самый заурядный. Друзья бахвалились своими охотничьими похождениями. Разочарованный урядник, скрывая злость, вынужден был убраться восвояси. Все облегченно вздохнули, а через несколько минут собрание продолжалось.

На таких сходках в доме отчима всегда самое деятельное участие принимал семнадцатилетний Василий. Конечно, ему чаще выпадало исполнение не очень интересной, но ответственной работы — охраны. Это его стук в тот день вовремя предупредил об опасности. Разве мог тогда сельский подпасок думать о том, что и дальше, всю сознательную жизнь, будет стоять на страже света и добра?

А впереди его ожидали сорок лет полной опасностей чекистской работы…

Пришла Февральская революция. Затем грянула Октябрьская социалистическая. Но вскоре в Якутии наступили черные дни колчаковской реакции.

В это время молодой Девяшин пытал счастье на золотых приисках неподалеку от Охотска. Вернулся он в Якутск в начале девятнадцатого. По приезде в родные места сразу же установил связи с большевиками, находившимися на нелегальном положении. Через считанные дни его дом в Мархе превратился в своего рода подпольный оружейный склад. Бывшие политссыльные приносили к нему длинноствольные трехлинейки, наганы, тяжелые ручные гранаты. Ох, как пригодилось это оружие во время свержения власти ненавистного Колчака!

С одной из тех принятых на хранение винтовок и вступил Василий Девяшин в отряд особого назначения при губернской следственной комиссии. Спустя месяц он уже участвовал в подавлении белоэсеровского мятежа в Вилюйске. Ни минуты покоя не знали бойцы этого отряда. Изматывающие ночные дежурства, обыски, облавы сменялись постоянными подъемами

по тревоге днем. Или наоборот.

Однажды чекистам стало известно, что поп Жирков прячет в церковных погребах большое количество продуктов. Время было голодное. По улицам шныряли совсем отощавшие беспризорники. О них-то и думал чекист Девяшин, когда стучался в закрытые двери поповского дома. Злость душила бойца. Но когда дверь наконец раскрылась, в проеме показался нищенски одетый человек: в латаных-перелатанных валенках, грязной рубахе и рваном легком пальтишке. Это и был Жирков.

— Что у вас хранится в подвале? — спросил пораженный его внешним видом Девяшин.

— А что может быть там в наше время? — запричитал поп. — Пусто, хоть шаром покати… Бог свидетель моим словам.

— Проверим, — отрезал чекист.

Забрав у попа ключи, спустились в погреб. На первый взгляд, там и впрямь ничего не было, кроме старой церковной рухляди. Неужели сигнал был ложным? Но следовало досконально обыскать все подземелье. Нехорошие были глаза у попа, в них пряталась хитрость…

Двадцать семь полных возов различных продуктов и вещей вывезли в тот день бойцы с церковного двора. У оборванца попа, оказывается, были припрятаны первосортные лисьи, песцовые и соболиные шкурки, другая пушнина…

В начале 1920 года Девяшин был назначен начальником седьмого района Якутской уездной милиции. В обширный этот район входили села Мархa, Маган, Владимировка, Табага, Кильдямцы и Тулагино. Это был один из тех периодов в его жизни, про который привыкший к опасностям Василий Кирович говорил: «Чудом остался цел и невредим». В окрестностях города рыскало множество банд, состоявших из недобитых колчаковских офицеров, вооруженных тойонских сынков, просто уголовников. В домах богачей хранились дожидавшиеся лучших времен оружие и продовольствие.

Зимой 1921—1922 годов крупные силы белобандитов захватили ряд пригородных сел и стали угрожать Якутску. Но неспокойно жилось и наступавшим. Их постоянно теребили партизанские отряды. Одним из них — Маганским — командовал Василий Кирович. Впрочем, какой он был тогда Кирович — двадцатитрехлетний парень! Приказания его, правда, исполнялись беспрекословно. Делом, в боях не раз доказывал Девяшин бойцам, что он умелый и опытный командир. Отличился и в знаменитом бою за Эверстовскую заимку — оплот белых, где были сосредоточены основные силы бандитов…

Потом были бои за Кильдямцы, Никольское, Намцы, Чурапчу,

Амгу и Усть-Маю, борьба с контрреволюционными выступлениями Артемьева и Ксенофонтова. За один из эпизодов в его боевой жизни тех лет Девяшин был награжден командованием части именной саблей.

Вот как это случилось.

Однажды под вечер Василий Кирович возвращался из разведки по узкой лесной дороге. Вдруг слышит сзади топот копыт. Не успел обернуться, как грянул выстрел, и, захрапев, повалилась под ним лошадь. Ловко отскочив в сторону, он вскинул винтовку (винтовка всегда в разведке была на боевом взводе), и, схватившись за пробитую голову, бандит слетел с седла. На дорогу из засады выскочил второй белогвардеец и в панике поскакал назад. И его догнала меткая пуля. Поймав коня убитого, красноармеец вернулся к своим — с секретными донесениями, оружием белобандитов.

Шло время. Сотрудник ОГПУ Девяшин зарекомендовал себя опытным, инициативным работником. И когда осенью 1929 года нужно было сопровождать до Новосибирска 80-тонный ценный груз, выбор пал на него. Экспортную пушнину, золото и мамонтовую кость доверило правительство чекисту. Несколько месяцев пробыл тогда он в пути, ни разу толком не выспавшись, не поев, в постоянном напряжении. Но задание было выполнено в срок. По возвращении же в Якуток его уже ожидал приказ о назначении в отряд по ликвидации белого мятежа в далеком Заполярье…

Василий Кирович славился как стрелок. Тут, скорее всего, дело было не в тренировке (хотя он с малых лет имел дело с оружием), а в своеобразном прирожденном таланте охотника. На уток Девяшин ходил с винтовкой, ему, например, ничего не стоила подбить самую быстрокрылую птицу влет.

В 1930 году чекисту пришлось продемонстрировать свое мастерство стрелка матерому немецкому шпиону Шнеуру. Тот похвалялся, что в состоянии убежать от любой охраны. Конвоирование его до Новосибирска, где находилась центральное представительство ОГПУ по Сибирскому краю, поручили Девяшину. В помощь дали только одного бойца. И вот пароход вышел из Якутска и взял курс на Усть-Кут. Проплыв километров двести, капитан остановил судно, чтобы запастись дровами.

Пассажирам было разрешено немного отдохнуть на берегу. Покинули пароход и Василий Кирович со своим «подопечным». Тут кто-то из знакомых чекиста предложил ему показать снайперское искусство. Поначалу Девяшин отказался, но потом решил, что Шнеуру, как говорится, не худо бы удостовериться в его меткости. Метрах в двадцати пяти поставили полено,

начертили на нем кружочек с копеечку. Три выстрела из «кольта», и три пули в одно и то же место, то есть пуля в пулю. После этого случая Шнеур «успокоился» и уже до самого Новосибирска вел себя для арестованного просто образцово.

«Девяшин был метким стрелком…», «Девяшин был смелым человеком…», «Девяшин был инициативным сотрудником…» А ведь его знали еще и как очень доброго, отзывчивого человека. И не только близкие друзья.

Как-то довелось Василию Кировичу сопровождать большую группу колымских кулаков до мест поселения. Эти люди были справедливо осуждены народным судом и высланы из республики на разные сроки.

Вот добрались они до места. Сдал их под расписку чекист местным властям. Казалось, чего больше — езжай домой с чистой совестью. Но не такой он человек. Уехал только после того, как убедился, что все сосланные устроились на работу. Проследил, чтобы старым да слабосильным и работа попалась подходящая, кое-кого переустроил на другое место.

Ушел на покой ветеран в 1957 году. За безупречную многолетнюю работу в органах государственной безопасности он был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и шестью медалями. Неоднократно поощрялся вручением именного оружия. За успешное выполнение задании командования Василия Кировича не раз избирали депутатом Мархинского сельского Совета депутатов трудящихся.

1983 г.

Л. Жженых
«ЗА ПРЕДАННОСТЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В этом зале живет Память. Сколько бы раз ни приходил сюда, тебя всегда охватывает волнение.

Здесь слышишь, всем своим существом ощущаешь время, когда создавалась грозная для врагов революции ЧК…

В комнате чекистской славы Комитета госбезопасности республики бережно хранятся документы, боевые награды, именное оружие. Фотографии сохранили образы мужественных людей — чекистов, вставших на защиту молодой республики Советов на далекой северной окраине.

Какими они были, солдаты Дзержинского?

…На фоне бутафорских диковинных деревьев сфотографированы два бойца в потертых гимнастерках, в разбитых, не по росту больших сапогах. Совсем мальчишеские лица смотрят прямо в объектив. На обороте фотографии написано карандашом: «Два Ивана». Это сотрудники Якутгубчека Иван Новоселов и Иван Сумароков. Ровесники своего века, тогда им было по двадцать. Для Новоселова боевая жизнь в Якутии только начиналась — первые бои,, первые схватки с бандитами. Потом в его биографию войдут Монголия, Халхин-Гол, Великая Отечественная… Судьба его друга неизвестна.

…Весна 1922 года. Большая группа сотрудников ОГПУ снята у Красного знамени. В центре — Степан Аржаков. Взгляд у него сосредоточенный, усталый: он только что вернулся из Амги, где небольшой отряд красноармейцев выдержал почти четырехмесячную осаду. Аржаков возглавлял там особый отдел, руководил разведкой, был душой обороны Амги. Возвращение в Якутск с победой стало радостным событием для друзей-соратников, может быть, по этому случаю и сделана фотография.

Во втором ряду на ней — стройный светловолосый юноша. Черная косоворотка с длинным рядом белых пуговиц делает его больше похожим на гимназиста, чем на сотрудника ЧК. Это Владимир Антонович Константинов, о котором наш рассказ.

* * *

Осенью 1921 года обстановка на северо-восточной окраине

молодой Республики Советов осложнилась. Захват белыми Охотского побережья приободрил недругов Советской власти, приунывшие было контрреволюционеры всех мастей зашевелились, повылезали из своих нор.

По вечерам, за плотно закрытыми ставнями особняков, произносились тосты за скорейшее свержение власти народа. Подогретые хмельным, клялись очистить от большевиков Якутский край белогвардейские молодчики. В глубокой тайне контрреволюционная организация белых офицеров готовилась к бегству из города и захвату восточных районов Якутии.

По городу мутным потоком потекли слухи о «зверствах» коммунистов и чекистов, все громче были призывы к вооруженной борьбе… Обстановка становилась взрывоопасной: казалось, одной случайной искры достаточно, чтобы начался пожар. Время требовало действий, быстрых и эффективных.

4 октября губбюро РКП(б) приняло постановление:

> «…Предложить губревкому и губчека разработать и опубликовать приказ по беспощадной борьбе с элементами, сеющими смуту и ведущими контрреволюционную агитацию…»

Не спокойно было и в наслегах. Тревожные вести поступали из Намского улуса. В губчека еще с весны имелись сигналы о подозрительной возне кулаков, но вели они себя осторожно и сотрудникам никак не удавалось выявить их действительные намерения. Хорошо зная людей в округе, кулачье действовало хитро, расчетливо, посвящая в свои дела лишь надежных, проверенных. Это осложняло работу местных чекистов, и губернская ЧК решила оказать им практическую помощь.

…Жарким летним днем в Намцах появился молодой человек, которого интересовали продовольственные дела. Алексей Декселяхов так и представлялся при знакомстве: уполномоченный ревкома по продналогам. Жители замечали, что занимали его больше всего виды на урожай — до другого уполномоченному и дела не было.

Создав о себе такое мнение, Декселяхов, внештатный сотрудник губчека, мог успешнее выполнить другое задание, ради которого, собственно, и приехал. Имея некоторый опыт чекистской работы, он должен был из числа доверенных местного богача Ядрихинского подыскать человека, через которого можно было бы держать под контролем действия кулаков. Наиболее подходящей кандидатурой для этого казался бедняк Семен Аргунов, всю жизнь батрачивший на Ядрихинского и пользовавшийся, как было установлено, его доверием.

Декселяхова определили на жительство к Аргуновым. Веселый, общительный парень всем пришелся по душе. Когда вечером семья Аргуновых собиралась за ужином, квартирант охотно рассказывал о городских новостях, о неудавшейся попытке контрреволюционеров захватить власть. Весело подмигивая, он говорил:

— Скоро мы и с вашим кулачьем расправимся.

Хозяин дома, для которого главным образом предназначались эти вечерние беседы, в такие минуты хмурился и молчал. Намцы тогда были далекой «глубинкой», здесь лишь едва пробивались ростки новой жизни. Хотя Советская власть в улусе существовала больше года, кулаки были еще сильны и многие по-прежнему боялись их. Вот и Аргунов всю жизнь гнул спину на Ядрихинского, но оставался по-собачьи преданным ему. Надежда сделать Аргунова своим союзником и помощником вызывала сомнение.

Однако вскоре дело приняло неожиданный оборот. Городской парень особенно нравился сестре хозяина. «Хороший он, открытый, весь как на ладони», — думала девушка, глядя на Алексея, и всегда краснела, когда их взгляды встречались. С каждым днем она все больше проникалась доверием к этому человеку и какая-то смутная тревога охватывала ее. В один из дней, когда дома никого не было, предупредила Алексея:

— Ты парень хороший, но очень доверчивый и не знаешь нашего тойона, — так она по привычке звала Ядрихинского. — Если он что задумал, то обязательно сделает.

— Что же он задумал? — спросил Алексей, не выдавая тревоги.

— Разные ходят слухи, — девушка уклонилась от прямого ответа. — Только тебе со своими друзьями надо поберечься.

Чутье подсказывало чекисту, что сестра Аргунова знает много, надо было только суметь вызвать ее на откровенность. И такой разговор состоялся. Хорошо представляя себе затею кулаков и опасность, которая грозила улусу, она рассказала о тайных сборищах у Ядрихинского, назвала их участников.

Так у чекистов оказались сведения, раскрывающие состав действовавшей в улусе контрреволюционной организации, а главное, стало известно, что кулаки в ближайшие дни собираются перевезти из тайников оружие. Девушка сама слышала, как Ядрихинский говорил ее брату:

— Сейчас самое время покончить с комиссарами. Сам бог нам не простит, если мы не воспользуемся этой возможностью. Оружие спрятано у Большого озера, перевезешь его сюда, и так оно долго залежалось без дела.

Теперь надо было следить за каждым шагом кулаков, чекисты понимали это и ломали голову над тем, как изъять оружие. Было ясно: искать тайник у озера все равно, что искать иглу в стогу сена.

— Самое верное брать бандитов с поличным, когда повезут оружие, — предложил товарищам Владимир Константинов, самый молодой из намских чекистов, но хорошо знавший эти места и легко ориентировавшийся в обстановке.

Так и решили. Быть помощниками в операции вызвались бедняки Дмитрий Винокуров, Иван Лебедев, Тимофей Охлопков и Евсей Сивцев.

Все, кажется, было сделано: перекрыта дорога, взят под наблюдение ближний лес, но бандиты оказались изворотливее. Они обошли стороной дорогу — какая-то неведомая тропа увела их от приготовленной западни.

Положение осложнилось, опасность вооруженного выступления кулаков возросла: теперь в их руках были винтовки, пистолеты, гранаты. Чекисты понимали, что любое промедление дает врагу время лучше организовать силы.

Аресты проводили глубокой ночью. И хотя операция прошла успешно, недостаток сил не дал возможности провести задержание преступников одновременно. Воспользовавшись этим, часть бандитов успела скрыться. Удалось бежать и их главарю Ядрихинскому.

Были приняты срочные меры по розыску заговорщиков. Через несколько дней стало известно, что Ядрихинский скрывается в Тюбятском наслеге. Туда была направлена оперативная группа, которую возглавил Константинов. Несмотря на молодость, это был обстрелянный в схватках с бандитами боец, находчивый оперативный работник. Ему уже приходилось здесь гоняться за бандами конокрадов, и у него имелись надежные знакомые из местных жителей, на которых всегда мог положиться.

…Рано утром, когда еще не рассеялись сумерки уходящей ночи, проводник вывел отряд к одинокой юрте — здесь, по последним данным, скрывался Ядрихинский. Юрту окружала широкая ровная поляна с уже пожухлой от мороза травой, и только с одной стороны подступал лес, на опушке которого и залегла опергруппа. Было тихо, никаких звуков не доносилось из избушки. «Не удалось ли улизнуть бандиту?» Но стоило одному из бойцов неосторожно высунуться из кустов, как грохнул выстрел.

Ядрихинский знал, что его ищут, был начеку и здесь намеревался дать бой. На предложение сдаться — отвечал выстрелами. Оценив ситуацию, Константинов решил в одиночку

прорваться к юрте. Другого выхода он не видел: преступника следовало взять живым. Сумка, фляжка, карабин — все летит в кусты. С одним наганом — так легче маневрировать — он пытается преодолеть открытое пространство.

Намечен первый бугорок. Стремительный рывок и — камнем вниз. Сзади гремят выстрелы: это бойцы стреляют по крыше, чтобы отвлечь внимание бандита и в какой-то мере помешать ему вести прицельный огонь… Снова бросок, короткая передышка… Медленно тянутся минуты, бесконечно длинными кажутся метры в этой, похожей на игру со смертью схватке. Но вот и стена. Константинов перекладывает наган в левую руку, трет вспотевшую ладонь о галифе, и только сейчас до его сознания доходит мысль: почему же не стреляет бандит?.. Но раздумывать некогда. Махнув бойцам, рывком открывает дверь. Бандит лежит на нарах и в бессильной ярости сжимает в руке большой охотничий нож. Оказалось, что в винтовке заклинило патрон и поэтому он не мог стрелять.

Бесславно закончили свои блуждания по тайге и другие участники кулацкого заговора: одни нашли смерть в бою, другие сели на скамью подсудимых.

Советская власть гуманно отнеслась к заговорщикам. 18 ноября 1921 года их дело рассматривалось на заседании коллегии Якутгубчека. Шестеро наиболее активных участников заговорщической организации были приговорены к двум годам лишения свободы каждый, а одиннадцать остальных, слепо следовавших за кулаками, в том числе и Семен Аргунов, — к одному году лишения свободы. Далее в постановлении коллегии говорилось:

> «…Принимая во внимание амнистию по случаю 4-летней годовщины Октябрьской революции, первым шестерым срок наказания сократить наполовину. Остальных от наказания освободить…»

Много лет спустя, вспоминая свою боевую молодость, Владимир Антонович скажет:

— Ликвидация тайной кулацкой организации в Намском улусе была первым большим делом, в котором я принимал участие как оперативный работник. Но с ним у меня связаны и печальные воспоминания. Враги не забыли тех, кто помогал нам разоблачать заговор. В марте 1922 года, когда Намский улус оказался во власти бандитов, они схватили: Дмитрия Винокурова, Ивана Лебедева, Тимофея Охлопкова, Евсея Сивцева и жестоко замучили их… Это были мужественные ребята, такие не забываются…

В напряженной, опасной до риска работе по налаживанию нормальной деятельности органов молодой Советской власти, под свист бандитских пуль проходила молодость Константинова.

Шестнадцатилетним пареньком пришел Володя в партизанский отряд. С такими же лихими, как и сам, ребятами гонялся он в верховьях Лены за кулацкими бандами. Здесь получил первые уроки ненависти к врагу: увидел сожженные избы, растерзанные тела стариков и детей — так люто, по-зверски мстило кулачье и его прихвостни тем, кто вставал на сторону Советской власти. И чем изощреннее в своей злобной ненависти к новой жизни был враг, тем выше поднималось в бойцах партизанских отрядов чувство долга перед, народом и революцией. Как сталь в огне, в боях закалялись будущие чекисты, под крылом коммунистов росло, набирало силу молодое племя стражей революции.

Константинов был в числе первых чекистов Якутии, с гордостью называвших себя дзержинцами. Трудная судьба выпала на их долю, но они, дети рабочих и крестьян, были бесстрашны в борьбе с врагами и делали все для того, чтобы защитить революцию.

…В 1923 году над Якутской АССР нависла угроза пепеляевской авантюры. Под руководством партийной организации республики шла мобилизация боевых и политических сил края, способных сорвать планы белогвардейщины. Надежной силой в подготовке отпора контрреволюции были чекисты. В ОГПУ создается специальный отдел для ведения разведывательной работы в тылу противника. Заместителем начальника подразделения назначается Константинов. Задача стояла чрезвычайно ответственная и сложная: находясь в стане врага, добывать сведения о нем — о дислокации и численности войск, их боевом оснащении и состоянии. Эти разведывательные данные ждало командование Красной Армии.

Было выделено три главных направления, на которых повели работу бойцы невидимого фронта: Амгинское, где были сосредоточены главные силы Пепеляева, Мегино-Кангаласское — против частей генерала Ракитина и Борогонское, где оперировали банды Говорова.

Работа разведчиков осложнялась тем, что еще до прихода пепеляевцев бандитские главари «растворили» в массе местного населения своих людей, которые были их ушами и глазами: следили за передвижением красных отрядов, брали на заметку активистов Советской власти, распускали провокационные слухи. Иными словами, противник имел свою разведку и контрразведку.

Особенно в этом деле преуспевал Артемьев — главарь банды. Один из его агентов, некто Иванов, даже установил связь с пепеляевской разведкой, растянув таким образом фронт своей деятельности. Будучи арестованным, он на допросе 28 апреля 1923 года показал:

> «…Моей обязанностью была вербовка агентов для шпионажа и передача сведений Артемьеву. Еще я распространял воззвания среди населения о «терроре» красных, слухи о движении Пепеляева и его силах, вербовал добровольцев в отряд повстанцев… Когда отряд Курашова пришел в Сулгачи, я сообщил Артемьеву силы отряда и направление его движения…»[20]

Не трудно представить, в каких зачастую рискованных обстоятельствах оказывались чекисты, выполнявшие разведывательные задачи, в условиях малочисленного населения районов, где люди практически знали друг друга в лицо и появление каждого нового человека в поселке или улусе не могло остаться незамеченным. Сколько находчивости, изобретательности, отваги требовалось от тех, кто действовал в тылу противника, помогая готовить успех завтрашних наступлений отрядов Красной Армии. В этом многотрудном деле наши разведчики всегда находили надежных и верных помощников в среде бедняков, сердцем тянувшихся к своей народной власти. «Мы из ЧК» — эти доверительные слова звучали для них как пароль, и открывались двери батрацких юрт, светлели лица задавленных нуждой и белым террором простых людей.

«Силы и мужество в этой работе мы черпали в живом примере своих старших товарищей», — не раз говорил Владимир Антонович.

Большим счастьем для себя он считал знакомство и совместную, хотя и непродолжительную работу с Григорием Сыроежкиным — отважным чекистом, соратником Дзержинского. Они встретились в 1928 году в Верхоянске, где в то время работал Константинов.

> «…Сыроежкин приехал вечером 29 февраля 1923 года и предъявил мандат особоуполномоченного Коллегии ОГПУ Пузицкого, которым предписывалось выделить ему в помощь десять бойцов из Верхоянской добровольческой дружины… Высокий, энергичный, решительный, с поблескивавшими на груди орденом Боевого Красного Знамени и знаком «Почетный

сотрудник ОГПУ», он невольно вызывал к себе уважение», —

писал в воспоминаниях Владимир Антонович.

То время в Верхоянске было тревожным: по тайге рыскали бандиты, они терроризировали население, вели настоящую охоту за активистами местных органов власти. Забот у чекистов было много и приезд Сыроежкина оказался как нельзя кстати. Он помог разработать план по выявлению и захвату главарей банд и сам принял участие в этой рискованной операции. Под видом белого офицера появился в самом логове врага и во время затянувшейся попойки выведал у бандитов места нахождения главарей и тайников с оружием. Операция прошла успешно.

Короткое знакомство с Сыроежкиным оставило глубокий след в жизни Константинова и его товарищей. Они в полной мере испытали на себе влияние яркой личности этого умного, храброго, внимательного к людям человека.

«Для нас он был, как бы олицетворением всей замечательной плеяды соратников Феликса Эдмундовича Дзержинского», — говорил Константинов. Общение с такими людьми, по признанию Владимира Антоновича, давало тот заряд сил и уверенности, который помогал успешно преодолевать трудности, встречавшиеся на долгом пути службы в органах госбезопасности. А это был ратный путь бойца, отмеченный высокими наградами Родины — орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды. Была среди наград еще одна, очень дорогая и памятная. В постановлении ЯЦИКа от 30 декабря 1930 года говорилось, что Константинов Владимир Антонович награждается именным пистолетом «…за преданность пролетарской революции…»

В этой четкой, емкой формулировке выражена суть ратных и трудовых дел чекиста Константинова. Этим критерием выверял он каждый шаг на своем жизненном пути.

* * *

…Стоит в селе Жиганске, на высоком ленском берегу, старинный деревянный домик. Здесь последние годы жил Владимир Антонович Константинов. Тихими летними вечерами любовался он неоглядной ширью великой реки, проплывающими мимо караванами судов, уходящей за горизонт тайгой, и его старое больное сердце наполняло чувство исполненного долга перед этим привольным богатым краем, перед людьми, которых

он любил, за счастье которых боролся.

1984 г.

К. Федотова
ТРОПЫ ПАРТИЗАНСКИЕ

Отряд держал путь на Сунтар. Поселок был захвачен бандой Павлова, насчитывающей около двухсот человек. Дружинников было куда меньше. Но силы красных росли от наслега к наслегу: в отряд вливались добровольческие дружины.

Неподалеку от Эльгяя заметили двух всадников. На ветру развевались необычайно длинные полы их странной одежды.

— Семенов, смотри, никак бабы едут, — крикнул один из дружинников шеинскому учителю, присоединившемуся в числе других коммунистов к вилюйскому отряду.

— Не болтай, откуда тут быть женщинам, — возразил учитель.

Дружинники окружили верховых, с интересом разглядывая их чудной наряд: многие впервые видели людей в шинелях. Всадники оказались красноармейцами отряда Пястолова, уже успевшего занять Сунтар.

Это был взвод чекистов из 33-й роты ГПУ, пришедшей из Олекминска. Он имел задание командования объединить добровольческие дружины в Сунтаре, Нюрбе, Верхневилюйске и оказать помощь осажденному Вилюйску.

Партизаны стали расспрашивать о силах бандитов.

— Да трусы ваши бандиты, — отвечали красноармейцы, — только наша «бабушка» закашляет — бегут, как зайцы.

«Бабушкой» они любовно называли свой пулемет.

В поселке командование решило часть подошедших дружинников направить в разведку: они лучше знали местность. Командиры Кириллов и Михалев выделили семнадцать человек, в числе которых оказался и учитель Иннокентий Сафронович Семенов.

Едва разведчики вышли из Сунтара, как наткнулись на свежие следы от широких лыж. Видно, противник отходил, оставляя засады. Километров через пять, около одинокой юрты разведчики заметили двух оседланных лошадей. Седоков не было видно. Женщины оказали, что белые разыскивают охотника по прозвищу Буолто. Партизанам было знакомо имя этого человека. Он не раз оказывал им помощь. И если враги напали на его след, то от них пощады не жди. Надо было срочно выручать товарища.

Семенов и четверо всадников рысью пустились к соседнему аласу. Хозяин, завидев их, сокрушенно покачал головой: «Поздно прибыли».

На обратном пути нарвались на засаду. Трое дружинников были убиты. Отстреливаясь, учитель с трудом добрался до своих…

Опасаясь за Вилюйск, окруженный бандой Канина, Пястолов решил оставить Сунтар и двинулся на выручку города.

В Нюрбе красные нашли большие запасы пушнины, продовольствия, которое предназначалось для бодайбинских приисков, но не было вывезено из-за тревожной обстановки в крае. Нельзя было допустить, чтобы это богатство досталось противнику. Решено было оставить здесь небольшой отряд, а основными силами двинуться дальше — на Вилюйск…

Командование нюрбинского отряда понимало всю опасность положения и с первых же дней приняло меры по укреплению обороны. Вместе с жителями красноармейцы рыли окопы, ходы сообщения, сооружали завалы.

Доходили слухи, что в районе Сунтара Павлов продолжает накапливать силы. Разграбив государственные магазины, он каждому «добровольцу» отпускал пять аршин ситца, кирпич чая и фунт табака.

Кому-то надо было побывать в расположении противника, разведать его истинные силы.

И снова выбор пал на Семенова: знал русский язык и был родом из тех мест.

Вместе с сопровождающим он ехал двое суток почти без передышки. Дорогу часто преграждали водные потоки: весна делала свое дело. Но учитель торопился, надеясь добыть кое-какие сведения у знакомого старика. На исходе второго дня добрался до его аласа.

В юрте оказались старуха и двое мальчишек. Одного из них Семенов попросил сбегать за хозяином: он сеял ячмень.

— Ну как, — спрашивает Семенов у старухи, — есть в ваших краях «братья»? (Так тогда себя бандиты называли).

— Нет, у нас все тихо. Мы ничего не знаем.

Хозяйка оказалась на редкость несловоохотливая, на все вопросы отвечала односложно, нехотя.

Время шло. Пора бы прийти старику и мальчишке. Семенов вышел во двор. За ним мышонком выскользнул второй мальчуган.

— Слушай, дядя, — озираясь, зашептал парнишка, — тут полно бандитов! Сегодня у нас были!

И как бы в подтверждение слов мальчика со стороны леса донеслись голоса.

Дальнейшие события развивались так.

— Размышлять было некогда, — вспоминает Иннокентий Сафронович. — Бросаюсь в лес, залегаю за корягой. Вижу, на

конях промчались двое. Они, видно, решили, что я подался в сторону реки.

Возвращаться в юрту было опасно. Услышал вдали удары топора, осторожно пробираюсь на звуки.

— А, учитель, — радушно встретил хозяин.

Завожу разговор о «братьях».

— Погоди, скоро придет Митя, от него все узнаешь.

Митя был своим человеком и возможность встретиться с ним меня обрадовала.

Он рассказал о силах неприятеля все, что знал. А потом, услыхав, где я был, ахнул:

— Вовремя утек от старухи! У нее сын подался к бандитам…

Добыв нужные сведения, я уже думал собираться в дорогу, но почувствовал страшную усталость. Разговор собеседников доходил до меня какими-то обрывками фраз. Я силился понять их смысл, но в глазах мерещился то всадник на моей белой лошади, то злая старуха, которая таскала за вихры юркого мальчонку.

— Э, дорогой, да ты спишь, — тряс меня за руку хозяин.

Находиться в юрте небезопасно и меня решили проводить к соседу. У того стоял на отшибе амбар, в котором можно было передохнуть.

Разбудила меня какая-то подозрительная возня за стеной. Сон как рукой сняло. Присмотрелся через щели — бандиты. «Ну нет, — думаю, — живым не дамся!» Начинаю через щели отстреливаться…

Очухались враги, когда я перебежал через алас, скрылся в соседнем ельнике. Пробираюсь к реке. На другом берегу вижу кулацкую усадьбу. Знакомые места. Надо бы бедняка знакомого разыскать. Только подумал — везет! — тот сам навстречу.

— «Ветку» бы, — говорю, — хоть какую-нибудь.

— Счастливый ты… Вон сын князя сеять пошел, а лодка в кустах…

Отвязываю большую, человека на четыре, лодку, хватаю какие-то палки (весла искать уже некогда) и выгребаю на середину реки. Только перевел дыхание, как с берега донеслись крики и тут же рядом с лодкой стали выплескиваться фонтанчики. Недолет… Еще раз недолет. А вот пуля просвистела мимо… Значит, у бандитов не только дробовики. Тут я вскидываю неестественно руки, валюсь на дно лодки и отдаюсь во власть течения. Маневр удался. Белые сочли меня убитым и догонять не стали…

Однажды, уже будучи начальником штаба, Иннокентий Сафронович с несколькими партизанами наблюдал с колокольни за противником. Из-за деревьев показался большой отряд.

Партизаны приготовились к бою. Но, пройдя примерно с полкилометра, отряд повернул назад и скрылся в лесу… Странные были маневры. Позднее партизаны узнали, что командир бандитов, Павлов, собирал мужиков соседних наслегов, вооружал их кольями и палками и гонял строем для устрашения партизан…

Вскоре банды начали обстрел Нюрбы. Вот тут и пригодились тщательно вырытые окопы, в которых залегли дружинники.

Все мирное население Нюрбы, зная, что боев не миновать, заблаговременно расселилось по ближайшим деревням. Только одна смелая девушка, которую звали Таней, бесстрашно доставляла бойцам еду. Под градом пуль она пробиралась в окопы то с ведром похлебки, то с грудой оладьев.

Семьи многих партизан находились в деревне Антоновке, верстах двух от Нюрбы. Там оставалась и семья командира отряда Василия Ивановича Наумова. С ним были только сыновья Гурий и Александр.

На шестой день осады пришла из Антоновки сестра одного из партизан Таюрская. Она была послана бандитами с ультиматумом: партизанам предлагалось сдаться. Подпись под текстом гласила: главнокомандующий белогвардейскими отрядами Петр Трофимович Павлов. Ниже шли подписи командиров отрядов.

Ультиматум давал два часа на размышление. Но не прошло и этого срока, как Павлов первым возобновил стрельбу…

К вечеру на другом берегу Вилюя партизаны услышали выстрелы. Вовремя пришла подмога! Это был отряд чекистов под командованием Пястолова.

Банде новоявленного «главнокомандующего» пришлось несолоно хлебавши отступить в сторону Сунтара…

Так горстка смельчаков в сорок пять человек сумела сдержать противника, раз в пять-шесть превосходящего по силам.

Высоко оценил оборонительные действия партизан герой гражданской войны в Якутии И. Я. Строд.

> «Добровольческая дружина в Нюрбе, — писал он, — плохо вооруженная, но сильная духом, в течение пяти дней выдержала натиск белых».

Долгие годы Иннокентий Сафронович был председателем исполкомов Вилюйского, позже — Мегино-Кангаласского, Горного, Булунского районных Советов депутатов трудящихся, возглавлял клуб революционной и трудовой славы в Вилюйске.

1967 г.

В. Бухалов
КОЛЬЦО

Три не раскрывшие своей тайны буквы, пущенные рукой умелого гравера по ободку широкого золотого кольца, нет-нет да и всплывают перед глазами.

«Почему при встрече подследственный, нет, теперь уже осужденный, машинально перекручивал кольцо так, чтобы буквы не были видны? Может быть, в процессе этого долгого и напряженного разбирательства я стал чересчур подозрительным ко всяким деталям, мелочам? — размышлял следователь. — Но это пройдет, это должно пройти, угаснуть. Я утомился. Да, видно, устал… Отдохнуть, забыть все. Ведь как будто точки над «и» расставлены — группа бандитов понесла наказание за преступления, совершенные четверть века назад».

Следователь перевернул листки настольного календаря — двадцать семь дней тянулось расследование… На одном из них следователь нарисовал по памяти портрет владельца кольца, выделив характерные черты: скуластость, крутой помятый подбородок, узкие, обметанные морщинами потухшие глаза, слегка раздутые ноздри широкого и короткого носа. Привычка делать такие наброски осталась с первого самостоятельного расследования. Теперь набралось их много.

«Б. В. П…» А тот с кольцом — Захаров Иван Дмитриевич по прозвищу Хорохойдя… Общего мало…

Следователь с наслаждением подставил свою русую, с глубокими залысинами голову под холодную воду из ковша. Он считал, что это помогает приводить мысли в порядок…

В эту минуту он и решил: с владельцем кольца надо встретиться еще раз. Обязательно… Нельзя свои вопросы оставлять без ответа…

* * *

На площадь, обнесенную невысоким частоколом, насильно согнали почти весь улус.

Сбившись в круг, народ испуганно таращил глаза на цепочку людей в мундирах. Они шли по тропинке от дома, подталкивая впереди себя человека. Остановились неподалеку от толпы, развернулись веером, вытолкнули на свободное пространство полуживого, почти голого, в кровавых ссадинах мужчину. Толпа

откачнулась, признав своего земляка Эверстова.

— Хамначиты! — обратился к народу ротмистр Румянцев. — У меня нет времени, чтобы толковать подробно. Вы меня и без того знаете как верного слугу отечества. Я беспощадно наказываю тех, кто идет против него!

Румянцев сделал шаг вперед. Толпа, словно камыш на ветру, качнулась назад. Отрядники предусмотрительно передернули затворы заиндевевших винчестеров. Румянцев оглянулся на солдат, коротко обронил:

— Не к чему это, ребятки!

Ротмистр ходил по узкому людскому коридору, и в тишине методично разносился хруст снега.

— Вот ты говоришь: белые — враги народа! Смешать их с землей надо! — Румянцев остановился подле Эверстова. — А ведь эти белые вели себя скромно, на хамначитов сильно не нажимали, брали провиант лишь тогда, когда в этом была крайняя нужда. Может, не так? Может, белые придумали разверстку, обложения, бумажные деньги, которыми рассчитываются с вами красные? — он хохотнул. — Они только и пригодны на то, чтобы справить нужду!

Улусные хранили молчание.

— Хорошо! Мне можете не верить, — Румянцев поднял воротник полушубка, передернул плечами.

— Но послушайте своего земляка Кыйчыкы, вернувшегося из Якутска.

Из-за спины отрядника выкатился коренастый владелец двух стад оленей.

— Большевики отобрали у меня добро, нажитое хребтом, — начал он. — Они расстреливают в Якутске наших братьев-якутов, и потому я буду против них! И всегда буду! Они установили свою власть и думают, что так и надо. Дудки! Теперь сверху нажимает Америка, а снизу придет на помощь Япония. И разбегутся большевики! И ничего от них не останется! Нам, улусным, надо держаться нашей власти!..

Под босыми ногами Эверстова колкий снег уже не таял. И все тело не чувствовало мороза. Клонило в сон, в голове хаотично мелькали картины короткого ночного боя.

«Предупредить бы опергруппу Белянкина… Но как?!» Эверстов поднял тяжелые веки и сквозь смерзшиеся ресницы, словно сквозь решетку, посмотрел на земляков.

— По крови он ваш брат, — это снова держал речь Румянцев. Он резко повернулся к Эверстову. — Но и среди кровных есть предатели. За хороший куш этот большевик продал вас красным. Мои ребята взяли у него воз пушнины и взрывчатки. Куда он гнал

его? Пушнину, конечно, себе, а взрывчатку Советам! Пусть же божья кара падет на голову предателя! — заключил ротмистр и, повернувшись к строю, обронил:

— Кончайте.

Размотав кнуты, два рослых якута подскочили к Эверстову.

— Бей красных, чтобы побелели! — крикнул один из них, и кнут, рассекая воздух, обвил грудь Эверстова…

Кнут распарывал морозный воздух до тех пор, пока обессилевший, исхлестанный в кровь Эверстов не упал, словно срубленное дерево. В жутком безмолвии, падая на снег, он, собрав последние силы, крикнул: «Да здравствует Советская власть!»

Голос был слаб, но услышали его все.

* * *

Угомонились уставшие за день олени, затихла предсонная возня в юртах…

Во вместительной юрте, обшитой оленьими шкурами, скучились у камелька пятеро тойонов. Трепещущее пламя плясало на потных лицах, сверкало в злых глазах.

— Есть занятие для наших, — перебирая толстыми пальцами нитку бус, произнес ламутский голова, хозяин юрты. — На мою тропку завтра выйдут чекисты. Возвращаются с рудника Эндыбал. Доносят, хороший товар везут…

— Не темни, говори сразу, какой товар! — оборвал хозяина Букан, организатор общины «Сестричество». — Чего ради по тайге шастать?

— Несдержанность твоя, Букан, погубила общину, — возразил ламут. — В обозе есть пушнина, наш товар. Имеется и динамит, но это для военных.

— Видно, худо комиссарам в Якутске, если наладили отряд динамит искать за восемьсот километров, — прищурив узкие глаза и поглаживая редкую бороденку, вымолвил степенно чукотский голова и добавил уверенно: — Загибнут где-нибудь!

— Не хорони раньше времени, — зло пробурчал Букан. — Твои мертвецы воскресли почему-то и отняли у тебя оленей! А тоже считал, что покончено с ними.

— Не бери так круто, — набычился чукча.

— Довольно! Не время разлад городить, — прервал перепалку ламут. — Дело слушай… Чекисты с подводами пойдут по озерной дороге к отрогу горы Лисий хвост — другого пути, более короткого, у них нет. Перещелкать их сверху будет просто.

Стрелять еще не разучились?

— Сколько их? — подал голос молчавший до сих пор Степанов, хозяин рудника.

— На каждого по одному хватит, — ответил ламут.

— Я к тому говорю, чтоб ярмарку не устраивать, — продолжал Степанов, — чтоб наша голытьба чего не разнюхала да по фактории не разнесла… А то еще и бучу загодя поднимут.

— Наши хамначиты, слава богу, тихие, — с укором заметил поп Иннокентий.

— Не торопись, святая душа, — Степанов поднялся, прошелся по юрте, разминая затекшие ноги. — Я так же думал — до тех пор, пока не потерял свои рудники. Приехал комиссар с бабой из Якутска и в два счета взбудоражил рабочих, казалось, тихих да покорных… Теперь я здесь… Свидеться бы с тем комиссаром, живым бы сожрал!

— Степанов дельно говорит, — ламут сунул бусы за пазуху. — Не песцов идем ловить… Сумели чекисты в один край пройти, не погибли. И посты наши их проморгали… Но теперь деваться им некуда. Проводниками у них поедут наши люди. Чтобы в горячке проводников не подстрелить — они будут на белых оленях.

— Дело придумали! — поддержал Букан. — Умный ты!

* * *

Поселок рудника. Махорочный терпкий дым витал в избенке, утонувшей по самые окна в земле. Здесь разместилась оперативная группа чекистов. А гостями их были рудничные рабочие, пастухи, охотники.

Шутка ли, пройти восемьсот таежных верст зимой?! Миновать кордоны белых, обмануть бандитских прихлебателей и появиться здесь, во владениях новоявленного хозяина края полковника Бочкарева… Любопытство разбирало собравшихся.

Чекисты сидели за столом, на котором металось пламя жировки. Темно-русый, с овальным лицом — на нем выделялись смелые глаза — особо привлекал внимание: этого уже знали. В прошлом году, когда рудник еще работал, появился вдруг комиссар Василий Белянкин, русский по виду и привычкам человек, с женой — молодой остроглазой якуткой, добродушной хохотуньей. Несерьезно восприняли тогда рабочие затею Якутска, уполномочившего супружескую пару отобрать рудник у хозяина!

Не сразу пришел этот Белянкин к рабочим. Присматривался к людям. На охоту ходил вместе, в игрищах участвовал. А потом

заявился безоружным и как со старыми знакомыми начал толковать, как говорится, за жизнь. Доподлинные слова его, наверное, забыли, но все помнят: говорил убедительно.

Тенью метался за уполномоченным хозяин рудника Степанов: искал случай расплатиться с комиссаром, но рабочие не дали ему совершить зло. По нраву пришелся им Василий, покорил простотой, смелостью. Кровопийце Степанову заявил: «Почему рабочие должны жить плохо, если могут жить лучше!»

По первой оттепели Белянкин тронулся в Якутск — новые дела назад позвали…

— Говорят, будто японские и китайские войска на Лену вышли и атаман Семенов двигается на Якутск, — раздался голос из темного угла. — Разъясни, ты человек знающий.

— Вранье это, но не скрою, товарищи, настоящий политический момент сложный, — Василий пятерней провел по волосам. — Но что касается ответа по существу, так это бессмысленная авантюра антисоветских элементов, которая разносится обывателями по улусам, и некоторые неустойчивые люди клюют на гнилую приманку, больше того — создают банды, грабят своего же соседа.

— Это я понимаю, но вот вопрос все же имеется… — От двери к столу прошел высокий рабочий. — Интересен ли Советской власти я, Петр Христофоров? Или пусть он, Петр Христофоров, загинается, как олений рог?

— О себе чего речь повел? — зашумела, заволновалась избенка.

— Пущай капсекает.

— Что ты — Колчак или какая другая знаменитость, время чтобы на тебя убивать?

— Рабочий я! — распалялся Петр. — Советская власть — есть власть рабочих. И еще крестьян. А раз такое дело, значит, ей интересен и я, как я есть рабочий. Так я понимаю?

— Продолжай!

— Тогда на какой хрен хозяина рудника скинули?! Шахты закрыли! У меня дома три рта… Чем их кормить? Получается: неинтересен я Советской: власти?

— Ну ты погоди выводы-то выводить, — Белянкин хлопнул шапкой о стол, поднялся. — Понимаю, тяжело, трудно. Но это, товарищи, временный политический момент. И тут ты хоть и рабочий, а темнишь. Скатываешься на мелкособственнические тенденции.

— Чего там, своя рубаха, она, конечно, ближе к телу, — зашумели в избе. Лепесток пламени закачался, чадя и постреливая.

— Но всю жизнь за свои хомуты тоже нельзя трястись! — крикнул другой.

— Потерпите чуток, товарищи, работа будет налажена, и хлеб будет, — произнес твердо Белянкин. — Разобьем белую нечисть, все наладится!

— Правильно, комиссар…

* * *

— Белянкин Василий… Как же это кольцо попало к вам? — следователь, скрывая волнение, нажал локтями на стол так, что тот заскрипел.

А старого бандита воспоминание, видно, всколыхнуло, он оживился…

— Смотрю я тогда на Белянкина, а у самого сердце зашлось. И как спокойным быть? Белянкин-то чекист, как две капли воды, похож на одного офицерика, который был в банде Румянцева два года назад… Как две капли воды!. Больно гордился им ротмистр. Толковый, мол, офицер, таких поискать… Только чудак он был маленько, любимчик Румянцева. Сделал шпоры, нацепил железки на сапожки и звенел ходил… Смеялись мы потихоньку за это. И другое помню. Как появился этот со шпорами, стали наши чаще попадать в засады. Захваченные нарочные из Якутска утекли из домзака. В западной тундре, в тылу Бочкарева, среди населения нелады начались. Помню, помню… Шпоры-то эти он на радиостанции мастерил! Однако их благородию доверия больше стало: предложил Румянцеву обучать наших местных военному делу. А там, глядим, и ротмистра нашего не узнать: сам в мундире, где-то кресты, медали раздобыл. На отрядников старую казацкую форму напялил, заставлял ходить в ногу, отдавать честь и говорить: «Здравия желаю»! Так было.

После их благородие как в воду канул. Сколько ни искали, толку нету. А на радиостанции, на верстаке, шпоры его нашли. И все. Вот те и их благородие!..

* * *

Далеко просматривались окрестности с горы, где одиноко стоял заброшенный домишко. Для засады место — лучше не придумаешь. У окна, наполовину забитого досками, торчал Савва Горохов. Посматривал на извилистую дорогу, проложенную по льду озера Билиллях. В окно задувало, и Савва, чтобы согреться,

то и дело ожесточенно потирал руки, хлопал себя по коленям.

Поодаль, на лавочке у печки, полулежал Румянцев, задумчивый и хмурый. Напротив него кулаки вместе с ламутским головой тянули спирт. Четверо в дальнем углу резались в карты. Остальные, человек пятнадцать, дремали кто где.

— А если все-таки свернут с дороги? — приподнял голову Румянцев. — Канут в тайге… В Якутск пройдут.

— Не пройдут, начальник, — возразил один из кулаков. — Наши люди выведут их.

— Поглядим потом, что это за «наши»! — оборвал его Румянцев и, запахнувшись в полушубок, шагнул за порог.

* * *

Короткий день уходил, натягивая на всю округу холодный сумрак. Первые звездочки проклюнулись в вышине…

На просторный заснеженный алас из чернеющей полосы леса выскользнули шесть легких нарт.

— Алас пройдем, отдыхать надо. Оленей кормить будем, сами чай кушать, — крикнул весело Белянкину проводник Колесов. — Здесь последний дом, потом до самого Якутска не будет хорошей крыши.

Олени, почуяв жилье, прибавили ходу.

— Ребята, подтянись! — обернувшись на санный поезд, арканом извивающий по аласу, крикнул Белянкин, и крик его захлестнул раздавшийся внезапно стройный оружейный залп. Кто-то сзади вскрикнул и разразился матом.

Василий оглянулся…

Два оленя, встреченные пулями, бились в предсмертных конвульсиях. На третьей нарте, поперек ее, лежал навзничь Петр Рогожин. Руки его безжизненно повисли, из обнаженной головы тонкой струйкой сочилась кровь на синий снег.

Обоз смешался, остановился. Стрельба прекратилась. В голове у Василия тесно лихорадочным мыслям. «Принять оборону?.. На таком морозе не продержишься долго. А стреляли не менее чем из десятка ружей — звук густой». Прикинул, сколько до кромки леса, откуда выехали, и закричал:

— Разворачивай! — ухватившись за рога, рванул животное на обочину. Тотчас над тайгой прокатился хлесткий звук, ударил по ушам.

— Гони! — кричал Белянкин.

С макушки высотки посыпались, как шишки с дерева, черные фигурки. Стремясь настигнуть обоз, не дать ему втянуться в лес,

на дорогу выскочило несколько верховых.

— Гони!

Белянкин бежал рядом с нартой.

Спасительная полоса тайги приближалась, будто спешила на помощь. Вот он уже достиг ее, но вдруг олень начал падать. Василий отскочить не успел — олень рухнул на него. Белянкин выругался, с трудом вытащил ногу из-под туши оленя. Прислушался…

«Не уйти нам, если не задержать конников», — промелькнуло в голове. Василий сдернул брезентовый чехол с шошовского пулемета, заправив ленту, крикнул Проне Данилову:

— На второй версте неприметный сворот! По нему обойдете засаду. Я догоню!..

В лес на полном ходу влетели всадники, нарушая дикими криками тишину. Василий не спеша прочертил стучащим пулеметом черту, пропуская через рамку прицела прыгающие фигурки. Лошади, словно наткнувшись на невидимую преграду, вздернули храпящие морды, раздираемые натянутыми уздами, поднялись на дыбы…

Пулемет метнул уже вдогонку всадникам раскаленные пули и затих. Василий скинул рукавицы и, обхватив кожух пулемета, отогрел закоченевшие пальцы. Белые молчали.

«Нет, так они не уйдут. Обложат, как медведя, и отведут душу», — подумал он. Натянул рукавицы и достал из-под ящиков бухточку бикфордова шнура. Один конец протянул к детонатору, спрятанному в центре нарт, между ящиками со взрывчаткой. Другой, свободный, в несколько метров, Василий, чтобы не потерять в сгущающейся темноте, закрепил за пояс. Затем вставил новую ленту в магазин, нажал на спуск. И оторвался от пулемета, когда тот, проглотив ленту, затих. Василий откатился от нарты, сдернул с пояса шнур и, бросив его позади саней, запалил. Едва приметный огонек живо бежал, казалось, по снегу. Василий подхватил винчестер и, пригнувшись, побежал по дороге. Неожиданно что-то толкнуло его в левую ключицу, будто на острый сук напоролся. Рука повисла плетью. Отбежав от нарты на добрую сотню метров, Белянкин резко свернул с дороги и пошел снежной целиной в глубь тайги. Его расчет строился на выигрыше времени. После взрыва белые, если и наладят погоню, то только за обозом, а тот теперь далеко ушел…

Тяжело дыша, Василий продирался сквозь заснеженный кустарник, ветки его легко, со звоном, ломались. Сдерживал движение глубокий снег — сухо, как песок, сыпался за голенища торбасов и таял, обволакивая влагой ноги. Ныло раненое плечо, и вся рука начала гореть. Белянкин торопился: надеялся встретить

на дальней обходной дороге свой обоз. Гулко, будто летний гром, прокатился над тайгой взрыв. Вздрогнувшие деревья осыпали снегом идущего в лунном свете человека.

* * *

Пастух Афоня Кривошапкин поднялся рано. Надумал съездить на дальний выпас к брату за новыми нартами. Привычно наладил упряжку, бросил в нарты узелок с провиантом и, кликнув собаку, тронулся в дорогу. Не успел отъехать от своей юрты, как наткнулся на человека. Остановился. Поправил нож на поясе и, склонившись над лежащим, приподнял ему голову.

Человек зашевелился, открыл глаза и выдохнул чуть слышно:

— Помогите…

Афоня, огорченно цокая языком, уложил незнакомца на нарты и, сопровождаемый собачьим лаем, повернул назад.

— Интересно совсем, какого гостя я к себе привел, а? — спросил Афоня, когда человек немного отогрелся у живого камелька.

— Своего привел, товарищ, — ответил хрипло незнакомец.

— Так, так, — Афоня ловко выхватил из камелька жаркий уголек, положил его в трубку и вышел наружу.

Сел на снег у входа. Прищуренные глаза смотрели куда-то далеко в одну точку. Вот по морщинистому лицу с редкими кустиками волос на щеках прошла легкая судорога, и Афоня, резко поднявшись, осторожно вошел в юрту. Незнакомец спал. Афоня постоял немного над ним и тихо вышел. Вскоре его быстрая упряжка растаяла за серым горизонтом.

Разбудило Белянкина тяжелое предчувствие. Он с трудом разлепил веки, приподнялся. Юрта была пуста.

«Непростительно долго спал», — подумал Василий и вытащил из-под полушубка наган, крутнул барабан. Шесть патронов… И нетронутый магазин в винчестере.

Где же пастух? Рука теперь горела сильнее, опухшему плечу тесно под гимнастеркой.

Совсем рядом он услышал веселый лай, скрип нарт. Василий вскочил, рванулся к выходу и лицом к лицу столкнулся с Афоней. Рука незнакомца легла на рукоятку нагана.

— Эй, эй, эй, — пастух стряхнул снег с унтов, прошел на середину юрты. — Осторожный ты человек, товарищ.

Снова откинулась шкура, прикрывающая вход, и в юрту скользнул тщедушного вида якут.

— Брат мой, Федот, — сказал Афоня. — Вот к нему и поехал

я утром, да ты неожиданно поперек моего пути лег. На беду ли, на счастье — никому не известно.

— Человек ты в наших краях новый, — заметил Федот и прошаркал торбасами в дальнюю от Василия сторону юрты. — Потому сдать тебя надо нашей власти.

— Какая же тут власть? — спросил Василий.

— Какая нам по душе… Да ты ее сейчас сам увидишь, — пообещал Федот. — Погоди немножко!

— Погожу, чего же, — спокойно произнес Василий. По надменным интонациям в голосе Федота он догадался, что попал впросак.

— Покурить-то можно? — обратился он к Афоне и, когда тот полез в карман за табаком, выхватил наган.

— А ну-ка, братишки, давай в кучу, — Василий продвинулся к выходу. «На дворе нарты… Ищи потом ветра в поле…»

Афоня поднялся с орона и подошел к ухмыляющемуся Федоту.

— Вот так! Покурите, а я до ветра схожу. — Держа на прицеле братьев, Василий попятился за полог и тут же почувствовал тупой удар по голове. Теряя сознание, он неуклюже осел на снег…

…Сознание медленно возвращалось к нему. Василий открыл глаза, обвел взглядом знакомую юрту и сник. Свет жировки золотился на погонах военного, устроившегося напротив Белянкина. Чуть в стороне, поджав под себя ноги, сидел якут, его лицо показалось Василию знакомым. Присмотрелся. Так это же проводник! Тот самый, что при первых выстрелах метнулся с нарт и исчез.

— «Предъявитель сего сотрудник ЧК Белянкин Василий, — читал офицер удостоверение, — командируется, на свинцовые рудники горного предприятия Степанова для выполнения возложенного на него поручения», — офицер отложил бумагу… Да…!

— Вот это птица! — воскликнул кто-то.

— После такого свиданьица на тот свет с превеликим удовольствием отойти можно, — Румянцев остекленевшими глазами смотрел на Белянкина, он узнал в нем бывшего своего приближенного. — Нет, все-таки бог есть на этом свете, и отныне я буду молиться всю жизнь. — Ротмистр расправил удостоверение Белянкина. — Товарищ сотрудник ЧК… В детстве я увлекался нумизматикой. Теперь коллекционирую такие бумажки… Вот еще одно удостоверение личности Эверстова, старшего милиционера, члена ВКП(б)…

«Хороший парень был, жаль».

— Куда ушел обоз, красная гнида?! — заорал Румянцев. —

Говори!

— Господин Румянцев, чего с ним беседы ведете, отдайте его мне. Мой он, — раздался чей-то голос из полутьмы.

— Вот если не ответит на мой вопрос, тогда…

— Да я наперед знаю, не ответит, это же чекист. Дай рассчитаться с ним за рудники мои, — канючил Степанов.

— Шкура ты, Степанов. Только и печешься о руднике. А кто о России думать будет? — Румянцев повернулся к Белянкину. — По какой дороге ушел обоз?

«Спрашиваешь, значит, след потерял», — обрадовался Василий, и легко стало на душе. Он улыбнулся:

— Ограниченный ты человек, Румянцев, если не веришь Степанову. Ведь и вправду ничего не скажу.

— Я интеллигентный человек, не стану марать об тебя руки при этом грязном стаде… Степанов, забирай! Он твой.

Белянкина вытолкнули из юрты, отвели по снегу к одинокому кустику. Холодный ветер остудил горячее лицо Василия, пылающую огнем руку, ворошил русые волосы.

Прямо перед ним, метрах в десяти, застыл неровный строй бандитов. Схваченные изморозью стволы нащупывали его фигуру. Василий глядел не на эти стволы, а куда-то поверх голов бандитов. Желтовато-красное солнце наплывало над горизонтом…

— Погодите, — вопил Степанов. — Сначала я всажу в него пулю! Я…

Залпа не слышал, только вдруг ослабели ноги и он упал. Конец. Но сердце стучало, глаза видели. Видели, как надвигался на него Степанов. Василий силился подняться навстречу врагу, но страшный удар опрокинул его… Потом били еще, еще…

Степанов нагнулся над коченеющим, стащил с пальца правой руки Белянкина золотое широкое кольцо с тремя буквами и скорым шагом, не оглядываясь, поспешил вслед за отрядниками к юрте.

* * *

— А кольцо… — Захаров снял его с пальца, — оно попало ко мне уже через третьи руки. За него я отдал белого оленя. Торговец-то и поведал мне тогда, как все было…

* * *

Той зимой пошел Белянкину двадцать третий год… В девятнадцать лет он командовал кавалерийским взводом, потом стал политкомиссаром, чекистом.

Он любил Якутию и ее народ, за его счастье он отдал свою жизнь.

1973 г.

А. Мельников
СХВАТКА В ВИЛЮЙЧАНСКОЙ ТАЙГЕ

Всю свою жизнь Василий Степанович Седалищев посвятил защите интересов советских людей. Какую бы он ни выполнял работу, кем бы он ни был — рядовым бойцом, милиционером, чекистам — всегда и везде без остатка отдавал себя делу борьбы с врагами социалистического государства.

Родился он в семье крестьянина-якута на берегах Вилюя. И как только эхо Октября докатилось до Якутии, сразу встал в ряды защитников революции. В 1918 году Седалищев вступил в красный отряд бодайбинских рабочих и под Усть-Кутом в жестоком бою с колчаковскими карателями принял боевое крещение…

Затем служба на границе с Маньчжурией, погони за остатками семеновских и унгерновских банд в степях Забайкалья и Монголии. С 1923 года он в Якутии участвует в ликвидации белобандитских и кулацких вылазок. Многое случалось за время службы: и трудные переходы, неравные схватки с противником, и опасные операции по захвату бандитских главарей. Но особенно запомнилась эта…

В январе 1930 года Седалищев получил ответственное задание. Надо было разыскать и захватить в Садынском районе одного из главарей кулацкой банды по прозвищу Таас-Степан. Этот палач отличался лютой ненавистью к советским людям. В наслеге помнили, как в годы гражданской войны Таас-Степан, будучи белобандитским командиром, учинил в Тойбохое кровавую расправу над тридцатью безоружными красноармейцами. Вместе с другими головорезами после нечеловеческих пыток и избиений он собственноручно убивал красных бойцов топором. Позднее несколько лет скрывался в тайге, зверствовал, наводя ужас и страх на жителей. Хорошо сознавая тяжесть совершенных преступлений, он не надеялся на милость Советской власти, поэтому был готов на все.

Из имевшихся у чекистов последних данных можно было предположить, что бандит намерен перебраться на Олекму, а оттуда попытаться ускользнуть за границу.

Немало усилий приложила оперативная группа, чтобы напасть на след преступника. Пришлось поездить по району, встречаться с жителями отдаленных селений. Наконец у кочевых охотников, промышлявших пушнину в долинах речек Стан-Урях и Харья-Урях — левых притоков реки Вилюйчан, — удалось узнать,

что Таас-Степан скрывается в палатке в верховьях речки Харья-Урях.

…Бесшумно передвигаются бойцы в белых халатах. Вместе с Седалищевым идут старые сунтарские следопыты, бывшие красные партизаны С. А. Арсаков и Е. Д. Тотопов.

У логова бандита речка делала извилину. Русло ее прижималось к крутому левому берегу долины. На террасе — густой ельник. Он острым клином врезался в широкую поляну. Вдоль лесной опушки матерый бандит еще с лета навалил толстые вековые ели. За этими, занесенными снегом завалами, в густом лесу он укрыл свою палатку. С его позиции хорошо просматривались все подходы. Однако охотники постарались, чтобы операция чекистов прошла успешно. Они подвели бойцов к засаде так, что их приближение не сразу почувствовала даже собака.

Как тени скользили бойцы через открытое пространство, преодолели по льду широкую речку и ползком по глубокому снегу стали медленно продвигаться к выступу леса.

До опушки леса рукой подать. Седалищев осторожно приподнялся. Опершись на локти, он внимательно оглядел заснеженные завалы, пытаясь определить, где расположился бандит. И в это время Таас-Степан выстрелил…

Как ножом резануло левое плечо. Вторым выстрелом, когда раненый командир пытался отползти за укрытие, бандит прострелил ему камус на левой ноге.

Преступник был уверен, что одного из его противников уже нет в живых, и перенес огонь на других бойцов. Завязалась перестрелка. Превозмогая сильную боль и волоча обвисшую непослушную руку, Седалищев пополз к сваленным деревьям. Он незаметно обогнул завал и тут увидел, как из-под приподнятой над землей поваленной ели, удобно примостившись на подстилке из хвои, Таас-Степан хладнокровно, с упора вел огонь по бойцам, залегшим на открытой поляне.

Чекист прицелился, и первая же его пуля сразила бандита.

Так было выполнено очередное задание, восстановлено спокойствие в районе. После лечения Василий Степанович вернулся к своей работе.

Это только один эпизод из многих схваток с врагом, в которых ему приходилось участвовать. При выполнении ответственных заданий командования он был четырежды ранен.

Седалищев, верный сын своего класса, до конца жизни оставался на труднейшем участке борьбы за счастье людей.

1967 г.

Л. Василевский
СЕВЕРНАЯ ОДИССЕЯ

Всякое бывало в судьбе Григория Сыроежкина: жесточайшие схватки с бандитами, сложные ситуации в стане врагов, горечь потери близких друзей. Он был готов ко всему. Кроме одного, пожалуй: что жизнь потребует от него стать… исследователем-географом, экономистом и даже северянином. Все это ему пришлось освоить в якутской экспедиции.

Григория Сыроежкина послали бороться с контрреволюционным повстанчеством и бандитизмом, все еще существовавшим там, подобно тлеющим углям уже потухшего пожара.

Обстановка тогда оставалась сложной.

В отдаленных районах и на транспортных магистралях по притокам Алдана обосновалось немало богатеев, владевших большими стадами оленей и табунами лошадей, занимавшихся извозом и сплавом грузов, доставляемых в Аян и Охотск, переправляемых через Нелькан и Оймякон в Якутск и на Индигирку. Защитникам Советской власти в этих условиях было трудно бороться на огромных пространствах Якутии с действовавшими там контрреволюционерами.

Пользуясь этим, бандиты то там, то здесь поднимали восстания. Купцы Яныгин, Юсуп Галибаров, Филиппов, Борисов и другие содержали даже свои вооруженные отряды. Контрреволюционное движение поддерживали и финансировали купцы-миллионеры Кушнарев, Никифоров и другие.

В 1923 году организованные банды в основном удалось ликвидировать, но некоторые офицеры сумели бежать и скрыться в тайге, в более северных широтах Якутии, по притокам рек Индигирки и Колымы. Они уже не задавались целью свергнуть Советскую власть, но занимались убийствами представителей власти, грабежами и насилиями.

…29 февраля 1928 года Григорий Сыроежкин появился в Верхоянске, возглавляя Северную оперативную группу. В его распоряжении было совсем немного людей. Внимательно изучал он историю края, страницы гражданской войны в Сибири.

«Странно, — шутил позднее Григорий, — мне приходилось тогда быть не столько чекистом, сколько экономистом, историком, агитатором…».

…Ночи были длинные. Земля, покрытая чистым, нетронутым снегом, отражала звездный свет и разноцветные сполохи

северного сияния. Тайга молчала, лишь изредка от мороза потрескивали стволы деревьев.

Северные олени тащили десятка полтора тяжело нагруженных саней по заснеженному руслу промерзшего до дна одного из притоков Алдана — «золотой» реки.

Держась за спинку передних саней, бежал высокий, могучий человек в коротком белом полушубке, из-под которого видны были черные кожаные штаны, заправленные в собачьи унты. Длинные уши пыжиковой шапки были завязаны узлом на затылке. На руках — оленьи рукавицы с большими раструбами, доходившими почти до локтей. Трехлинейный кавалерийский карабин висел поперек груди. Еще был на нем маузер в деревянной колодке, притянутый сбоку поясом, и полевой бинокль в футляре. Так выглядел командир чекистского отряда Григорий Сыроежкин.

Санный караван растянулся длинной цепочкой. На санях сидели, а чаще рядом с ним бежали, спасаясь от лютого мороза, товарищи Сыроежкина. От оленей, медленно трусивших ровной рысцой, валил пар. Вековая тайга угрюмо стояла по горным склонам. Местами она чернела непролазным буреломом. Под недавно выпавшим снегом угадывались тропки, проложенные в тайге четвероногими, а может быть, и двуногими зверями. Здесь в ту лихую пору все было возможно…

Каждый раз, заметив такую тропку, Григорий испытующе смотрел на тунгуса-проводника, взятого из стойбища за Нельканом. Но лицо у него было непроницаемым, глаза-щелки — всегда прищуренные, как бы спрятанные. Ничего не прочтешь на нем. Ростом он был много ниже Сыроежкина, однако шел ходко, привычным беглым шагом, без признаков усталости. Изредка присаживался на сани, чтобы набить свою прямую трубку, благо теперь его кисет был наполнен пахучей махоркой, подаренной ему этим русским начальником.

Проводник продолжал дымить трубкой и неутомимо бежал возле саней.

Свой поход на Север Григорий подчинил двум основным задачам: самому изучить обстановку, чтобы найти наиболее действенные и правильные способы изменить ее и, во-вторых, пресечь деятельность иностранных разведок.

О том, как энергично действовал Григорий Сыроежкин со своим малочисленным, плохо вооруженным отрядом, можно теперь судить лишь по сохранившимся-в архивах отрывочным донесениям. За время с 10 марта по 3 апреля со своим отрядом он побывал в Моме, Абые, Аллаихе, Казачьем и Среднеколымске. Не обошлось без столкновений с белобандитами. 20 марта, из Абыя,

он сообщил в Верхоянск об отправке туда конвоя с шестью захваченными белогвардейцами…

Активные действия Сыроежкина насторожили вожаков-белогвардейцев, и они решили разделаться с ним, как разделались до него с другими чекистскими отрядами в тайге. За передвижением его небольшого отряда неусыпно следили.

Проводник все же оказался предателем. Он завел отряд в протоку таежной реки, где была организована засада. Исключительная отвага и самообладание чекистов сорвали планы белогвардейских вожаков. Отбив нападение, Григорий оторвался от преследователей и ушел в таежные дебри.

Неизвестно, как вышел он с отрядом из тайги, но вышел и спас своих людей. А в апреле опять был в Аллаихе, теперь уже преследуя более опасного врага — американского шпиона Шмидта.

Кадровый военный по профессии, авантюрист по натуре, Шмидт как нельзя лучше отвечал требованиям на пост руководителя резидентуры. Еще в 1922—1924 годах, выполняя задания американцев на Дальнем Востоке, он проявил себя способным шпионом. В те годы, занимаясь спекуляцией, разъезжал по Якутии, собирая сведения о численности и дислокации красноармейских отрядов, а также вербуя агентов среди купцов, кулачества и тойонов. Исколесив много районов, он хорошо изучил местные условия и наладил нужные связи среди людей, не успевших бежать за границу.

По намеченному плану Шмидт должен был поднять контрреволюционный мятеж на севере Якутии, укрепиться там, а затем с помощью американцев организовать дальнейшее продвижение вглубь Якутии.

В январе 1926 года Шмидт был переброшен на американском военном корабле из Маньчжурии в Японию. Там под руководством американских инструкторов на протяжении пяти месяцев прошел специальную подготовку. Затем его снабдили подложными документами на имя советского гражданина. Это позволило Шмидту устроиться матросом на пароход «Красный якут», совершавший заграничные рейсы, и прибыть в Охотск.

Дальнейший путь Шмидта лежал в Абый и Аллаиху, где американская разведка рассчитывала создать центр вооруженного восстания. Выбор этих районов был неслучайным: для них характерна большая политическая отсталость населения, просветительная работа там только начиналась, влияние Советской власти чувствовалось весьма слабо, к тому же — отдаленность и слабая связь с центром Якутии. По расчетам американской разведки, эти обстоятельства должны были

облегчить Шмидту организацию там политического бандитизма. С военной точки зрения американцы учитывали полное отсутствие дорог и средств связи, что исключало возможность посылки туда из центра значительных вооруженных отрядов для подавления очагов восстания.

Наконец, еще одно весьма важное обстоятельство: Аллаиховский район имел выход к Ледовитому океану. Это давало возможность в летний период оказывать морским путем помощь повстанцам из Америки и Японии.

В конце 1926 года Шмидт появился в селе Русское Устье. По дороге в Аллаиху ему удалось установить связи и договориться о совместных действиях с некоторыми бывшими главарями банд на севере Якутии, скрывавшимися в Абые. В Аллаихе Шмидт начал энергично выявлять своих единомышленников из числа всевозможных темных элементов, недовольных Советской властью.

Действуя обманом и подкупом, обещаниями и угрозами, он сколотил первый отряд, который, по его расчетам, должен был составить ядро будущей «повстанческой армии». На созванном им совещании главарей банд открытое выступление было намечено на апрель 1928 года.

Подготовка заговора проводилась Шмидтом в глубокой тайне. Но осуществить свой замысел до конца ему не удалось. В марте 1928 года он во главе своей банды был арестован Северной оперативной группой ОГПУ, которую возглавил Григорий Сыроежкин.

При этапировании в Нижнеколымск, на одной из ночевок в тайге, Шмидт напал на часового и бежал, но был настигнут и в перестрелке убит.

История со Шмидтом — лишь эпизод в длительной и трудной борьбе чекистов с происками иностранных разведок в Сибири. Японская разведка не меньше, чем американская, прилагала усилия к свержению Советской власти в Якутии. Григорий Сыроежкин хорошо знал об этом и после ликвидации заговора американских разведок пошел по следам японских разведчиков.

В отличие от американской японская разведка действовала другими методами. Она не очень доверяла своим агентам из числа местных контрреволюционеров и предпочитала руководить ими не из Японии, а на месте. Для этой цели на советский Дальний Восток, в частности в Якутию, посылались кадровые разведчики — японцы.

Органам ОГПУ было известно, что в период последней авантюры Пепеляева, вместе с его бандой на побережье Охотского моря высадились и два японских офицера-разведчика. Выявить их

было значительно сложнее. Японские разведчики как бы растворялись в массе местных жителей.

Два японских офицера долго орудовали в северных районах Якутии. Значительно позднее Шмидта один из них, по следу которого шли чекисты, не выдержав преследования, бежал обратно в Японию. Другой же еще долго появлялся в разных районах Дальнего Востока, маскируясь разными способами, но в конце концов все же был разоблачен, выслежен и арестован органами ОГПУ.

* * *

Для утверждения Советской власти в Якутии нужно было не только обезвредить иностранных агентов и связанных с ними главарей контрреволюционных формирований. Важно было помочь местным работникам. Это понимал Григорий Сыроежкин и внимательно изучал обстановку.

Всю получаемую информацию он по установившемуся правилу всегда старался перепроверить, опираясь на людей, заслуживавших доверие. Одним из таких людей, встретившихся на пути Григория Сыроежкина на просторах северной Якутии, был Борис Александрович Леванов, начальник экспедиции и торговли в системе Госторга РСФСР и Дальвнешторта на северо-востоке страны.

Сыроежкин увидел в Леванове энтузиаста, ценнейшего и энергичнейшего помощника. Человек, исходивший и изъездивший вдоль и поперек этот дикий край, знал все пути, множество людей и мог безошибочно оценить их.

Ежегодно к побережью Северного Ледовитого океана прибывали правительственные суда, доставляющие продукты и товары. Правительство широко практиковало дотацию беднейшему населению и кочевникам. Но доставленные продукты и товары попадали через Якутторг и кооператив «Холбос» в руки тех же кулаков. Дело в том, что на Крайнем Севере долго существовала только меновая торговля. Якутторг, чтобы перебросить грузы в низовья Лены и Яны, через своих руководителей заключал соглашение с богатеями — владельцами транспортных средств, оплачивая их услуги продуктами: мукой, табаком, чаем. Получив эти продукты, кулачье везло их сперва себе в амбары, а затем уже как свои собственные сбывало в зимовьях и стойбищах кочевников, устанавливая грабительские меновые цены.

«Как изменить положение?» — думал Сыроежкин.

И вот Борис Леванов предлагает направить на Север мелкосидящие плоскодонные суда с подвесными моторами и, используя их, войти в реки Колыму и Индигирку со стороны океана, по пути открывать фактории вблизи мест кочевья. Он предлагает не продавать товары оптом, чтобы они не попадали в руки кулаков. Независимо от расстояния на все товары сделать единую транспортную наценку, запретить натуральный обмен и ввести денежные расчеты, установить единые цены на скупаемое у населения сырье и, наконец, предоставить охотникам кредит на приобретение средств охоты и продуктов питания.

Для осуществления этого плана было сделано все возможное: шхуна, катер и лодка с подвесным мотором были доставлены с Аляски в Нижнеколымск. На шхуне вместо американского флага подняли советский. Один буксирный катер направили вверх по Колыме для промеров глубин выше Среднеколымска и выяснения возможности достижения судами самой крайней южной точки. Таким путем предполагалась доставка грузов до нынешних Магаданских приисков. Она должна была обойтись в десять раз дешевле гужевого транспорта. Промеры на перекатах были сделаны, фарватер обставлен флажками.

Но осуществить намеченную Сыроежкиным и Левановым экспедицию в полной мере не удалось: когда грузы были уже погружены на специально построенную плоскодонную баржу, за два часа до отплытия на буксирном катере загадочным образом возник пожар. Катер был выведен из строя. Пришлось отчаянному Леванову со своими работниками впрягаться в лямки и тянуть баржу на протяжении пятисот километров до Нижнеколымска.

А в тех районах тогда еще бродила опасная банда атамана, скрывавшегося под именем Индигирского. Ее путь был отмечен кровавыми зверствами, изощренными пытками и убийствами всех, кто выражал симпатии Советской власти. Кольцо вокруг банды сжималось все уже, и она все дальше уходила к побережью Ледовитого океана. Это были остатки организации шпиона Шмидта.

Сыроежкин получил сведения, что купленную Левановым на Аляске парусно-моторную шхуну, пригнанную к советским берегам и груженную мехами, банда Индигирского намеревается захватить и угнать в Америку или Японию. Были приняты все возможные меры: предупредили надежных людей в тунгусских кочевьях, чтобы они следили за передвижением банды к побережью и всеми средствами препятствовали ее проникновению к месту стоянки шхуны.

Леванов приказал мотористу снять с двигателя магнето и доставить ему. Но этих мер было мало, так как шхуна могла уйти

и под парусами. Пришлось вызвать подкрепление.

Из Якутска чекисты двинулись в Оймякон, Мому и Абый. По пути в стойбищах они захватывали пепеляевцев, бандитов-кулаков, укрывавшихся после разгрома разных банд.

Сыроежкин опасался, что бандиты все же доберутся до шхуны. Эта мысль не давала ему покоя и заставила его еще раз попытаться проникнуть в банду. Он отдавал себе полный отчет в том, что в этих отдаленных и диких местах не раз испытанный им прием внедрения сопряжен со значительно большим риском.

Григорий нащупал пути. В Охотске, куда он прибыл как служащий «Холбоса», в то время осело много темного люда, по разным причинам не сумевшего или не успевшего бежать за границу. Там-то Сыроежкин и решил сделаться «своим».

Он появился в полутемном, приземистом трактире на окраине Охотска: были там пришлые русские, среди них старатели, промывавшие золото в тайге на известных одним им ручьях и речках, были забежавшие в эти отдаленные края белогвардейцы и просто бандиты, были местные, таежные охотники-якуты и эвенки.

В трактире можно было многое услышать о том, что происходило в огромном, засыпанном снегом краю.

Сыроежкин знал: здесь были лазутчики Индигирского. Они скупали золото. Для тех, кто намеревался бежать в Америку или Японию, золото очень нужный товар. У Григория припасен мешочек из оленьей замши с золотым песком. Его у него хотели здесь купить, но он дал понять, что сам намеревается бежать из страны и за эту возможность заплатил бы золотым песком и самородками.

Человек, умевший пить и не пьянеть, внушал обитателям трактира доверие, его принимали за своего. И согласились свести с Индигирским.

* * *

…В отдаленном таежном зимовье банда расположилась на отдых. Сыроежкин уже был принят в нее как бывший колчаковский офицер.

За столом из толстых, грубо оструганных досок сидело человек десять бандитов во главе с атаманом. Напротив Григория — амурский казак из кулаков, тоже подвизавшийся в колчаковской армии. Неожиданно он сыграл важную роль в судьбе Григория. Судя по всему, казак спутал его с кем-то и подтвердил атаману, что знал или видел Сыроежкина в рядах

колчаковцев.

Его маленькие узкие глаза носили отпечаток какой-то животной свирепости. Это выражение особенно отчетливо проявлялось, когда он ел. А ел он всегда жадно и много. Его вспотевшее от жары и спирта лицо в местах, где росли волосы, имело оттенок кирпичной смуглости. Он никогда не расставался с оружием: кавалерийский карабин и казачья шашка с медным оголовьем лежали рядом с ним на лавке, а рукоятка нагана торчала на уровне груди из-за борта казачьего бешмета. У пояса на ремешке болтались две ручные гранаты.

Сидя за столом в избе, срубленной из могучих лиственниц, Григорий внимательно наблюдал из-за полуопущенных век за разношерстным народом — высокими и крепкими казаками, маленькими, худощавыми якутами и таежными охотниками.

По мере того как опорожнялись бутылки, голоса становились громче и воинственней. Банда намеревалась напасть на факторию Леванова, взять там продукты и товары, а затем захватить нагруженную мехами шхуну и уйти на ней за границу. Главарь вынул из деревянной колодки маузер и, размахивая им, выкрикивал страшные угрозы в адрес «советчиков» и коммунистов. В пьяном азарте он выстрелил в потолок. Пример оказался заразительным — за ним стали стрелять другие.

Между Григорием и главарем сидел ближайший помощник атамана. Он тоже стрелял, размахивая над головой наганом. В низком помещении от курева и выстрелов стоял туман. С видом уже совсем осоловевшего человека Григорий сидел, откинувшись к стенке, прикрыв лицо левой рукой. Правую руку, в которой он держал короткий наган, протянул за спину человека, сидевшего между ним и атаманом. Когда сосед выстрелил в очередной раз, Григорий нажал на спуск. С простреленной головой вожак повалился на стол.

На несколько мгновений установилась жуткая тишина, все сразу отрезвели и налитыми кровью глазами смотрели друг на друга. Затем заорали, подняв невообразимый шум. Быстро спрятав наган в карман, Григорий обхватил голову руками и издал какой-то нечленораздельный звук. Казак, «приятель» Сыроежкина, вопросительно посмотрел на него. Не столько увидев, сколько почувствовав его взгляд, Григорий как бы непроизвольно слегка качнулся в сторону сидевшего рядом с ним помощника атамана.

Казак понял это по-своему.

— А, гад! Атаманом захотел быть, — заревел казак и в тот же миг в упор выстрелил в лицо ошалевшего человека, не успевшего ничего сказать…

С гибелью атамана банда была обезглавлена. В ней не оказалось человека, способного подчинить эту преступную ораву. Теперь каждый думал только о себе, не хотел признавать авторитета другого и подчиняться ему: главное звено, объединявшее этих людей, было выбито. Но все-таки все сходились на одном — надо идти к побережью, захватить шхуну и на ней добираться до Америки или Японии. На этом пути банду ждала чекистская засада, и Григорий привел ее туда.

С ликвидацией банды Индигирского заканчивалась северная эпопея Григория Сыроежкина, и он мог покинуть Якутию после двух лет напряженной борьбы, лишений и смертельного риска. С бандитизмом в Якутии было покончено. Оставшихся бандитов-одиночек, забежавших невесть куда, переловили местные чекисты.

1972 г.

В. Бухалов
НИЛЬСОН-РЫЖАЯ БОРОДА

Тяжелый, цвета хвои, бархат, отгородивший сцену от зрителей, чуть волновался, когда кто-то за занавесом ненароком задевал его. Между краем занавеса и сценой образовалась едва различимая щелка, в которой больше угадывался, чем различался глаз человека.

Зрители жили ожиданием спектакля. И это помогало им не замечать небогатое убранство театра, тусклый свет, явную нехватку тепла… Да мало ли чего не хватало тогда, когда надо еще было добивать в Якутии остатки белогвардейских банд?!

Оторвавшись от повседневных забот, отложив на время оружие, пришли на премьеру спектакля и люди, которые вели эту самую борьбу. Щель почему-то привлекла внимание Ефимова. А может, просто оказывалась привычка? Все-таки десять лет работы в ЧК, надо полагать, выработали в нем наблюдательность, умение фиксировать в памяти порою едва уловимые детали. Ефимов и его друг Садыков сидели в последнем ряду. Привычка выбирать место, откуда всех и все видно, тоже утвердилась с приходом на работу в ЧК.

Сиденья были широкие, с жесткими подлокотниками и неимоверно скрипучие. Неловкое движение рождало звук, отчетливо напоминавший Ефимову скрип сапог белогвардейца Беляницкого. В двадцать втором году на митинге в народном доме Колымска он призывал тогда собравшихся совершить переворот и арестовать коммунистов!..

— Старые сапоги могут скрипеть? — спросил неожиданно Ефимов друга.

— Как все старое… И даже человек, — рассматривая публику, ответил с улыбкой Садыков. — А при чем тут сапоги?

— Да так.

В боковые двери вошел сухощавый лысеющий человек с орлиным носом и роскошной рыжей бородой.

— Смотри, — Ефимов толкнул локтем Садыкова. — Что за гражданин?

— Ты хотел сказать: господин? — ответил Садыков. — Господин Нильсон.

— Нильсон? — Ефимов не отрывал взгляда от рыжей бороды. — Странно… Где я видел подобную бороду?

— Это представитель фирмы «ОЛАФ СВЕНСОН и К», — сказал Садыков. — Его интересует пушнина.

На сцене запел хомус. Занавес дернулся, разделился на две половинки, и они рывками поползли в разные стороны. На сцене были декорации комедии Анемподиста Софронова «Споткнувшийся не выпрямляется ».

— А у этого американца должен быть родственник… Больше того, близнец, — Ефимов поудобнее устроился в кресле. — Во всяком случае, поразительное сходство…

* * *

Старинной работы часы отсчитывали секунды. Мягкий их ход наполнял умиротворенностью просторный кабинет начальника ГПУ. Раньше он был гостиной купеческого дома. Революция реквизировала особняк, разместила в нем ЧК с сейфами, наганами, дисциплиной и большой ответственностью за эту революцию.

— Прочитал? — Волков открыл кисет с табаком. Тонкий аромат защекотал ноздри. — Другой информации нет…

Ефимов еще раз глянул на радиограмму, на которой был короткий текст:

«МЕЛЬГУВЬЕ ЭНТЕН АЧИМАТАЛЬ ТЕНЕВЬЮ. ЗАНЯЛ КОЛЫМСК. ШУЛЕПОВ».

— Небогато, — Ефимов положил радиограмму в общую столку уже прочитанных.

— На безрыбье и рак… Сам понимаешь, Владимир Спиридонович, — сказал Волков.

— Что означают первые три слова?

— Первые три? — Волков вопросительно посмотрел на Ефимова.

— Теневью, в переводе с чукотского на русский — посылка…

— Ну вот видишь, Владимир Спиридонович, это может оказаться ниточкой. А ты говоришь — небогато… Давай-ка подымим, мозги прочистим, — Волков протянул кисет.

В больших, знавших тяжелую работу руках Волкова цигарка терялась. Он, Волков, не родился чекистом. Как и отец его и дед, он был пролетарием. Как и они, он работал на хозяина. Потом пошел против хозяина, за деда, за отца, за власть Советов. Стаж большевика-подпольщика был принят во внимание. Руку ему пожимал сам Феликс Эдмундович Дзержинский…

В год первой русской революции Ефимов научился складывать слова. Семья кулака-торговца, в которой он рос, была влиятельной не только в Юсольском наслеге. Отец готовил сына с

перспективой. Но яблоко упало далеко от яблони. Комсомол, 7-й Сибирский сводный отряд, служба в ЧОН, знакомство с уполномоченным ГПУ Шараборимым — этапы подготовки и проверки будущего чекиста..

— Кстати, Владимир Спиридонович, ты говорил с Винокуровым? — Волков подкрутил фитиль керосиновой лампы, прикурил.

— В судьбе Винокурова роль спасителя сыграл Котенко, — медленно начал Ефимов. — Ни тот, ни другой не знали, что видятся в последний раз… Партийное собрание коммунистов Колымска поддержало предложение уполномоченного губревкома Котенко о переброске пушнины в Якутск, чтобы она не попала в руки белых. Когда Винокуров погнал оленей на юг, Котенко и Синявин, заручившись поддержкой влиятельнейшего в тундре чукчи Хапеургуна, отправились на запад сколачивать отряд из местных. Остальное нам известно.

— В том-то и вся соль, что мало известно, — сердясь, возразил Волков. — Иначе бы и Котенко, и многие другие остались живы! — Помолчал. — Старатель одинаково добросовестно промывает все пески с разведанного участка. А даст где послабку, и металл уйдет. Казак Котельников и поп Сизых отправились из Колымска в Западную тундру несколькими днями раньше Котенко… Он об этом знал, но не придал значения… — Волков устало провел ладонью по лысой крупной голове… — Неважно, что Шулепов изменил первоначальному плану, не пошел в Ижигу, а расквартировался в Колымске. Важно другое: у него появились надежные связи с побережьем. Больше того, Шулепов, используя местную радиостанцию, шлет и получает радиограммы. А с побережья к нему и к другим бандитам потекло оружие американского производства, патроны… Как действует этот механизм? В этом смысле, думаю, радиограмма о посылке представляет интерес…

* * *

Вместе с утренним солнцем над весенним колымским поселком поплыло гудение церковного колокола. Он звал прихожан на молебен.

Колокол будил поселок.

Стефан поднялся по шатким ступенькам невысокого крыльца, легко скользнул в собор. Пахло ладаном. Рядом с входом, на скамеечке, скучая от безделья, дремал церковный сторож.

У колонны, перед картиной «Святой Яков», стоял

благочинный отец Владимир, сбежавший от большевиков из Якутска. Они облобызались.

— Прикажи прекратить бить в колокол, — сказал благочинный, — не придут миряне на служение. Потеряли веру в Христа, забыли закон божий, в грехах погрязли… Открыто враждуют между собой и еще называют себя истинными христианами.

— Видно, на то божья воля…

— А хотите, отец Стефан, портрет с вас напишем, у меня есть знакомый богомаз, рядом со «Святым Яковом» повесим, — прервал Стефана благочинный. Не без усмешки добавил: — Провидцу место здесь.

— Напрасно вы так, отец Владимир, одному ведь делу служим…

Душа Стефана потеряла покой с тех пор, как молодой, но язвительный благочинный неожиданно вторгся в его тайну, постиг ее. Честолюбив он, что скрывать, и денежки любит, молодайку вот завел на старости лет… Если молва пойдет гулять по свету, конец ему…

Благочинный придавил медным наконечником пламя в лампадке. Белесые петли дыма медленно таяли. Благочинный подошел к отцу Стефану, положил на руку крест, висевший поверх его рясы.

— Все верно, бог у нас один… Он нас и благословляет, и карает. — Золото приятно давило ладонь. — А насчет картины я пошутил…

Снаружи раздался грохот, хлопнули двери.

— Почему звон? — Привыкая к полумраку собора, лихо произнес Жижин, тонкошеий адъютант полковника Шулепова.

— Не кричи, не в казарме, — оборвал его строго отец Стефан.

— Безработные, что ли? — Жижин щелкнул по носу сопевшего сборщика пожертвований. — Но ничего, теперь ее вам дадут! Бог приехал! Пусть колокол поет. А тебе, Стефан, велено быть через полчаса на митинге.

Колыхаясь, длинный адъютант подался к двери, но, заметив благочинного, опросил:

— Кто таков? Что-то я не видел тебя…

— Отец Владимир.

— Ну да? А как с документами?

Отец Владимир протянул бумагу.

— Пускай он прочтет, — кивнул Жижин на Стефана. — Он грамотный.

«Колымскому Епархиальному управлению, —

медленно читал Стефан… — Священный Синод православных церквей в заседании своем 15 сего марта направил вам благочинного отца Владимира для сбора пожертвований…»

— Ладно, на сегодня хватит, приношу извинения, — осклабился офицер. — Покорнейше прошу быть на митинге, благочинные отцы!

Весь поселок собрался у дома чукотского головы Одейона. Отрядники полковника Шулепова, оттеснив подальше от импровизированной трибуны гражданских, резко выделялись на общем фоне своей казачьей формой со знаками различия. Молодцеватые, внешне они никак не походили на бандитов, кровавый след которых тянулся от Колымы до побережья. Бравый их вид и заграничное оружие за плечами у многих укрепляли авторитет полковника в глазах влиятельных людей Колымска. Они восторженно принимали казаков.

— Душа радуется видеть вас в форме наших дедов и отцов, — горячо начал приветственную речь Чирпы, один из местных богатеев. — Теперь всем известно, что матушка Россия обливается кровью наших братьев через изуверов-большевиков. Братья-казаки, не теряйтесь от этого, не падайте духом, боритесь! Есть еще преданные отечеству и православной вере братья! Сегодня мы приветствуем полковника Шулепова и его доблестных казаков! Они оставили свои семьи, дошли до нашего отдаленного края, чтобы защитить своих братьев и наш край…

— Ваше превосходительство, — к уху Шулепова наклонился запыхавшийся радист. — Я должен сообщить вам важные сведения.

— Погоди, — остановил радиста Шулепов. — Пойдем в штаб!

Служащий радиостанции Казеко задолго до прибытия Шулепова в Колымск распространял слухи среди населения о победах атамана Семенова на Дальнем Востоке, о завоевании Севера белыми войсками, падении Красной Якутии, ссылаясь при этом на радиограммы. Их значение было велико, народ верил не Казеко, а словам, которые приносил телеграфист, ибо железный ящик — не человек, врать не мог, считали они.

Казеко уже давно входил к Шулепову без доклада.

«МЕЛЬГУВЬЕ ЭНТЕН АЧИМАТАЛЬ ТЕНЕВЬЮ»… «СЕРДЦЕ-КАМЕНЬ»… «КОРЕН».

Пухлые, все время что-то ищущие руки Шулепова сейчас безвольно лежали на бланке радиограммы. Шулепов думал.

Летом 1921 года, находясь с отрядом в устье Колымы у мыса

Сердце-Камень, Шулепов случайно наткнулся на шхуну «Поляр бер», выброшенную ледоходом на мель. Это была собственность американцев, но спасти ее они уже не могли. «Поляр бер», помятая, увязла в прибрежном песке. Ради любопытства Шулепов обследовал шхуну. Кроме различных камней, на шхуне были найдены два брезентовых мешочка, крепко перетянутые бечевкой. В них были упакованы документы, какие-то карты, записи на английском языке, которым Шулепов не придал тогда значения. Однако находки взял, подумав: «О простых бумагах так не пекутся». Осенью в устье Колымы зашла шхуна «Билинда» под американским флагом. Ее привели Гудмансон и Корен. Через Вола, семидесятилетнего американца, осевшего на побережье, Корен установил связь с Шулеповым, но она прервалась, и заокеанский гость потерялся. Молчание Корена удивляло полковника. Он помнил интерес иностранца, проявленный к документам…

На обратной стороне радиограммы Шулепов размашисто написал:

> «В указанное место прибудет Третьяков. Встречайте багаж. Шулепов».

— Передашь, — полковник отодвинул исписанный лист радисту и, приоткрыв двери, сказал:

— Урядник Домашенко, вызови ко мне Третьякова…

* * *

Ефимов молчит второй месяц. Провал?.. Вроде бы, исключено. Его положение достаточно прочное, личность он, как говорится, неприкосновенная. А связных все нет и нет… Перед Волковым лежали давние донесения Ефимова.

> «Сведения на духовного отца, — сообщал он, — подтвердились… Точное число действующих банд-отрядов назвать трудно. Сегодня их 20, завтра — 25, через неделю — 12… Они рождаются и умирают, как бог на душу положит. Белые пришли — люди под их знамена становятся, красные — в их отряд идут. Наиболее организованные и многочисленные силы имеют: Бочкарев в Ижиге, Деревянов в Аллаихе, Шулепов в Колымске».
>
> «Для кооперирования всех сил на Севере и выработки согласованных действий из ставки Бочкарева

в Якутский округ для связи с подпольем, — сообщал в другом письме Ефимов, — выехал подпоручик Раков, по документам Бережнов. Служил в армии Колчака, в бандах атамана Семенова, находился на стороне Коробейникова. Приметы: рост средний, глаза серые, волосы русые, небольшая окладистая борода, на лбу шрам от удара саблей. Разговаривает на английском, якутском языках. Часто употребляет слово «господин»…

Самые последние были и совсем короткими:

«Уполномоченный рабкрина Беляницкий провокатор. Пользуется авторитетом у Шулепова». «Котенко и Синявин по доносу попа Сизых схвачены в местечке Элелях и расстреляны Шулеповым»… «Полковник Шулепов через радиста Казеко поддерживает связь с американцем Кореном. «Сокур» знает Корена как зоолога, изучающего животный мир на Колыме. Американский ученый большими партиями отправляет препарированных животных и птиц на свою родину»…

«Негусто, негусто, — рассуждал про себя Волков. — С такими сведениями далеко не уедешь… Не сведения, сплошная шарада»…

— «В адрес Бочкарева и Деревянова из Америки Свенсоном направлена шхуна с оружием, — прочитал вслух Садыков, — выгрузка состоится в Аллаихе. Необходимо перехватить шхуну на трассе Ледовитого». И решительно добавил: — Закрывать надо Север, Петр Григорьевич!

— Легко сказать, — Волков усмехнулся: — Ты думаешь, я против? Силенок нам с тобой не хватает… Но ты не кручинься: шхуну мы возьмем! Должны взять… Это наш святой долг, Садыков!

* * *

Шулепов был в ярости. Он метался по комнате и не находил места. Отряд казаков, подготовивший засаду красным, сам попал в ловушку. Из полусотни в лагерь вернулась лишь треть.

Шулепов остановился около Мельгувье. Он сидел на шкуре оленя, поджав под себя ноги, и, казалось, дремал.

— Идиот! — зло прошипел Шулепов. — Какого черта ты скрутил «Моську»?

— Ай, нехорошо, господин полковник. Зачем кричишь так? —

Мельгувье поднял голову.

— Убить тебя мало, — вскипел Шулепов. — Он фотографию тебе показывал?

— Твой Третьяков показывал и тот другой, Печукан. Он двумя днями раньше приезжал. Вначале я засомневался. «Почему, — думаю, — Чирпы — постоянный наш связной не приехал?» Но он, кроме фотокарточки, часы твои с надписью показал, — ответил Мельгувье.

Шулепов сжал кулаки, послышался хруст пальцев.

— Сколько ты сюда ехал?

— Шесть раз чай пил.

Полковник задумался.

— Скажи, Мельгувье, где теперь может быть этот Печукан?

— Если Энтен и Ачиматаль на местах, то, однако, на мысе.

Шулепов прошел к двери и открыл ее ударом сапога.

— Адъютант! — крикнул он.

Жижин, вытянувшись в струнку, стоял перед ним.

— Через пять минут здесь должен стоять отец Стефан, — приказал Шулепов и, покачиваясь, вошел к радисту.

— Не отвечает? — спросил он Казеко.

Радист беспомощно развел руками.

Шулепов вернулся в кабинет. Мельгувье с наслаждением посасывал трубку.

— Мельгувье, — полковник присел на край стола, — ты говоришь, тот человек назвался Печуканом?

— Опять ты сомневаешься, — не вынимая трубки изо рта, ответил чукча.

— А как он выглядел?

Мельгувье, вспоминая, прикрыл глаза, произнес:

— Ростом чуть выше меня… Крепкий, грудь широкая… А вот руки небольшие, словно у женщины. Вот и все, однако.

— Плохой из тебя филер, Мельгувье!

— Я торговать умею! — По широкому лицу чукчи прокатилась обида. Полковник ничего ответить не успел, в дверях показалась неприкрытая голова Стефана. Шулепов поднялся навстречу.

— Как здоровье, отец Стефан?

— Слава богу, пока терпимо, — Стефан прошел к столу, сел на табурет.

— Прости, что потревожил в столь ранний час. Кстати, сколько на твоих? — кажется, впервые Шулепов так жадно всматривался в глаза отца Стефана.

— Я их отцу Владимиру одолжил, — сказал несколько недоуменно Стефан.

Шулепов налег грудью на стол, кресты на кителе глухо дзинькнули.

— Зачем вдруг часы благочинному понадобились?

— В пути часы нужнее… Три наслега объехать надо…

— И когда же он вернется? — перебил полковник Стефана.

— Недели через две, говорил. Работа эта нескорая, людишки на лепту нынче скупы.

— Понятно, — протянул зло Шулепов.

— Я не понимаю вас, господин полковник. Это что, допрос? — В голосе отца Стефана послышались нотки искреннего негодования.

— Через две недели, отец Стефан, закажу тебе панихиду, — Шулепов, вытаскивая из стола рюмки и бутылку, пропустил мимо ушей его слова. — А теперь причастимся!

— Ваше превосходительство, — в кабинет ворвался радостный Казеко. — Вот! «Багаж получил. Деньги оставлены у Вола. Корен».

Шулепов расстегнул верхние пуговицы кителя, жестко потер толстую шею.

— Ничего не понимаю. Но выпить стоит.

* * *

Дружные аплодисменты вернули Ефимова в зал. Закончилось первое действие комедии. Зрители, оживленно обсуждая увиденное, потянулись к выходу.

— Слушай, — Ефимов тронул Садыкова за локоть, — я не могу сдержать своего любопытства, пойду поговорю с этой рыжей бородой.

— Зачем? — сказал Садыков.

Но Ефимов уже пробирался сквозь толпу к окну, где стоял импозантный Нильсон.

— Господин Корен? — негромко произнес Ефимов.

Иностранец, не без удивления глянув на подошедшего молодого человека, вежливо, но твердо сказал:

— Вы ошиблись, я — Нильсон, торговец мехами.

— Как обрадовалась бы Кошелева, увидев вас живым, — не без издевки заметил Ефимов. — Пять лет она хранит извещение американского консула о вашей гибели… Ох уж эта женская верность!

Иностранец как-то весь ощетинился:

— Кто вы такой?!

— Мельгувье. Энтен. Ачиматаль, — чуть ли не пропел

Ефимов.

— Что вы хотите этим оказать?

— Могу напомнить. — Ефимов сделал небольшую паузу. — Материалы картографической экспедиции, попавшие в ваши руки там, на мысе Сердце-Камень… Э-э, несколько неполны… Там не хватает кое-каких бумаг, ради которых, как смею предположить, вы достигли Якутска уже как представитель фирмы «Олаф Свенсон»… Так?

— Печукан?! — невольно вырвалось у Корена.

— Сотрудник ЧК, Ефимов…

* * *

— Ты знаешь, кого мы сдали нашим дежурным? — Ефимов смотрел на Садыкова, и в его глазах бегали веселые искорки.

— Нильсона, разумеется.

— Я и забыл, что ты долго валялся в госпитале!.. Помнишь мою северную экспедицию? Мельгувье, Энтен, Ачиматаль, — Ефимов жестикулировал, говорил громко, горячо: — Это и был канал связи бандгрупп с иностранцами, беспрепятственно заходивших на шхунах в наши воды… Так знай, этот пушник, Нильсон твой, — Корен!

Садыков с восхищением посмотрел на своего друга.

— Корен тогда не сумел взять материалы экспедиции, где шла речь о разведанных месторождениях золота, были подробные географические карты реки Колымы и Медвежьих островов… Он остался на Севере, торговал оружием, надеясь, что недобитые банды отвоюют эти земли для себя, и, разумеется, искал эти документы. Чтобы не привлекать к себе внимания, нашел сожительницу. Препарировал животных и птиц, отправлял в Америку, за доллары, разумеется. Так он стал «зоологом»…

Шулепов случайно наткнулся на материалы экспедиции и при знакомстве с Кореном не преминул упомянуть о них. Но заломил за них такую цену, которая повергла в уныние предприимчивого дельца.

На мысе Сердце-Камень, где Корен готовился к отплытию в Америку, я, чтобы окончательно утвердиться в роли друга, передал ему часть документов. Тут он на радостях совершил ошибку: просмотрел в спешке перед отплытием только первые листы материалов. По сути дела в его руки попала дырка от бублика, а сам бублик в наших, руках. Советское должно оставаться советским!

Антракт закончился. Начиналось второе действие спектакля.

1974 г.

А. Паулин
ПОСЛЕДНИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Вооруженная борьба трудящихся за установление и укрепление Советской власти в Якутии велась почти двенадцать лет. Последние бои с белобандитами проходили на севере республики. Мне довелось в качестве политрука отряда принимать непосредственное участие в разгроме этой авантюры, принесшей немало горя и страданий жителям Заполярья.

Осенью 1929 года я был командирован по линии респотребсоюза «Холбос» в Булунский округ для организации там интегральной кооперации. 26 августа группа кооперативных работников с караваном барж, которые буксировали пароходы «Лена» и «Полярный», выехала из Якутска. Вместе с нами ехали в Булун и будущие руководители округа Х. П. Шараборин и И. Н. Колмогоров.

Еще в пути я разработал план своей будущей работы, с которым ознакомил Шараборина. Он его одобрил. Нам предстояло выполнить постановление Якутского обкома и VI Всеякутского съезда Советов о привлечении населения, в первую очередь бедноты и батраков, в интегральную кооперацию и расширении кооперативной торговли и заготовок пушнины.

Вскоре после приезда на пленуме окрисполкома все предлагаемые мероприятия были утверждены. 24 сентября мы вместе с практикантом Келле-Пелле, счетоводом Слепцовым и проводником Копыриным на парусной лодке отправились вниз по Лене для претворения решений в жизнь. Из командировки в Булун удалось вернуться только 11 февраля следующего года.

Четыре с лишним месяца длилась нелегкая поездка, большие события произошли за это время…

В окружном центре в ночь с 1 декабря 1929 года белобандиты совершили переворот — свергли Советскую власть. Контрреволюционеры, возглавляемые ярым националистом Игнатием Сивцевым, арестовали находившихся в Булуне и Кюсюре партийных и советских руководителей, захватили радиостанцию, оружие, запасы товаров. Всего ими было арестовано около тридцати человек и среди них секретарь окружкома ВКП(б) Х. П. Шараборин, секретарь окружкома ВЛКСМ А. М. Ефремов, председатель окрисполкома Совета депутатов трудящихся И. Н. Колмогоров, его заместитель Г. Г. Перевалов, начальник милиции П. П. Третьяков.

Оказавшись в трудном положении, коммунисты не пали

духом. Они и в тюрьме подбадривали друг друга, не поддавались на провокации, даже когда их выводили на инсценированный расстрел…

Бандиты готовили своим узникам чудовищную расправу: они намеревались сжечь их живьем и для этого помещение, где содержались арестованные под охраной, обложили сухими дровами и держали наготове банки с керосином. Лишь стремительное наступление красных отрядов на Булун спасло им жизнь…

О вражеской авантюре мы узнали 24 декабря в селении Быков Мыс от прибывшего туда из штаба белобандитов кумах-суртского князька Гоголева, который с небольшим отрядом на двенадцати оленьих упряжках привез груз. Князек заявил, что он уполномочен установить в поселке «народную власть», создать из быковцев вооруженный отряд и направить его в распоряжение бандитского штаба в Булун.

Дальше события развивались так.

В конторе интегрального кооператива собрались бедняки, члены охотничье-рыболовецкой артели и другие активисты, чтобы обсудить один вопрос: что делать?

Вношу предложение: немедленно организовать красный отряд! Некоторые товарищи высказывали опасение, что наше вооруженное выступление может привести к тому, что бандиты расстреляют арестованных партийных и советских работников в Булуне. Опасения, конечно, высказывались из самых добрых намерений, но большинство поддержало мое предложение. Тут же в отряд записался тридцать один человек. Одновременно был образован Быковский военно-революционный комитет в составе В. М. Иванова, Я. Ю. Келле-Пелле и меня.

Теперь нам предстояло ликвидировать князька Гоголева, расположившегося в десяти километрах от Быкова Мыса.

Отобрали семерых местных товарищей, они быстро запрягли собак и мы на нартах через час подъехали к домику, где коротал время князек и его друзья. Остановились под косогором. Кругом тихо, на улице людей нет. Внезапно врываемся в дом и захватываем спящими трех бандитов… Под конвоем доставили их в Быков Мыс.

На следующий день к обеду собрали жителей поселка в помещении наслежного Совета. Мы рассказали о создавшемся положении, призвали всех организовать отпор бандитам. Участники собрания, а это были главным образом рыбаки и охотники, единогласно постановили оказывать нашему отряду всяческую помощь.

Под казарму нам предоставил свой дом В. М. Иванов. Туда

мы перенесли из фактории Якутторга два ящика пятизарядных карабинов, очистили их от смазки. Установили твердый распорядок, ввели несение караульной службы. Круглые сутки на крыше дома располагался пост, необходима была постоянная бдительность, чтобы нас не застали врасплох. Надо оказать, что наши ездовые лайки оказались хорошими сигнальщиками: если кто-либо подъезжал к селению, то задолго до появления нарт собаки поднимали неимоверный лай.

Через несколько дней мы захватили второго уполномоченного бандитов, который прибыл к нам из Тюмяти. На допросе он дал подробные показания о планах заговорщиков. Но, самое главное, мы узнали от него, что в Усть-Оленекском и Тит-Аринском наслежных Советах никто из жителей на призыв вступить в бандитскую шайку согласия не дал.

Тут следует еще раз напомнить о том, с каким энтузиазмом решали кооперативные дела на собраниях охотники и рыбаки этих наслегов. В проводимых мероприятиях батраки и беднота реально ощущали освобождение от кабалы кулаков. Они почувствовали себя хозяевами новой жизни. Трудовая часть населения Усть-Оленекского, Тит-Аринского и Туматского наслегов не поверила бандитам.

Воспользовавшись таким положением, мы решили закрепить за собой населенные пункты в дельте Лены. В тот же день направляем своих представителей в Тумат и Усть-Оленек для организации там вооруженных отрядов.

Сами готовимся к походу на Булун. Женщины шьют для бойцов теплую обувь и одежду. О транспорте тоже позаботились: в хорошем состоянии находятся олени, захваченные у бандитов.

В это время вернувшаяся с границы Омолойского наслега разведка принесла радостную весть о том, что 23 декабря бандиты пытались захватить Казачье, но потерпели поражение. Часть их перебита, а уцелевшие бежали. Как выяснилось, героическое сопротивление им оказали жители Усть-Янского улуса. Под руководством секретаря парторганизации И. С. Попова и героя гражданской войны Г. О. Петрова-Халлааскы они вооружились и одержали очень важную победу. У нас появилась хорошая возможность ударить по мятежникам.

…День выдался на редкость ясный и тихий. Настроение у всех приподнятое. Бойцы попрощались с родными и уже садились в нарты, как кто-то заметил вдали приближающуюся к поселку оленью упряжку. Подъехал совершенно незнакомый человек, вооруженный винтовкой и наганом. Он объявил, что имеет секретный пакет на мое имя. Зашли в дом. В пакете оказалось письмо Владимира Спиридоновича Ефимова, одного из

командиров Северного сводного отряда войск ОГПУ, в котором сообщалось, что на разгром банды в Булуне выступили воинские подразделения из Якутска, Верхоянска и Вилюйска и что военными операциями руководит командование ЯОГПУ. До этого мы не знали, что в конце декабря 1929 года из Якутска в Верхоянск пришел отряд чекистов под командованием помощника начальника ОГПУ А. С. Доли. Там-то и был создан Северный сводный отряд войск ОГПУ, в который влились несколько добровольческих групп, организованных населением для борьбы с бандитами еще до прихода чекистов.

Доля принял энергичные меры по ликвидации кулацкой авантюры. Он разослал приказы, чтобы незамедлительно начать окружение бандитов. Нам надлежало срочно занять селение Кумах-Сурт. Ефимов наступал туда же из Хара-Улаха.

20 января мы прибыли в Кумах-Сурт и соединились с бойцами Ефимова. К этому времени чекисты под командованием Доли выбили бандитов из Булуна, остатки их бежали и укрепились в Тюмяти.

Через два дня мы разбили лагерь в десяти километрах от Тюмяти. Наступать решили ночью. По реке на оленях подъехали к поселку, развернулись в цепи и начали приближаться к домам. Снег оказался глубоким. Под самым селением нарвались на засаду. При первых же выстрелах я получил легкое ранение в руку. Перестрелка продолжалась несколько часов, но из-за темноты оказалась безрезультатной. Посоветовавшись, командование приняло решение повторить наступление утром. Но на рассвете разведка донесла, что бандиты ночью бежали. Для окончательного разгрома их была сформирована ударная группа под командованием Ивана Ивановича Негуляева.

Вот его рассказ о последних боях:

> «…Отряд пробивался через засады. Двигаясь вниз по реке Уджа, приближались к Анабару. В урочище Сиикей-Талах бандиты сосредоточили свои основные силы, чтобы неожиданным ударом разгромить преследовавший их отряд.
>
> Вдоль высокого берега, под которым по льду проходила санная дорога, они расположили хорошо замаскированные укрепленные пункты. Каждый из засевших в укреплении имел трехлинейную винтовку, бердану и по два ящика патронов. Расчет был простой. Как только красные поравняются с укреплениями, расстрелять их в упор. Но случилось так, что дозор, двигавшийся впереди на трех оленьих упряжках, уже

миновал линию укреплений, а головная часть отряда была еще далеко. Бандиты открыли огонь по дозору и обнаружили себя. Отряд быстро развернулся в цепь и начал обходить засаду с флангов. Завязалась ожесточенная перестрелка, в которой погибло двенадцать бойцов и командиров, ранено восемь. Потери противника оказались в три раза больше. Бандиты стали в беспорядке отступать. Часть их бежала в сторону Саскылаха. В бою был убит главарь Сивцев. Так, 21 февраля 1930 года закончился Сиикей-Талахский бой, в котором были разбиты основные силы булунской банды. После этого поражения она уже не оказывала организованного сопротивления…»

Вскоре были ликвидированы и остатки бандитских отрядов в Оленекском районе и на Вилюе. Мне не пришлось участвовать в этих боях, так как я был отозван окружкомом.

13 февраля я вернулся в Булун. Командование отряда — А. С. Доля и М. Д. Риу ознакомили меня с боевой обстановкой в округе, дали почитать текст «требований» белобандитов, которые они послали с нарочным отряду чекистов в Хара-Улах. «Требования» ничем не отличались от политических программ всех контрреволюционных мятежей в Якутии, начиная с 1918 года, и в них, сквозь демагогические рассуждения, ясно было видно стремление тойонов сохранить свои привилегии.

Следует отметить, что контрреволюционные авантюристы в Булуне имели широкие планы. Они хвастливо заявляли о намерении захватить Верхоянск, Вилюйск и даже Якутск, рассчитывая на помощь белогвардейцев из Харбина и китайских реакционеров, выступивших тогда против нашей страны. Такой «аппетит» станет понятным, если учесть, что значительная часть участвовавших в бандитизме уже неоднократно выступала с оружием против Советской власти. Но все их планы с треском провалились. Трудящиеся еще до прихода воинских частей поднялись на борьбу с богачами.

Большое значение в мобилизации населения на ликвидацию мятежников имели меры, предпринятые правительством республики.

1 января 1930 года ЯЦИК принял обращение «К трудящимся тунгусам и якутам Севера…», в котором, в частности, говорилось:

«…Якутия превратилась в Автономную Советскую Республику. Растет, машинизируется и обобществляется сельское хозяйство. Создается государственная промышленность. Широкая сеть школ, изб-читален,

красных повозок, лечебных и ветеринарных пунктов раскидывается по всей Якутии. На основе этого улучшается благосостояние и организованность трудящихся…

Перед нами стоят задачи дальнейшего усиления социалистического строительства и решительного наступления на капиталистические, феодальные элементы. На текущий год выдвигается как особо важная проблема — работа то советизации Севера.

До сих пор Советская власть искала пути подъема и улучшения положения трудящихся Севера, не внося коренных изменений в существующие общественные отношения. Этот путь оказался неверным, он не привел к желаемому результату, а наоборот, обогатил феодалов и спекулянтов.

С этого года ты коренным образом изменяем методы работы на Севере, переходя в решительное социалистическое наступление на феодалов и купцов.

Будет проведено национальное районирование Севера с созданием особых тунгусских, чукотских и др. районов. Это даст трудящимся этих народов возможность устраивать свою жизнь на своем языке и с учетом особенностей своего народа.

Рыболовные, пастьевые, покосные угодия являются основой северного хозяйства. Феодалы и богачи захватили в свои руки лучшие и многочисленные угодья и, пользуясь ими, эксплуатируют трудящихся.

В 1930 году будет произведен передел этих угодий. Все лучшие рыболовные пески, пастьевые, покосные угодья будут отобраны у феодалов-богачей и переданы бедноте и середнякам.

Для освоения трудящимися полученных земель, для улучшения их хозяйств будет организована широкая государственная помощь, в виде кредитов, снабжения рыболовным, охотничьим и прочим инвентарем через кооперацию и коллективные хозяйства…

Проведение всех этих мероприятий будет сопровождаться организацией в профсоюзы, Советы, и решительным отстранением эксплуататорских и антисоветских элементов от участия в общественных делах путем лишения избирательных прав.

Все пришлые эксплуататорские и уголовные элементы должны быть выселены с Севера с конфискацией имущества.

Значение этих мер огромно. Они освободят трудящихся от вековой эксплуатации и выведут их на широкую дорогу социалистического развития, а феодалы и богачи потеряют свое могущество и сойдут с исторической арены.

Эксплуататоры знают, что приходит конец их господству и они решились не допустить проведения в жизнь этих мероприятий. Кучка бандитов, ставленников феодалов и богачей, вроде Сивцева, Васильева и других, захватила Булун. Они поставили своей целью сорвать социалистическое строительство и разграбить фактории. Своим выступлением бандиты не собьют нас с намеченного пути. Трудящиеся не дадут запугать себя и не откажутся от плана освобождения себя от угнетения. Больше того, они не должны позволять бандитам грабить фактории, разорять мирные трудовые хозяйства.

Якутский Центральный Исполнительный Комитет призывает всех трудящихся немедленно начать проведение в жизнь указанных выше мероприятий, повести решительную борьбу против бандитов, излавливая их в одиночку, помогая красным отрядам подводами, продовольствием, сведениями о движении бандитов и т. п.

Да здравствует власть трудящихся на Севере!

Вперед к социалистическому строительству!

Долой бандитов — ставленников феодалов и купцов!

Председатель ЯЦИК А. А н д р е е в

Секретарь С. П о т а п о в…»

Решающую роль в непосредственном разгроме мятежа, разумеется, сыграл отряд чекистов под командованием Андрея Сидоровича Доли, своевременно посланный на Север по решению партийных органов. Подвиги, совершенные бойцами, были высоко оценены правительством Якутии.

Булунский окрисполком Советов вручил отряду Красное знамя и грамоту следующего содержания:

«В Булунском округе кучка феодалов и кулаков организовала вооруженную банду и подняла восстание против Советской власти. Советская власть — власть пролетариата, беднейшего крестьянства и промысловиков — громадного большинства населения, стоящая на защите интересов трудящихся масс, приняла

меры к скорейшей ликвидации бандитского движения. Эта задача была возложена на Северный сводный отряд войск ОГПУ. Красноармейцы и командиры отряда, не щадя своей жизни, с честью выполнили данные им поручения и ликвидировали банду… Отмечая это, Булунский исполнительный комитет счастлив передать по поручению Якутского Центрального Исполнительного Комитета Советов следующую телеграмму:

«Передайте командирам, красноармейцам красных отрядов от имени трудящихся Якутии, правительства выражение благодарности за успешное, решительное выполнение заданий партии и правительства по ликвидации булунской авантюры. Вашей стойкостью лишний раз доказано, что контрреволюции не нарушить строительной работы.

Склоним знамена перед памятью товарищей.

Да здравствует социалистическое строительство!

Зам. председателя ЯЦИКа Новгородов

Секретарь Потапов»

Булунский исполком от своего имени и имени трудящихся округа в день похорон жертв бандитизма передает отряду Красное знамя, как залог теснейшего единения с Красной Армией, как залог того, что в борьбе с врагами Советской власти она всегда встретит поддержку со стороны трудящихся масс.

Вечная память павшим героям!

Да здравствует зоркий часовой Октябрьской революции — войска ОГПУ!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует строительство социализма!

Булунский окружной исполнительный комитет Советов

18 марта 1930 года, Булун»

Свою лепту в общую победу внес и наш маленький отряд, созданный из бедноты и коммунистов поселка Быков Мыс. В боевых порядках он прошел более четырехсот километров по тундре. Это был напряженный и опасный путь, за каждой скалой и кустом могла подстерегать вражеская засада… В боях погибли наши славные товарищи В. Расторгуев, П. Захаров и С. Ефремов. В

1971 году им установлен памятник.

После разгрома авантюры трудящиеся округа с большим энтузиазмом принялись за ликвидацию экономических корней белобандитизма. Была проведена экспроприация кулаков и других противников Советской власти. Началась большая работа по организации колхозов, которым передавались лучшие промысловые угодья, оленьи выпасы, скот и другое имущество.

Новая жизнь утверждалась прочно и навсегда.

Выстрелы, прозвучавшие суровой зимой 1930 года, были последними выстрелами на Севере. Они ознаменовали собой конец вооруженной борьбы с контрреволюцией в Якутии.

1977 г.

Е. Виллахов
ПОДВИГ ТВОЙ НЕ ЗАБЫТ, ИМЯ ТВОЕ ВЕЧНО!

Ранним утром большая группа трудящихся, чекистов, молодежи выехала из Якутска. Впереди — Майя, Амга, Чакыр, Бетюнь, Сулгачи, Абага, Сасыл-Сысыы… Места боевой славы, героических сражений.

Мы ехали дорогами, по которым, может быть, не раз проходили и проезжали первые чекисты Якутии, посвятившие жизнь борьбе с явными и тайными врагами Советской власти. В этих краях, в глухой тайге пали многие из лучших сынов народа в жарких боях и под выстрелами из бандитских засад.

Имена этих людей, запечатленные на памятниках и скромных обелисках, снова и снова возвращали нас к событиям тех грозных дней. Мы словно листали историю, живую историю Советской Якутии. Ее помогали восстанавливать не только надписи, но и приходившие на встречи с чекистами седые ветераны гражданской войны.

Мы слушали взволнованные рассказы Ивана Васильевича Скрябина, Петра Николаевича Немчинова, Федора Шакировича Садыкова, Афанасия Васильевича Жиркова и Василия Константиновича Расторгуева… Задушевно, тепло вспоминая о товарищах, они живо воспроизводили картины былых боев и походов, незабвенные образы героев-чекистов.

Амгинский район…

На его долю выпало немало бед и славных дел… Десятки больших и малых банд рыскали по амгинской тайге, творя черное дело. Помнят здесь и корнета Коробейникова, и генерала Пепеляева. Это они не жалели патронов для уничтожения коммунистов и активистов.

Январь 1922 года. Отряды белобандитов окружили Амгу со всех сторон. Началась героическая оборона, продолжавшаяся четыре месяца. Осажденный гарнизон состоял из 382 бойцов, располагал четырьмя тяжелыми и пятью ручными пулеметами. Оружие у красных воинов было самое разнообразное — от русских и итальянских винтовок до винчестеров и охотничьих ружей. Отряд, которым командовал славный сын венгерского народа Карл Котрус, имел только четыре ящика гранат и 14 тысяч патронов.

Душой обороны Амги стала партийная ячейка. Одним из

активных ее руководителей являлся местный крестьянин Василий Федотович Алексеев, в прошлом председатель волостного ревкома. Это был саженного роста человек. Работая в Якутске на посту председателя правления кооператива «Холбос», добровольцем поехал на фронт. Прибыв в родную Амгу, развернул неутомимую деятельность по сбору и заготовкам для отряда продовольствия, теплой одежды и фуража. Одновременно Алексеев был комендантом особого отдела при уполномоченном губчека Степане Максимовиче Аржакове…

На партизанской улице, что протянулась с запада на восток вдоль реки, сохранились старые дома под номерами 73, 75 и 77. Мемориальные доски говорят, что в этих бывших купеческих домах находились штаб уполномоченного губчека, казармы взвода охраны и особый отдел.

Участники похода знакомятся с памятными местами, слушают рассказы сподвижников Аржакова по обороне Амги, задают ветеранам вопросы…

Да, именно отсюда уходили на выполнение заданий чекисты, отправлялись в опасный путь разведчики и связисты, собирались командиры отрядов, чтобы обсудить боевые операции да и просто подбодрить уставших людей. Аржаков был ведь не только уполномоченным губчека и членом военного Совета, но и политическим воспитателем.

Красноармейцы гарнизона, якуты — бойцы добровольных красных дружин и жители села, русские и якутские крестьяне, составляли единый боевой коллектив. Высокий моральный дух, организованность и слаженность, вера в победу сделали Амгу неприступной крепостью, с честью выдержавшей все тяжелые испытания… А трудностей было с избытком: не хватало теплой одежды, продовольствия, топлива, фуража. Дрова и сено осажденным приходилось добывать с боями. Для дерзких рейдов в стан врага был создан конный отряд «Красные орлы», проводником которого стал опытный и смелый разведчик Василий Константинович Расторгуев. Кавалеристы под его началом проводили лихие рейды по тылам врага.

Однажды командование гарнизона решило предпринять разведку боем в Чакырский наслег, разгромить засевший там бандитский штаб.

Операцию поручили провести роте командира-коммуниста Михаила Яборова.

— Михаил Яковлевич плохо знает наши места, он ведь курский, — сказал Аржакову комендант особого отдела Василий Федотович Алексеев. — Разрешите мне принять участие в этой вылазке!

Аржаков согласился, зная бесстрашие и самоотверженность чекиста. Морозным днем бойцы выступили в поход. Совсем немного оставалось до вражеского штаба: преодолеть Улахан-алас, и там, за стеной леса, взять противника в штыки…

Но бандиты, притаившиеся в глубоком снегу на опушке Улахан-аласа, открыли оружейный огонь. С возгласами «ура» отряд пошел в атаку, и впереди всех рослый, широкоплечий Алексеев. Бандитская пуля ранила его в ногу, но чекист, превозмогая боль, увлекает товарищей вперед. Вторая пуля попадает в сердце.

…И вот мы у могилы героя. Благодарные потомки — жители Чакырского отделения совхоза «Амгинский» — открывали в этот день памятник у той самой сосны, где в январе 1922 года погиб Алексеев…

Падает белое покрывало, в морозном воздухе звучит салют.

Юные пионеры, приехавшие сюда из совхозного поселка, дают клятву верности делу Ленина, делу коммунизма. Венки ложатся к постаменту.

Вечно будет имя твое!

Подвиг твой не забыт!

Амгинский гарнизон не имел связи с Якутском со дня окружения. Телеграфная связь была повреждена. Каждая попытка связаться с Якутском с помощью курьеров заканчивалась неудачей. Все смельчаки, пытавшиеся пробиться в город, гибли от бандитских пуль.

— И все-таки надо доставить в Якутск информацию о положении в Амге, — сказал на заседании штаба Аржаков. — Думаю, добровольцы найдутся…

Выполнить задание вызвались один из организаторов и руководителей Сулгачинской дружины коммунист Иннокентий Поисеевич Михайлов, сотрудник особого отдела, сын бывшего ссыльного Александр Егорович Чурин и бетюнский бедняк — Семен Яковлевич Васильев по прозвищу Байанай. В начале февраля под покровом ночного тумана при смельчака выехали верхом на конях.

В пути пришлось пробиваться через несколько засад. Первую в Алтайском наслеге, всадники проскочили благополучно. А вскоре связные увидели, что за ними торопится бандитская погоня. Недалеко от местечка Бютяйдях враги убили лошадь под Васильевым. И он, крикнув, чтобы друзья уходили от погони, начал отстреливаться. Когда патроны кончились, бандиты схватили его и привели в белогвардейский штаб. До последнего дыхания Васильев сохранял непоколебимую твердость духа, не выдав тайны задания, с которым они пробивались в Якутск. После

зверских пыток и истязаний Семена расстреляли…

Нелегким был дальнейший путь. В Холгуминском наслеге опять напоролись на засаду. Завязалась перестрелка, в ходе которой Чурин погиб, а под Михайловым ранили коня. Иннокентий не растерялся, пересел на лошадь товарища и прорвался через вражескую заставу. Пакет с шифрованным донесением был доставлен в Якутск и вручен командованию Красной Армии.

А разве можно забыть подвиги молодого чекиста, сына бедняка, расстрелянного бандитами, коммуниста Николая Егоровича Захарова? Много боевых, героических дел на счету этого крестьянского парня! Он приводил в трепет белобандитов, слыл грозой для купцов и тойонов. Коля Захаров был любимцем красных бойцов и бедняков-хамначитов. Работая уполномоченным ГПУ в Петропавловской волости в Амгинском улусе, Захаров умелыми действиями пресекал происки врагов, разоблачал заговоры, вел среди населения разъяснительную политико-массовую работу.

Находясь в Чурапче, чекист Захаров с отрядом «Деда» Курашова идет на выручку окруженного пепеляевцами в Сасыл-Сысыы сводного красного отряда Строда. 2 марта 1923 года в местечке Билистях произошел бой с главными силами белого генерала. В этом бою, закончившемся разгромом и бегством банды Пепеляева, белогвардейская пуля оборвала жизнь бойца-чекиста…

Нынешнее поколение должно знать имена героев, знать их подвиги. Вот почему с большим интересом слушали всюду выступления сотрудников КГБ, когда после возложения венков в селах проходили торжественные собрания, посвященные юбилею ВЧК—КГБ. В Амге, Бетюне, Чакыре, Сулгачах, Абаге, там, где побывали участники похода, в клубы собирались сотни людей, среди которых были представители всех поколений.

Имена людей, отдавших жизнь за Советскую власть, их подвиги никогда не выветрятся из памяти народа.

Слава их вечна!

1967 г.

notes

Примечания

1

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156.

2

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327.

3

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 173—174.

4

Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. М., Политиздат, 1977, т. 1, стр. 296.

5

Из истории ВЧК. М., Политиздат, 1958, стр. 374.

См.: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 113—121.

7

ЦГА, ф. 67, оп. 2, д. № 1, л. 6.

8

ЦГА, ф. 454, оп. 1, д. 59, л. 15.

9

Военные контрразведчики. М., Воениздат, 1978, стр. 18.

10

Фукье-Тенвиль Антуан Кантен (1746—1795) — непримиримый народный обвинитель Революционного трибунала периода Французской революции.

Рассказы о Дзержинском. М., 1965, стр. 147.

12

А. Тишков. Дзержинский. М., 1977, стр. 332.

13

Из истории ВЧК, стр. 424.

14

Ленский коммунар, 1921, № 182, 23 августа.

15

В. Г. Лебедев. Из истории борьбы с контрреволюцией на севере-востоке РСФСР. Сб. науч. трудов: Музейное дело в СССР. М., 1982, стр. 150.

16

История ЯАССР. М., изд. Академии наук СССР, 1963, т. 3, стр. 54.

17

В. Синеглазова. Ты помнишь, товарищ… Якутск, 1967. стр. 117.

18

См.: За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1980, стр. 217.

19

Ф. Э. Дзержинский — руководитель ВЧК—ОГПУ. М., 1967, стр. 111.

20

ЦГА, ф. 454, оп. 1, д. 59, л. 15.